

ДОКЛАД О СОСТОЯНИИ ДЕЛОВОГО КЛИМАТА В России

Москва
Март 2023

Оглавление

Главные события, в наибольшей степени повлиявшие на российскую экономику	3
Деловой климат в России: динамика оценок	6
Главные проблемы для бизнеса.....	10
Государственная поддержка	14
Фискальная нагрузка.....	31
Доступность кредитных средств.....	34
Взаимодействие бизнеса и власти: российская практика	35
Защита прав компании.....	41
Контрольно-надзорная деятельность	50
Конкуренция	59
Региональный деловой климат.....	64
Социальная ориентированность бизнеса.....	68
Цели устойчивого развития в бизнес-практике российских компаний	77
Кадры и достойный труд.....	80
Инфраструктура для бизнеса	89
Экспортная деятельность российских компаний и импортозамещение	98
Инновационная деятельность и цифровизация.....	107
Взгляд в будущее	115

Главные события, в наибольшей степени повлиявшие на российскую экономику

2019 год	2020 год. Тема № 1 – пандемия	2021 год	2022
1. Повышение с 1 января 2019 г. НДС до 20 %	1. Закрытие границ, усложнение логистики, разрывы технологических цепочек, ограничение поставок сырья и оборудования, ограничение перемещения работников в связи с распространением новой коронавирусной инфекции	1. Продолжение распространения новой коронавирусной инфекции	1. Введение санкционных ограничений против России, российских физических и юридических лиц (восемь санкционных пакетов)
2. Неоднократное снижение Банком России ключевой ставки в течение года	2. Падение цен на нефть в I квартале 2020 г.	2. Резкий рост цен на продукцию деревообрабатывающей, металлургической промышленности, на отдельные виды продовольственных товаров и т.д.	2. Изменение транспортно-логистических коридоров, ограничения на деятельность российских перевозчиков за рубежом
3. Ужесточение санкций в отношении РФ, отдельных российских компаний и проектов (санкции США против «Северного потока-2» и т.д.)	3. Последовательное снижение ключевой ставки Банком России	3. Повышение ключевой ставки Центральным банком Российской Федерации	3. Начало специальной военной операции на Украине
4. Реализация национальных проектов	4. Нестабильность на валютном рынке	4. Рост цен на нефтяном рынке (на 30 декабря 2020 цена одного барреля brent составляла \$51,41 – на 8 сентября 2021 \$72,39, рост 40,8%)	4. Проведение частичной мобилизации, введение отдельных решений в части социально-трудовых отношений, корпоративного регулирования и иных особенностей регуляторики в отношении мобилизованных
5. Запуск рабочих групп по «регуляторной гильотине»	5. Реализация антикризисных мер поддержки бизнеса и граждан, включая меры по недопущению кризиса неплатежей	5. Активизация регулирования цен и экспорта на отдельные товары (зерно, металлы, лес т.д.) и обсуждение новых механизмов, в том числе фискальных (повышение НДС и др.)	5. Ограничение недружественными странами экспорта ключевых российских товаров, введение в отношении некоторых из них потолка цен
6. Реализация	6. Ускорение	6. Существенное	6. Рост цен на

крупных инфраструктурных проектов («Сила Сибири», запуск железнодорожного сообщения по Крымскому мосту и т.д.)	цифровизации в компаниях, а также в сфере взаимодействия бизнеса и государства (перевод ряда государственных услуг, мер государственной поддержки и т.д. в электронную форму), импортозамещение в цифровой сфере	повышение налогов для металлургической отрасли и производителей удобрений	российскую и иностранную продукцию
7. Внесение в Государственную Думу законопроекта «О защите и поощрении капиталовложений и развитии инвестиционной деятельности в Российской Федерации»	7. Принятие поправок в Конституцию Российской Федерации	7. Завершение строительства газопровода «Северный поток-2»	7. Легализация параллельного импорта
8. Отмена с 1 января 2019 г. налогообложения движимого имущества	8. Создание российских вакцин против коронавирусной инфекции, начало вакцинации	8. Массовая вакцинация от COVID-19 в России, введение обязательной вакцинации для отдельных групп работников в значительной части регионов	8. Активная реализация политики технологического суверенитета и импортозамещения
9. Перевод ряда гражданско-правовых споров в сферу уголовного разбирательства (дело Baring Vostok, Rambler и т.д.)	9. Принятие Общенационального плана действий, обеспечивающего восстановление занятости и доходов населения, нацеленного на долгосрочные структурные изменения в экономике	9. Автоматическое продление лицензий и разрешений, истекающих в период с 1 января по 31 декабря 2021 года, ещё на один год	9. Повышение тарифов на продукцию/услуги естественных монополий
10. Модернизация существующих инструментов и механизмов поддержки (СПИК 2.0, транспортная субсидия, субсидия на НИОКР и т.д.) 10. Обсуждение проекта Постановления Пленума Верховного суда РФ по налоговым преступлениям, включая вопрос возможного отнесения налоговых преступлений к	10. Реализация механизма «регуляторной гильотины»	10. Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, прохождение пяти партий по партийным спискам	10. Перевод части расчетов в рамках внешнеэкономических сделок в валюты дружественных стран и рубль

длящимся преступлениям 10. Договорённости о зоне свободной торговле и упрощении торговли ЕАЭС с Китаем, Вьетнамом, Ираном, Сингапуром			
--	--	--	--

Очевидно, санкционные ограничения в наибольшей степени повлияли на экономику и бизнес и стали определяющим фактором для деловой среды в 2022 году; на третьем месте – начало специальной военной операции.

Среди конкретных ограничений наиболее значимыми стали транспортно-логистические, влияние которых на бизнес было максимальным и с точки последствий, и с точки зрения затронутых ими компаний, при этом негативное воздействие данного ограничения пока в значительной степени сохраняется.

Проведение частичной мобилизации заняло 4 место в списке наиболее значимых событий. Опросы, проведенные среди компаний-членов РСПП, показали, что существенное влияние на кадровую ситуацию в компании и её ключевые экономические показатели зафиксировано у ограниченного количества респондентов.

Ограничение недружественными странами экспорта ключевых российских товаров и введение в ряде случаев потолка цен на неё потребовало перенастройки системы сбыта, выхода на новые рынки и отчасти усугубило транспортно-логистические проблемы с учетом нерешенности проблем в ряде традиционных «узких мест» в инфраструктуре.

Рост цен на российскую и иностранную продукцию и повышение тарифов на продукцию/услуги субъектов естественных монополий усугубили проблемы российских компаний.

Легализация параллельного импорта получила наиболее высокие оценки среди антикризисных мер, поскольку позволила отчасти сгладить проблемы, связанные с барьерами при импорте и уходе с российского рынка иностранных компаний.

В десятку вошли и два позитивных события – активная реализация политики технологического суверенитета и импортозамещения и перевод части расчетов в рамках внешнеэкономических сделок в валюты дружественных стран и рубль. Две эти задачи решались не один год, но в 2022 году удалось добиться определённого прогресса. В части валюты речь идет в большей степени о переходе на расчеты в валюте дружественных стран, прежде всего, юань, но даже это существенно более высокий результат, чем за предыдущие годы.

Важно, но...

11. Введение ограничений на отдельные операции с иностранными контрагентами и операции с активами, требующие получение специальных разрешений.

12. Мораторий на плановые проверки.

13. Падение российского фондового рынка.

14. Релокация российских компаний и специалистов.
15. Перезапуск, модернизация, введение новых инструментов поддержки.

Деловой климат в России: динамика оценок

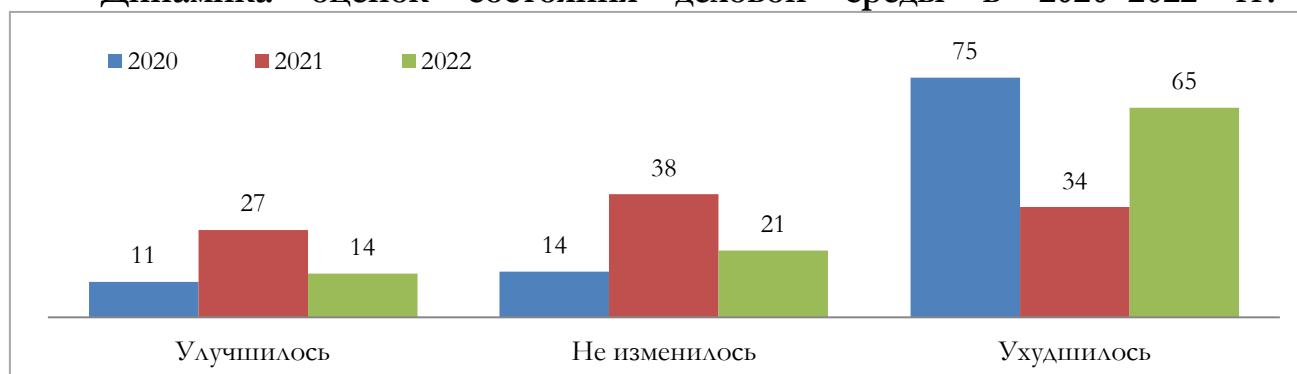
2022 год подтвердил, что неопределённость — главная характеристика делового климата в России. Предсказать эффекты от внешних шоков, ожидавших экономику после начала специальной военной операции на территории Украины, было невозможно.

Не успев до конца оправиться от кризиса, случившегося в связи с началом пандемии новой коронавирусной инфекции в 2020 году, российский бизнес снова вошёл в зону турбулентности.

Вопреки планам и прогнозам, которые компании готовили в конце относительно спокойного 2021 года, восстановление экономики сменилось в очередной раз спадом, что отразилось и на динамике оценок состояния делового климата.

Если в 2021 году более четверти респондентов были готовы ответить, что деловой климат стал лучше, то год спустя их доля снизилась до значения, полученного в кризисном 2020 году. Оценки сместились в негативную сторону, и порядка двух третей компаний снова остановились на ответах «состояние деловой среды за год ухудшилось».

Динамика оценок состояния деловой среды в 2020–2022 гг.

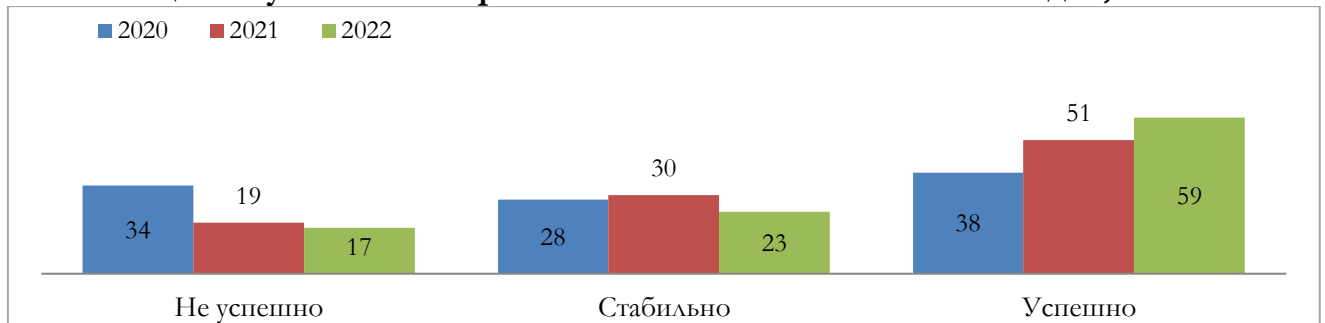
Значения округлены до целого числа

Однако проблемы и ограничения, возникшие в отчётный период, не привели к масштабной переоценке успехов и достижений самих компаний.

В 2020 году около трети участников опроса сообщили, что их деятельность была не успешной. В последующие два года менее пятой части компаний останавливались на этой оценке.

Интересно, что кризис 2022 года не смог замедлить развитие компаний, и за два года доля оценок «деятельность была успешной» выросла более чем на 20 п.п. и достигла 59%.

Оценки успешности развития компании в 2020–2022 годах, %

Значения округлены до целого числа

В анкеты 2020-2021 годов в анкету был включён дополнительный вопрос — как на деятельность бизнеса повлияло распространение Covid-19. В ходе опроса 2022 года его место заняла просьба оценить более актуальное событие — начало СВО на территории Украины.

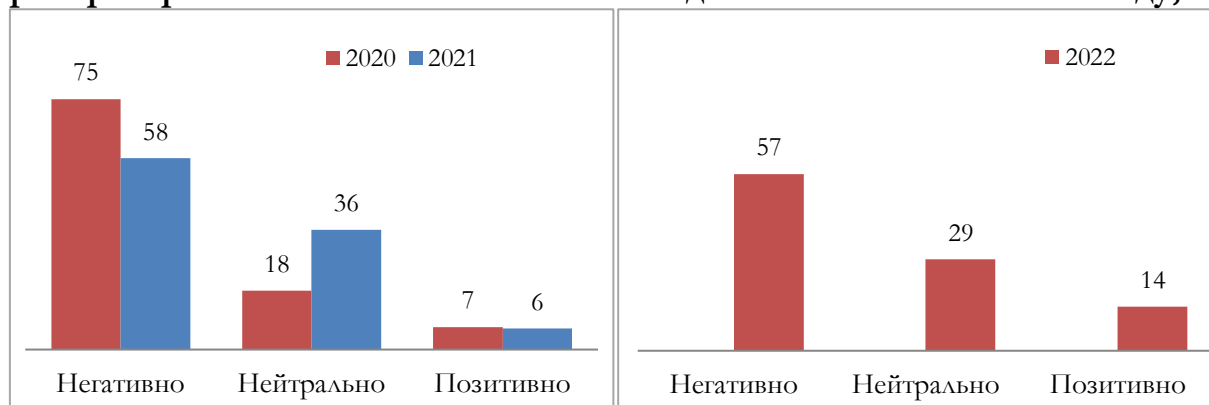
Кажется некорректным напрямую сравнивать оценки респондентов, чтобы выделить фактор, в большей степени повлиявший на работу предприятий — пандемия Covid-19 или начало СВО, так как есть риск упустить из вида слишком много различных дополнительных соображений, которые на самом деле определяли содержание ответов респондентов.

Однако полученные результаты могут стать хорошим подспорьем для ретроспективного изучения, каким был деловой климат в 20-е годы XXI века и что именно было значимым для российского бизнеса в тот или иной год.

В 2020 году внезапное и резкое ухудшение экономической ситуации во всём мире из-за начала пандемии негативно сказалось на работе трёх четвертей компаний. За год бизнес в какой-то мере смог адаптироваться к изменившимся условиям деятельности, и доля негативных оценок сократилась примерно на 17 п.п. при двукратном увеличении доли нейтральных ответов.

В 2022 году 57% компаний негативно оценили начало СВО на территории Украины с точки зрения того, как повлиял этот фактор на их деятельность. Вариант «начало военных действий никак не повлияло на работу» указали 29% опрошенных, а, по оценкам 14% предприятий, этот фактор смог в отчётный период сыграть положительную роль.

**Оценка влияния на деятельность компаний факторов:
распространения Covid-19 в 2020–2021 годах и начала СВО в 2022 году, %**

Значения округлены до целого числа

Кризис 2022 года, связанный, помимо прочего, с новыми ограничениями на импорт оборудования и комплектующих, в том числе высокотехнологичной продукции, не смог настолько серьёзно затормозить развитие инвестиционной деятельности российских компаний, как это произошло в кризис 2020 года.

Во время первого года пандемии более пятой части опрошенных предприятий не осуществляли инвестиции, через год компании стали намного реже выбирать отрицательный ответ, а к концу 2022 года доля сократилась на 9 п.п. Одновременно с этим последовательно росло число организаций, чьи инвестиции были крупными, – с 36 п.п. до 51 п.п.

Доля предприятий, объём вложений которых был не очень значительным, оставалась на протяжении этих трёх лет примерно на одном уровне – около 40%.

**Осуществление инвестиционных вложений в основной капитал
в 2020–2022 годах, %**

Значения округлены до целого числа

Также в 2022 году компании стали более смелыми в своих прогнозах: 56% организаций-участниц опроса планируют направить на инвестиционные проекты крупные объёмы средств в следующий период. Треть собирается

вкладывать не очень значительные средства в инвестиции, и только 12% компаний не включили в бюджет на следующий год инвестиционные проекты.

Планирование инвестиционных вложений в основной капитал в 2020–2022 годах, %

Значения округлены до целого числа

В краткосрочной перспективе большинство компаний – две трети из опрошенного множества – собирается заняться модернизацией имеющегося оборудования. Переоборудование производства запланировано примерно в 40% организаций.

В срок до трёх лет около 30% предприятий хотят провести капитальный ремонт зданий и сооружений. Чуть меньше – 26% компаний направят средства на строительство новых объектов.

Пятая часть организаций включила в инвестиционные программы обучение сотрудников. Вложения в НИОКР, инновации запланированы в 15% предприятий.

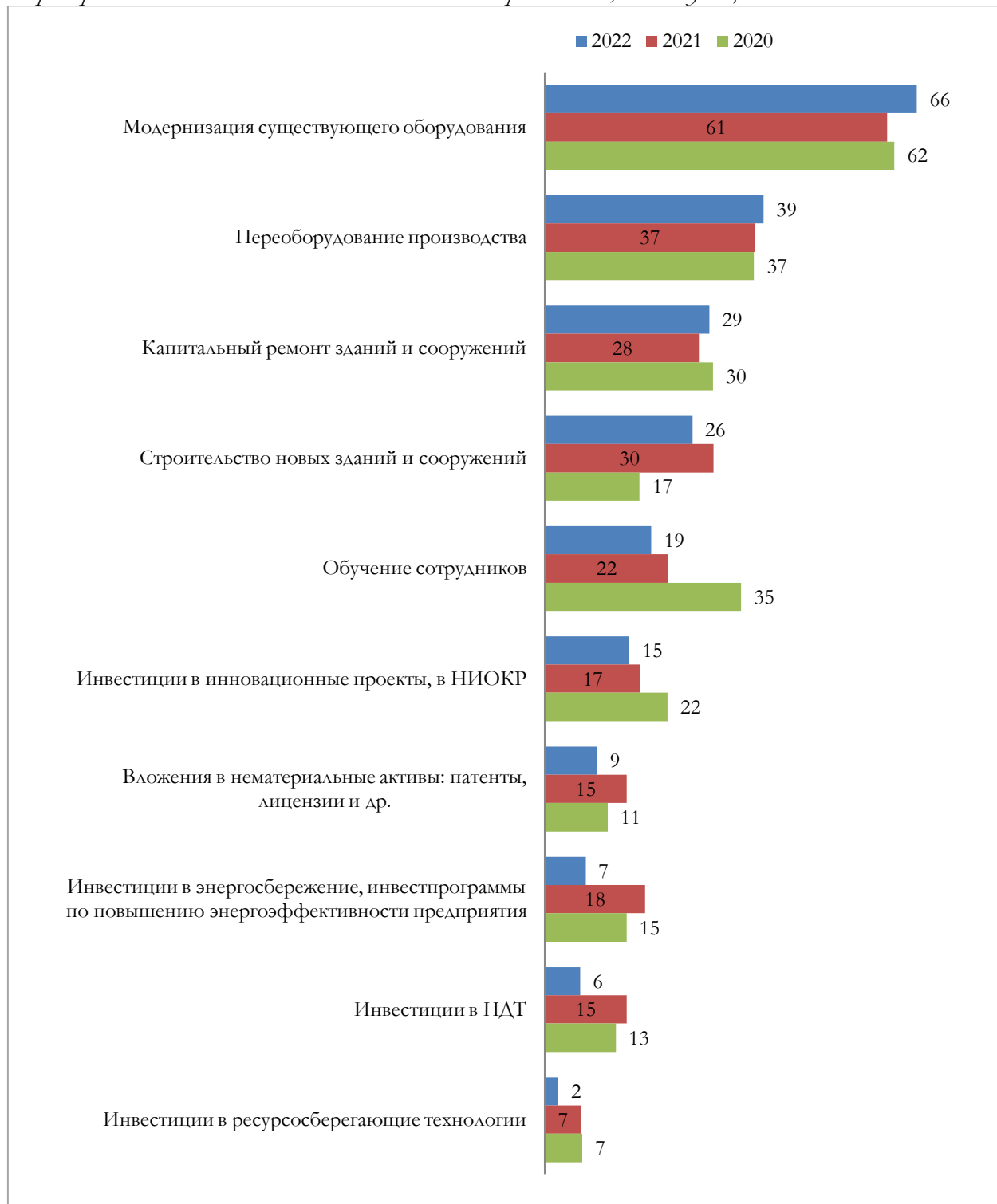
Менее десятой части компаний намерены инвестировать в ближайшей перспективе в нематериальные активы (патенты, лицензии и т.д.), в энергосбережение и программы по повышению энергоэффективности, в НДТ.

Реже всего респонденты отвечали, что собираются реализовать ресурсосберегающие программы, – доля этого варианта составила лишь 2%.

В целом, за последние три года структура инвестиционных планов не изменилась. Из значимых отличий стоит упомянуть, что за три года снизился приоритет проведения обучающих программ, а также инновационной деятельности и реализации энергосберегающих программ.

Инвестиционные вложения в краткосрочной перспективе (от года до трёх лет), 2020–2022 годы, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общая доля не сводится к 100%

Значения округлены до целого числа.

Главные проблемы для бизнеса

По остроте и актуальности проблемы, которые мешают вести предпринимательскую деятельность в России, можно разделить на несколько групп.

Дефицит квалифицированных кадров, рост цен производителей и рост тарифов по традиции возглавляют список основных проблем для бизнеса в России, и ситуация остаётся почти без изменений, по крайней мере, в последние 15 лет – с момента запуска исследования РСПП.

В 2022 году эту группу проблем отметило примерно равное число респондентов – их доля составила чуть больше 50%.

По сравнению с 2021 годом, значимость инфляции цен производителей немного снизилась. Год назад, на фоне резкого подорожания продукции металлургического, химического, лесобумажного комплексов, почти две трети участников опроса сообщили, что именно рост цен производителей оказал наиболее негативное влияние на работу российских компаний.

Следующую группу по актуальности образуют проблемы «избыточно высокие налоги» (доля 30,2%), «снижение спроса» (доля 23,7%) и «чрезмерно контрольно-надзорное давление на бизнес» (доля 20%).

Разрыв между значениями доли, которые набрали ограничения для бизнеса, занявшие первое место, и этой группы проблем, достигает в отчётный период 20 п.п. Два года назад разница была менее 10 п.п. За прошедшее время значимость размера налоговой нагрузки, снижения спроса и давления со стороны КНО снизилась для части респондентов.

Причём проблема со спросом в некоторой степени потеряла свою остроту ещё в 2021 году, тогда как два остальных ограничения тогда ещё оставались для компаний серьёзной помехой в работе.

В третью группу входит довольно большее количество проблем, примерно в равной степени мешающих деятельности российских предприятий. Их указали в ходе опроса 2022 года от 10% до 15% респондентов.

Вариант «сложности в осуществлении внешнеэкономических операций (логистика, взаиморасчеты, страхование и т.д.)» был добавлен в анкету только в 2022 году, когда по отношению к российскому бизнесу были введены жёсткие санкции и ограничения в финансовой сфере. Согласно результатам, появление новых проблем, связанных с осуществлением внешнеэкономической деятельности, затронули порядка 15% компаний.

Трудности с доступом к кредитным ресурсам и недобросовестную конкуренцию назвали ключевыми проблемами для российских организаций 13% опрошенных. Примерно такую же долю набрали ответы «неэффективная судебная система» и «высокие административные барьеры», и здесь

зафиксировано значимое отличие от данных за 2020 год, когда более пятой части респондентов придерживались мнения, что именно эти проблемы ограничивают деятельность бизнеса в наибольшей степени.

Актуальность проблем – неразвитость инфраструктуры; недостаточная защищённость прав собственности и контрактных прав; отсутствие ясных целей и ориентиров страны – в последние три года не изменилась. Из года в год их отмечали около 10% компаний.

Реже всего в 2022 году респонденты отвечали, что работе российских компаний мешают такие проблемы, как:

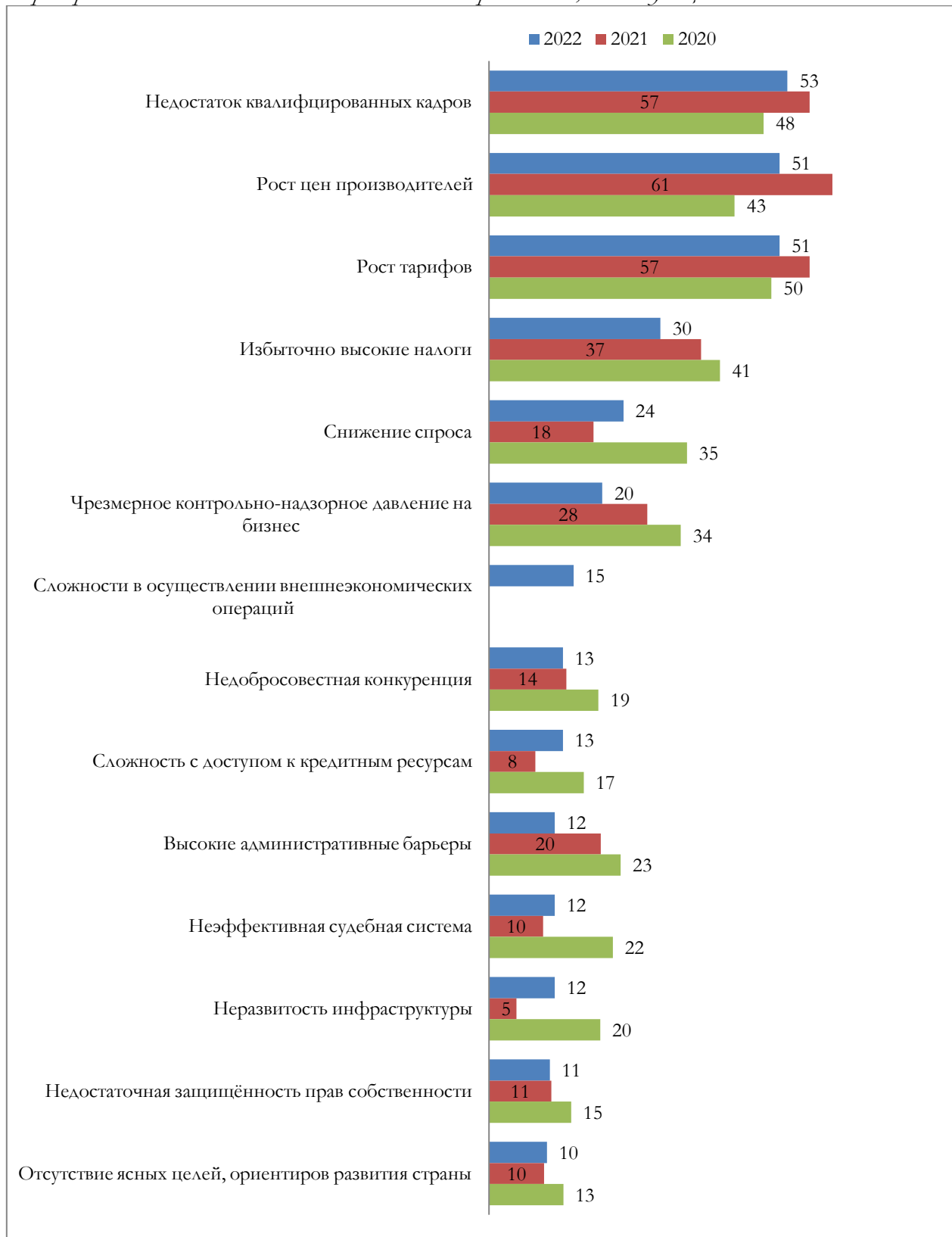
коррупция в органах власти; низкое качество государственного управления; сложность с присоединением к инженерным, транспортным сетям; неэффективное налоговое администрирование; жёсткость и неоднозначность трудового законодательства; избыточная доля государственного сектора в экономике; низкое качество корпоративного управления.

Эту группу ограничений указали менее 8% участников опроса.

В 2020 году коррупцию в органах власти отметили как острую проблему для бизнеса 19,6% организаций, а низкое качество государственного управления – 17,8% компаний. За год актуальность этих ограничений снизилась примерно в два раза, и в отчётный период оценки респондентов уже не изменились.

Наиболее острые проблемы, мешающие предпринимательской деятельности в России в 2020–2022 годах, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общая доля не сводится к 100%.

Значения округлены до целого числа.

Приведены первые десять ответов, набравшие в 2022 году долю > 10%.

Во все три года избыточный уровень налоговой нагрузки и неэффективное налоговое администрирование ограничивали деятельность организаций-субъектов МСП в большей степени, чем работу крупных компаний.

В кризисные 2020 и 2022 годы субъекты МСП жаловались на трудности с доступом к кредитным ресурсам примерно в два раза чаще, чем представители крупного бизнеса, тогда как в более спокойный 2021 год оценки организаций различного размера были близки.

В 2020 году субъекты малого и среднего бизнеса также значительно чаще крупных компаний указывали в качестве ключевых проблем для бизнеса коррупцию в органах власти, недобросовестную конкуренцию, низкое качество государственного управления и избыточную долю государства в экономике. Впоследствии доли этих вариантов у компаний различного размера отличались мало.

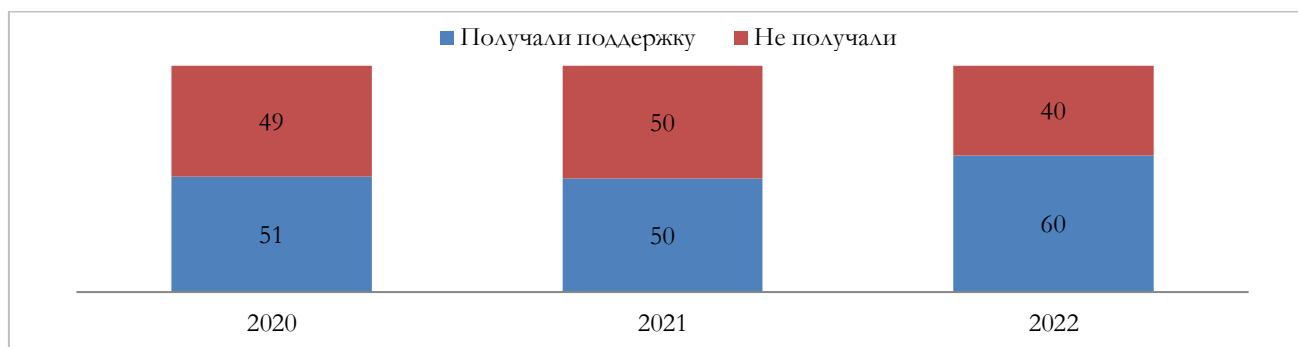
Компании с участием государства в капитале реже независимых организаций указывали, что в 2022 году им мешало снижение спроса – отличие в значениях доли этого варианта 10 п.п.

Государственная поддержка

В отчётный год доля получателей государственной поддержки среди опрошенных компаний выросла сразу на 10 п.п., и это различие значимо.

60% компаний сообщили, что они обращались и получили какую-либо поддержку со стороны государства; среди возможных вариантов ответа они могли указать субсидии, государственные гарантии, займы институтов развития, пониженные налоговые ставки или нефинансовую поддержку. Причём организации могли быть получателем какого-либо одного или нескольких видов поддержки.

Соотношение компаний по критерию получения государственной поддержки, %

Значения округлены до целого числа.

Среди компаний-субъектов МСП доля получателей поддержки составила в 2022 году 51,7%, а среди крупных организаций она достигла 64%. В 2020-2021 годах отличие между группами компаний различного размера было статистически незначимо.

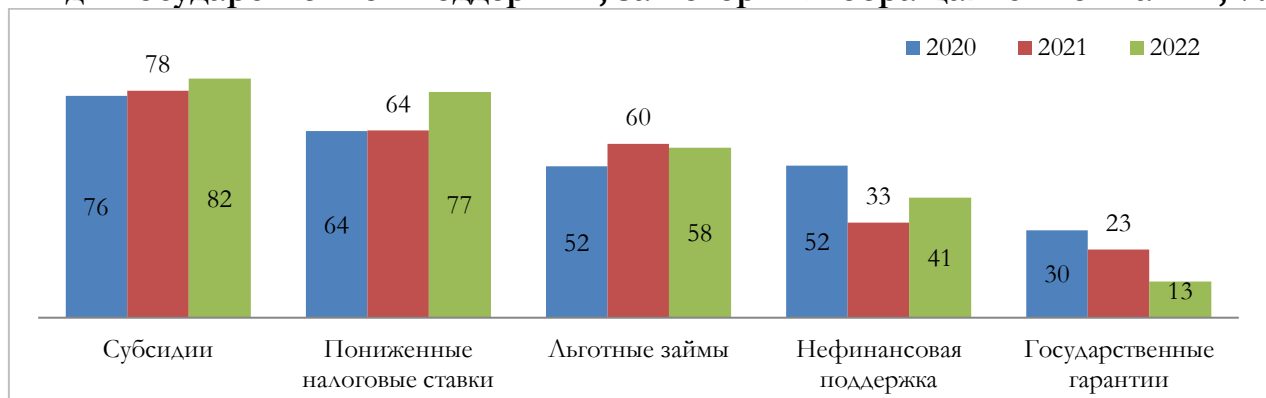
В группе получателей поддержки доля компаний, которые получали субсидии, и доля организаций, которые применяли налоговые льготы, за прошедший год примерно сравнялись и составили около 80% из множества получателей поддержки (82% и 77% соответственно). И если доля тех, кто обращался за субсидиями, изменилась за последние два года мало, то доля получателей налоговых льгот выросла значительно – на 13 п.п.

В 2022 году, как и в предшествующие два года, порядка 60% респондентов из числа получателей поддержки отметили факт использования мер из категории «льготные займы».

Нефинансовой поддержкой воспользовались 41% получателей поддержки (в 2021 году доля была ниже – 33%, а в 2022 году, напротив, выше – она достигала 52%).

Реже всего компании интересовались в отчётный год государственными гарантиями, их получателями стали только 13% предприятий из группы. В 2020-2021 годах их доля превышала 20%.

Виды государственной поддержки, за которыми обращались компании, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общая доля не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Из рассмотрения исключены компании, пропустившие вопрос.

В 2022 году среди субсидий наиболее популярными и востребованными у получателей поддержки были субсидии организациям отдельных отраслей,

секторов, а также субсидии на реализацию комплексных инвестиционных проектов.

За субсидиями на НИОКР по приоритетным направлениям гражданской промышленности и региональными субсидиями на модернизацию и развитие промышленных предприятий обращались чуть менее 15% компаний. Этот достаточно скромный по финансовым лимитам, но также востребованный инструмент, предоставляется субъектами РФ на условиях софинансирования с федеральным центром. Субсидия предоставляется участникам инвестиционных проектов, включенных в региональные программы развития промышленности, в составе «единой региональной субсидии» и доступна в регионах, прошедших отбор на право получения данной субсидии. Если до 2021 года их количество было весьма ограничено, то сегодня данная мера поддержки доступна более чем в 60 субъектах РФ.

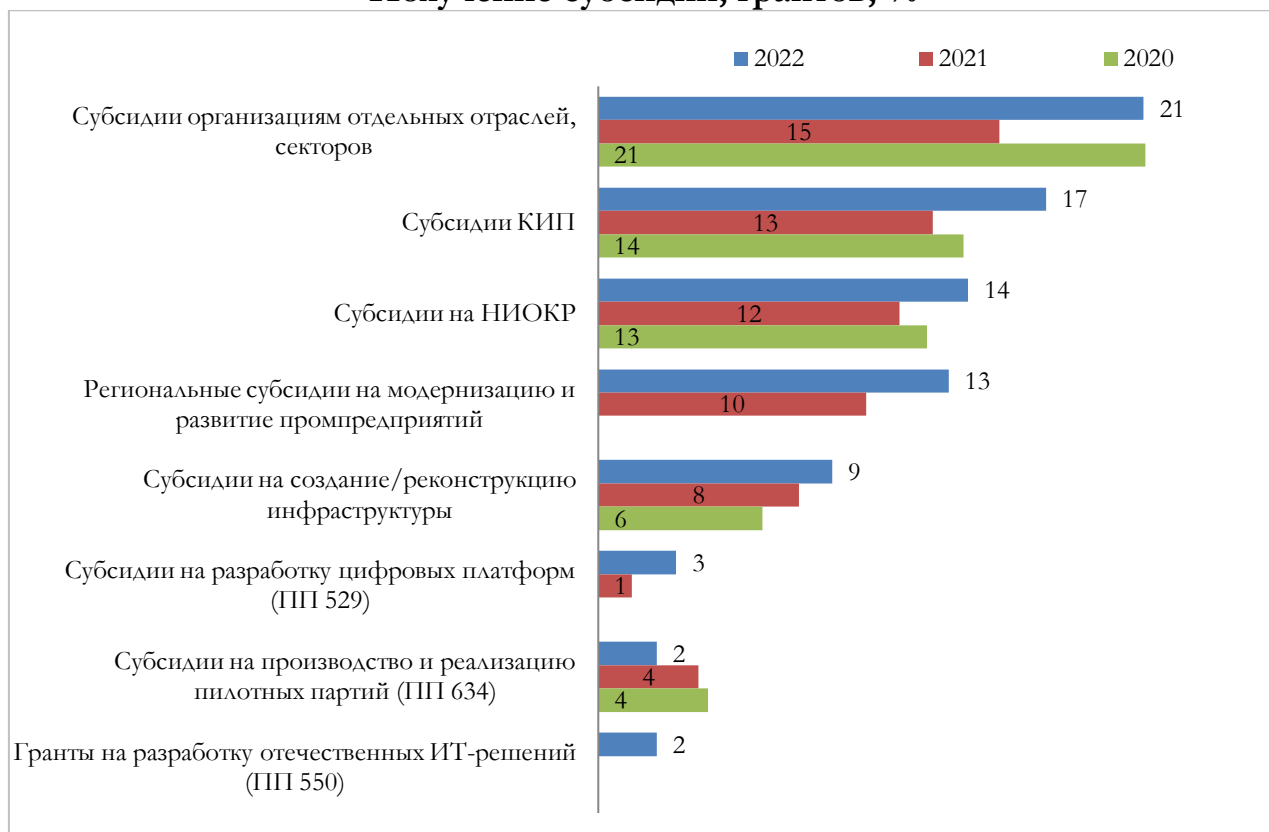
Около десятой части опрошенных получили в отчетный год субсидии на создание или реконструкцию инфраструктуры, технологическое присоединение к сетям.

Реже всего компании отвечали, что использовали субсидии на разработку цифровых платформ, субсидии на производство и реализацию пилотных партий средств производства, а также гранты на разработку отечественных ИТ-решений.

В целом, данные довольно близки во все три года, единственное отличие состоит в том, что год назад компании реже обращались за субсидиями организациям отдельных отраслей, секторов.

Ряд субсидий был добавлен для оценки только в 2022 году, в частности гранты на разработку отечественных ИТ-решений, предоставляемые в соответствии с постановлением Правительства РФ № 550, которыми в 2022 г. смогли воспользоваться 2% опрошенных получателей поддержки.

Получение субсидий, грантов, %

Четверть организаций из множества получателей поддержки воспользовалась в 2022 году налоговыми льготами по налогу на имущество организаций, устанавливаемыми на уровне субъекта РФ. Столько же компаний применили антикризисную отсрочку уплаты страховых взносов (вариант был добавлен только в отчётный период).

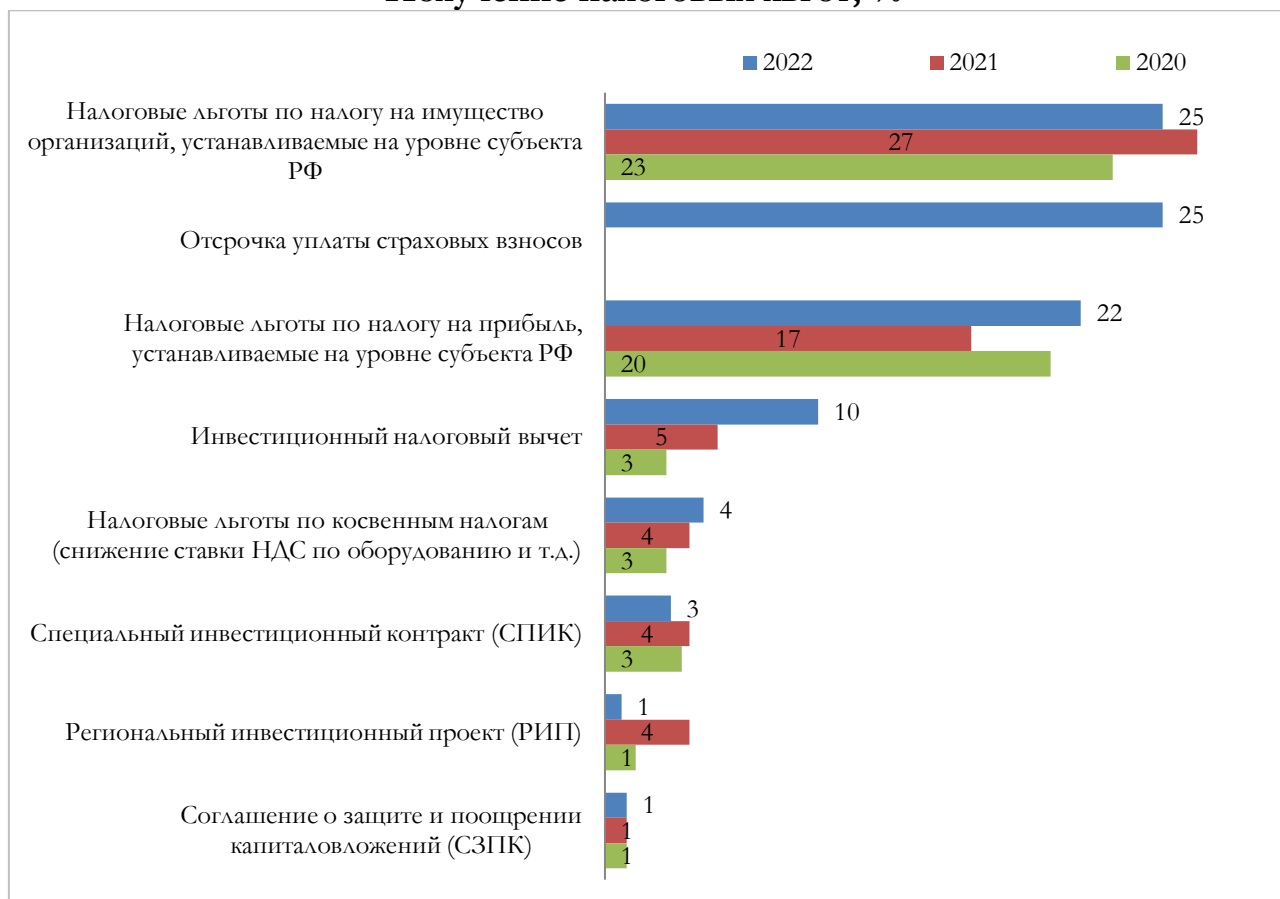
Чуть меньше – 22% компаний получили налоговые льготы по налогу на прибыль.

Десятая часть предприятий-получателей поддержки воспользовалась инвестиционным налоговым вычетом, их доля выросла в два раза по сравнению с данными за 2021 год.

Остальными мерами – льготами по косвенным налогам, специальным инвестиционным контрактом, региональным инвестиционным контрактом – воспользовались менее 5% компаний.

Крайне редко получатели поддержки отмечали, что они заключили Соглашение о защите и поощрении капиталовложений, воспользовались доступом к инфраструктуре, получали недвижимое имущество на льготных условиях.

Получение налоговых льгот, %

Доли приведены к числу респондентов, ответивших, что они пользовались поддержкой в отчётный период. Значения округлены до целого числа. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%.

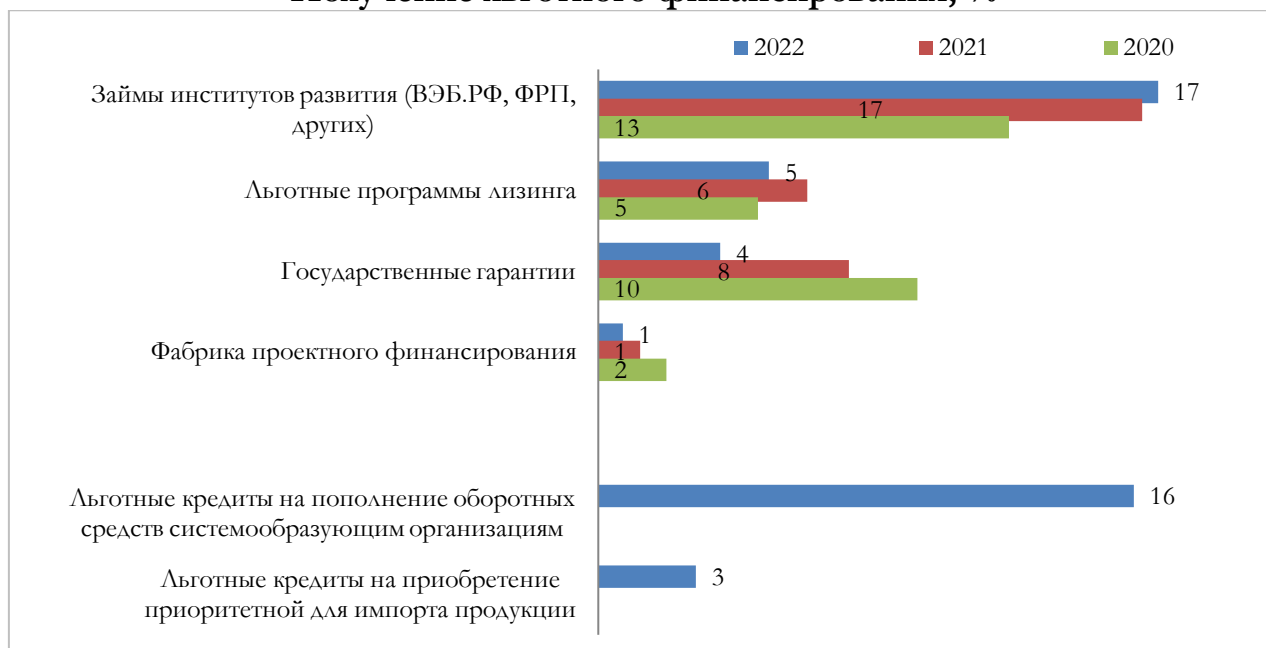
Займы институтов развития (ВЭБ.РФ, ФРП и других) получали 17% компаний из множества ответивших, что обращались за поддержкой к государству в 2022 году. Примерно столько же организаций взяли льготные кредиты на пополнение оборотных средств системообразующим предприятиям.

Льготными программами лизинга (Росагролизинг, ФРП, Корпорации МСП и другими) воспользовались около 5% компаний.

Остальные варианты – государственные гарантии, льготные кредиты на приобретение приоритетной для импорта продукции, «фабрика проектного финансирования» – респонденты-получатели поддержки отмечали в менее 4% случаев.

По этой категории также наблюдается преемственность результатов. Правда, за государственными гарантиями компании стали обращаться значимо реже, чем это было в 2020-2021 годах.

Получение льготного финансирования, %

Доли приведены к числу респондентов, ответивших, что они пользовались поддержкой в отчётный период. Значения округлены до целого числа. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%.

Инструменты поддержки, направленные на развитие экспорта, компании стали использовать реже, чем в предыдущие годы.

Субсидии на компенсацию части затрат на транспортировку продукции, поставляемой на внешние рынки, получили в 2022 году чуть более десятой части организаций-получателей поддержки.

Поддержкой участия в международных выставках, ярмарках, дипломатических миссиях воспользовались 8% компаний. Доля сократилась в отчётный период примерно в два раза, что ожидаемо связано со сжатием программы (приостановка субсидирования фактически понесённых затрат с сохранением поддержки только по ограниченному перечню мероприятий).

Субсидии на компенсацию части затрат, связанных с сертификацией продукции на внешних рынках, отметили 4% предприятий. В прошлом, 2021 году доля получателей этого вида субсидии составляла 9%.

Компенсацию части процентных ставок по экспортным кредитам, части страховой премии по договорам страхования экспортных кредитов в рамках корпоративных программ повышения конкурентоспособности получили 3% компаний.

Остальными мерами — страховой поддержкой экспорта, льготным кредитованием покупателей высокотехнологичной продукции на внешних рынках, субсидиями на компенсацию части затрат на НИОКР и омологацию

продукции на внешних рынках, продвижением продукции АПК – смогли воспользоваться менее 3% опрошенных компаний из множества получателей поддержки.

Получение поддержки, направленной на развитие экспорта, %

Доли приведены к числу респондентов, ответивших, что они пользовались поддержкой в отчётный период. Значения округлены до целого числа. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%.

Треть компаний-субъектов МСП, получавших поддержку в 2022 году, обращалась за банковским кредитованием по льготной ставке. В 2020 и 2021 годах доля организаций, воспользовавшихся этими программами, была значительно выше – 46% и 59%, соответственно.

За гарантийной поддержкой обращались в отчётном году 16% компаний-субъектов МСП из множества получателей поддержки. В 2021 году их доля не отличалась, а в кризисный, 2020 год была выше – 23%.

Десятая часть организаций-субъектов МСП указала, что получали субсидии для этой категории организаций, а также гранты на поддержку инновационных проектов, социальных или начинающих предпринимателей.

Получение поддержки, направленной на помощь МСП, %

Доли приведены к числу респондентов МСП, ответивших, что они пользовались поддержкой в отчётный период. Значения округлены до целого числа. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%.

Что касается категории нефинансовых видов поддержки, то 26% компаний-получателей мер господдержки ответили, что в 2022 году они воспользовались консультационной и организационной поддержкой. Таким образом, доля вернулась к значению, наблюдавшемуся в 2020 году, после снижения до 13% в прошлом отчётном периоде.

На фоне перестройки многих цепочек поставок комплектующих, материалов и готовой продукции, ранее закупавшейся за рубежом, государством был запущен ряд электронных систем, платформ, баз данных для поиска продукции или поставщиков (как в России, так и в дружественных странах). Данные опроса показали, что 7% организаций применяли в работе эти государственные электронные ресурсы (вариант ответа был добавлен только в 2022 году).

К институтам развития обращалась за поддержкой в 2022 году четверть компаний, принявших участие в опросе. Год назад о своём опыте взаимодействия с институтами развития рассказали 32,9% организаций, а в кризисный, 2020 год, их было 27,8% из общего множества компаний.

Список институтов развития, занимающих лидерские позиции по доле ответа «хорошо знакомы с работой», за год изменился мало.

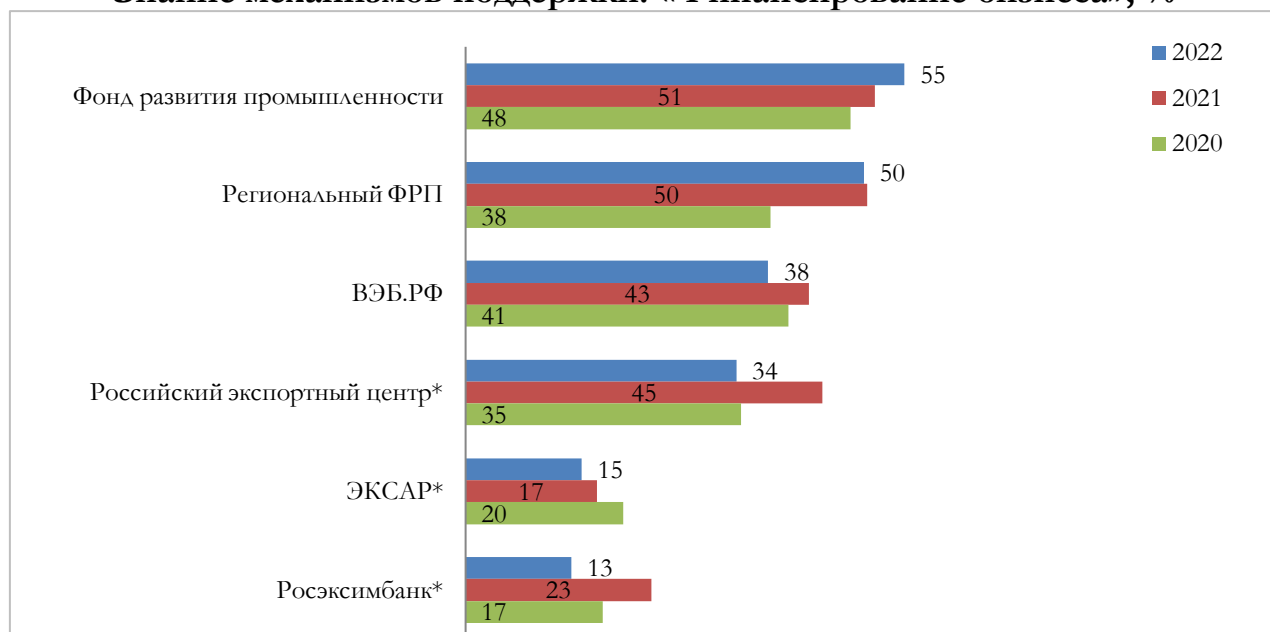
55% компаний-участниц опроса хорошо знакомы с работой Фонда развития промышленности; чуть меньше – 50% организаций – известно о

деятельности регионального Фонда развития промышленности. Примерно такой же уровень осведомлённости зафиксирован в случае оценки работы Особых экономических зон (ОЭЗ) и Индустриальных парков (технопарков).

В то же время респонденты стали значительно реже отвечать, что хорошо осведомлены о деятельности Российского экспортного центра (РЭЦ), Росэксимбанка, Корпорации МСП, Фонда поддержки МСП региона, региональных гарантийных организаций, Территорий опережающего развития (ТОР), Агентств развития региона, Сколково.

На диаграммах представлено сравнение механизмов поддержки по доле ответивших «хорошо осведомлены о деятельности этого института развития».

Знание механизмов поддержки: «Финансирование бизнеса», %

Значения округлены до целого числа.

Осведомлённость о деятельности ФРП, занимающего лидерскую позицию среди институтов развития по направлению «финансирование бизнеса», выросла с 2020 года до 55 п.п. на 7 п.п. через промежуточное значение 51 п.п.

Уровень осведомлённости о работе регионального ФРП вырос в 2021 году — доля ответа «хорошо знакомы с деятельностью института развития» поднялась с 38 п.п. до 50 п.п. При этом в отчётный 2022 год оценки уже не менялись.

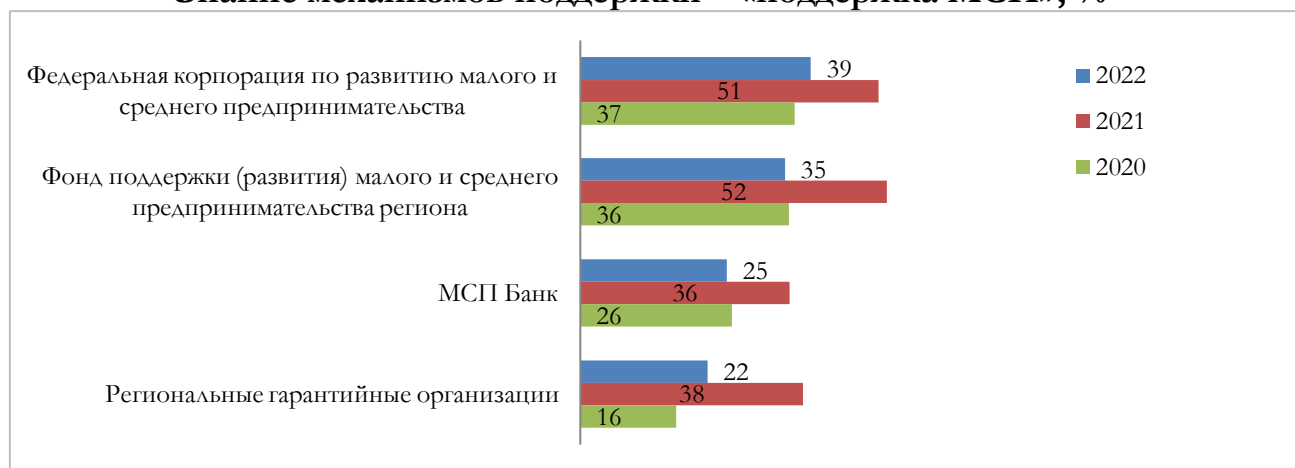
Информированность о деятельности ВЭБ на протяжении трёх лет остаётся примерно на одном уровне — около 40% респондентов отмечают вариант «хорошо осведомлены об этом институте развития».

В 2021 году РЭЦ серьёзно нарастили уровень узнаваемости и осведомлённости – тогда доля ответа «хорошо знакомы с деятельностью РЭЦ» достигала 45%. В 2022 году ситуация ухудшилась, и доля вернулась к значению, полученному в кризисный, 2020 год, – 34%.

Самый низкий уровень осведомлённости у ЭКСАР и Росэксимбанка – 15% и 13% респондентов, соответственно, сообщили, что хорошо знакомы с работой этих институтов развития. В 2021 году доля ответов «хорошо информированы о деятельности Росэксимбанка» была значимо выше – она составляла 23%.

На диаграмме представлено сравнение механизмов поддержки по доле ответивших «хорошо осведомлены о деятельности этого института развития».

Знание механизмов поддержки – «поддержка МСП», %

Значения округлены до целого числа.

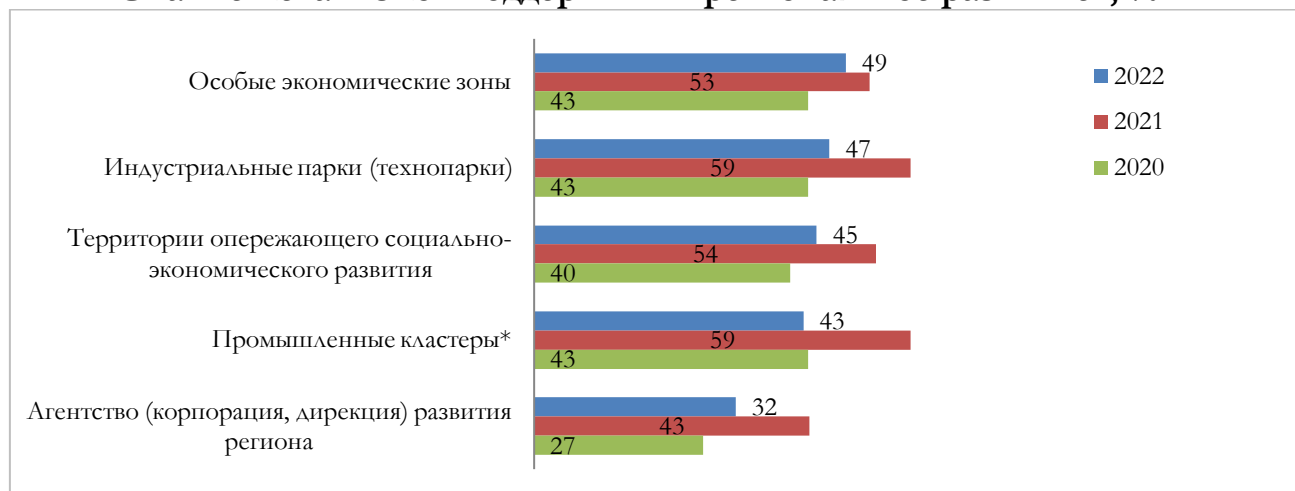
Уровень осведомлённости обо всех институтах развития, образующих группу «поддержка МСП», в основном, вернулся к значениям, полученным в кризисный, 2020 год.

О деятельности Корпорации МСП и Фонда поддержки МСП региона хорошо известно 35-40% опрошенных компаний. Примерно четверть организаций хорошо осведомлена о МСП Банке и региональных гарантийных организациях.

В 2021 году зафиксированы значимые отличия уровня осведомлённости, когда ответы «хорошо известно о Корпорации МСП» и «о Фонде поддержки МСП региона» указали более половины респондентов. О деятельности МСП Банк и региональные гарантийные организации год назад были хорошо осведомлены более трети участников опроса.

На диаграмме представлено сравнение механизмов поддержки по доле ответивших «хорошо осведомлены о деятельности этого института развития».

Знание механизмов поддержки – «региональное развитие», %

Значения округлены до целого числа.

«Индустриальные парки (технопарки), промышленные кластеры» были разделены на два отдельных варианта в 2022 году.

О деятельности институтов, чья задача, в первую очередь, ускорить региональное развитие, компании осведомлены довольно хорошо: в основном, об их работе известно от 40% до 49% компаний, за единственным исключением – агентства развития региона, в случае оценки которых доля варианта «хорошо знакомы с этим институтом развития» составила 32%.

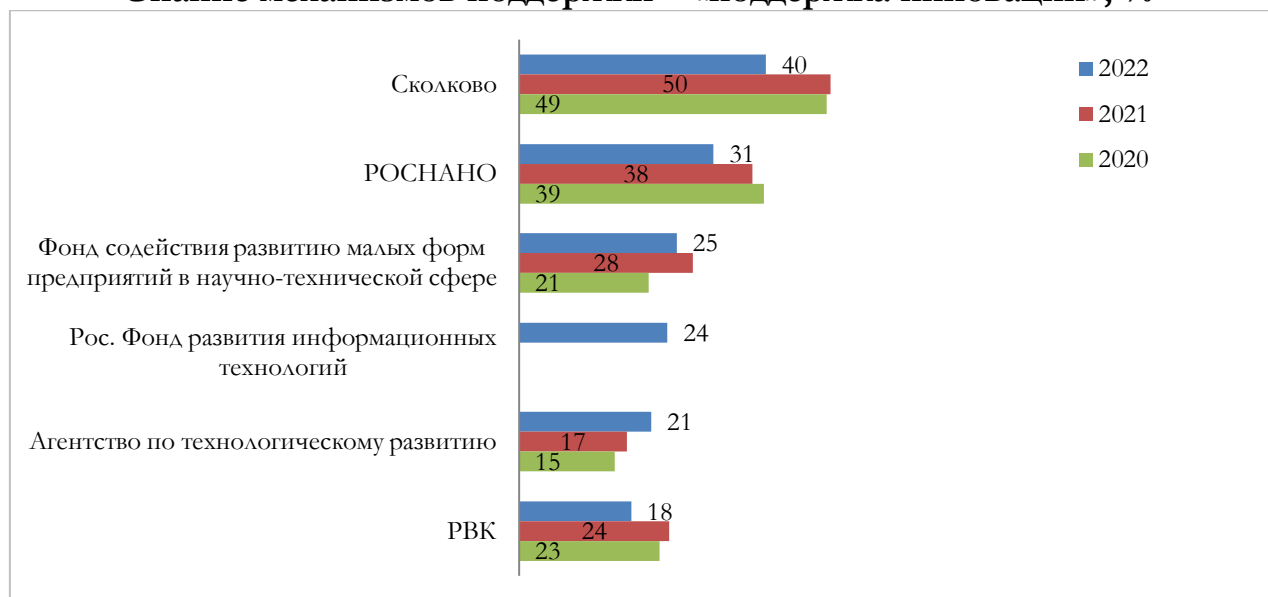
Уровень осведомлённости об ОЭЗ с 2020 года вырос – доля ответа «хорошо осведомлены с этим институтом развития» прибавила с 43 п.п. до 49 п.п. через промежуточное значение 53 п.п.

В 2021 году респонденты чаще указывали, что им хорошо известно о работе ТОР и агентств развития региона, – за год доля сократилась более чем на 10 п.п.

О деятельности индустриальных парков (технопарков) широко осведомлены 47% предприятий, а о работе промышленных кластеров – 43%. Ранее два этих варианта были объединены в один ответ, и в 2021 году почти 60% участников ответили, что хорошо знают о работе этих институтов развития, в 2020 году их было значительно меньше – 43%.

На диаграмме представлено сравнение механизмов поддержки по доле ответивших «хорошо осведомлены о деятельности этого института развития».

Знание механизмов поддержки – «поддержка инноваций», %

Значения округлены до целого числа.

Институт развития «Российский фонд развития информационных технологий» был добавлен в анкету в 2022 году.

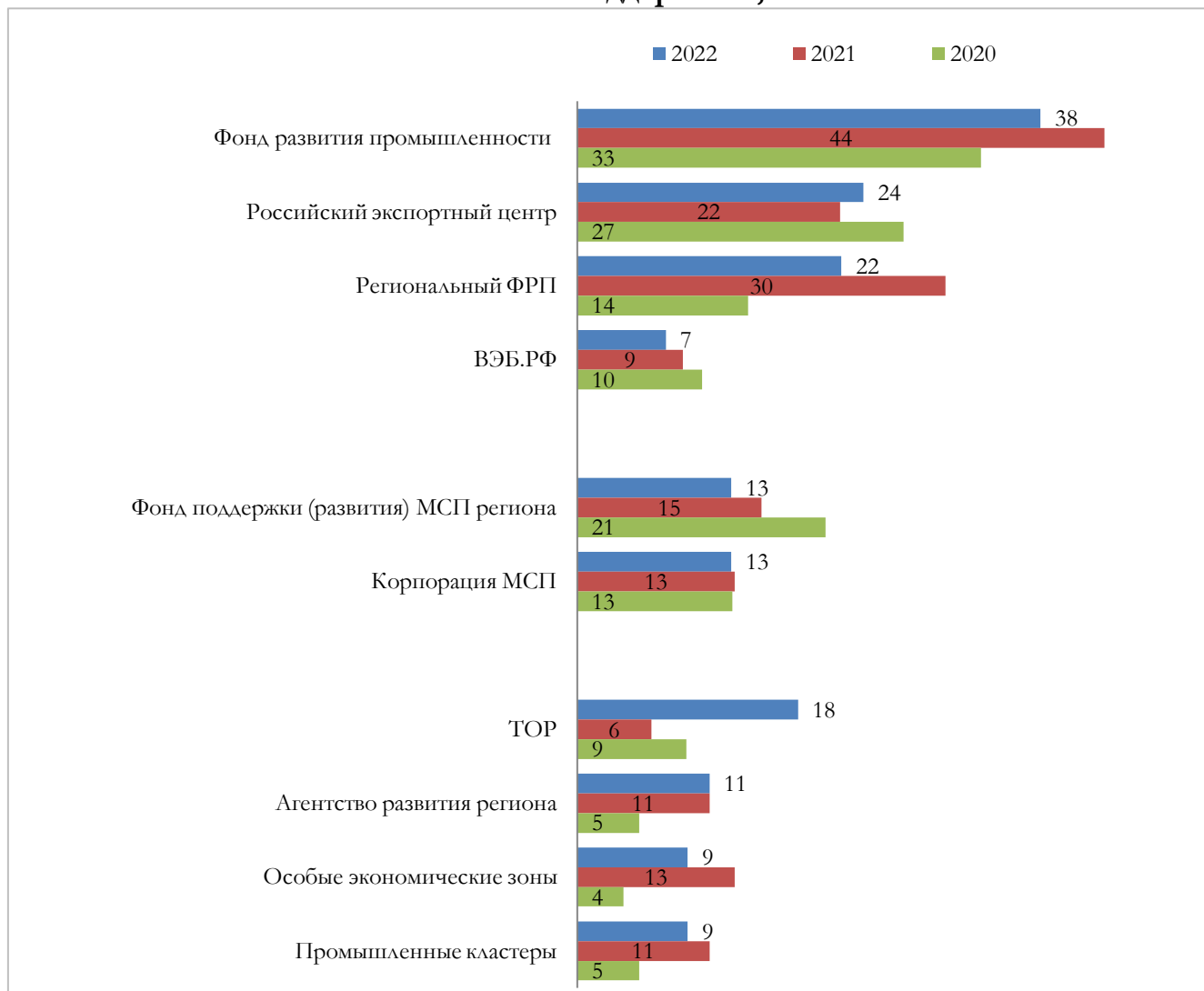
Хотя по уровню осведомлённости Сколково остаётся на первом месте среди институтов развития, направленных на поддержку инноваций, как это было в 2020-2021 годах, доля ответов «хорошо знаем о работе института развития» за год сократилась – на 10 п.п.

Также компании стали несколько реже отвечать, что им хорошо известно о работе Роснано. В 2022 году об этом сообщили менее трети опрошенных.

Примерно четверть предприятий хорошо осведомлена о деятельности Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере и Российского фонда развития информационных технологий (этот вариант был добавлен только в 2022 году).

Пятой части компаний хорошо известно о работе Агентства по технологическому развитию и Российской венчурной компании.

Наиболее популярные институты развития, к которым обращались компании за поддержкой, %

В 2020 году в списке произошли изменения: институты, отвечающие за экспорт, выделены в отдельные варианты ответа. Доли приведены к общему числу респондентов, ответивших на вопрос об институтах развития. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

В 2022 году наиболее востребованы были программы ФРП – порядка 38% компаний, отметивших, что обращались за поддержкой к какому-либо институту, взаимодействовали именно с Фондом развития промышленности. Также довольно часто компании запрашивали поддержку у Российского Экспортного Центра и у региональных ФРП – примерно в четверти случаев.

Из институтов по направлению «финансирование бизнеса» чуть менее десятой части организаций обращались к ВЭБ.РФ.

13% организаций сообщили, что взаимодействовали с Фондом поддержки МСП региона, а также с Корпорацией МСП.

Из группы институтов, нацеленных на региональное развитие, чаще всего компании получали поддержку в рамках территорий опережающего развития (18% предприятий), причём их доля за год увеличилась почти в два раза. Около десятой части компаний рассказали, что в 2022 году у них был опыт взаимодействия с Агентствами развития регионов, с ОЭЗ и с промышленными кластерами.

В силу небольшого размера выборки компаний, получавших поддержку от конкретных институтов развития в отчётные годы, невозможно корректно провести сравнение по всем институтам развития из списка.

Однозначно надёжный вывод, который можно сделать, – к региональным ФРП и, в целом, к региональным институтам развития компании стали обращаться чаще, чем в 2020 году.

В перспективе четверть компаний, не получавших поддержку в 2022 году, планирует обратиться за субсидиями, налоговыми льготами и/или льготными займами. Государственные гарантии интересуют около 14% компаний из общего множества, не воспользовавшихся поддержкой в отчётный период. Такую же долю составил ответ «собираемся обратиться за нефинансовой поддержкой».

В 2021 году организации реже отвечали, что планируют получить тот или иной вид поддержки от государства, а с данными, полученными в кризисный, 2020 год, результаты 2022 года близки.

Главная причина, по которой компании не готовы обратиться к государству за поддержкой, – сложные процедуры получения и отчётности. Об этом сообщили в 2022 году 45% респондентов из группы организаций, не получавших поддержку. Год назад этот вариант участники отмечали реже – его доля была равна 38%.

В 2021 году на первом месте находилась другая причина – неадекватные и/или завышенные требования предоставления поддержки, которую указали 51% компаний. Год спустя менее трети респондентов согласились с этим.

По мнению почти четверти опрошенных, правила получения поддержки остаются неясными, также они слишком часто меняются. Значимость этой причины выросла за год, хотя к значению кризисного, 2020 года, когда её отметили 36% респондентов, она не вернулась.

23% компаний, не пользовавшихся поддержкой в 2022 году, ответили, что необходимости в государственной помощи у них нет.

Человеческий фактор (непонимание потребностей бизнеса, некомпетентность, излишний бюрократизм) мешает обратиться за поддержкой почти пятой части организаций. Реже всего этот вариант указывали компании в 2021 году – тогда доля составляла 13%.

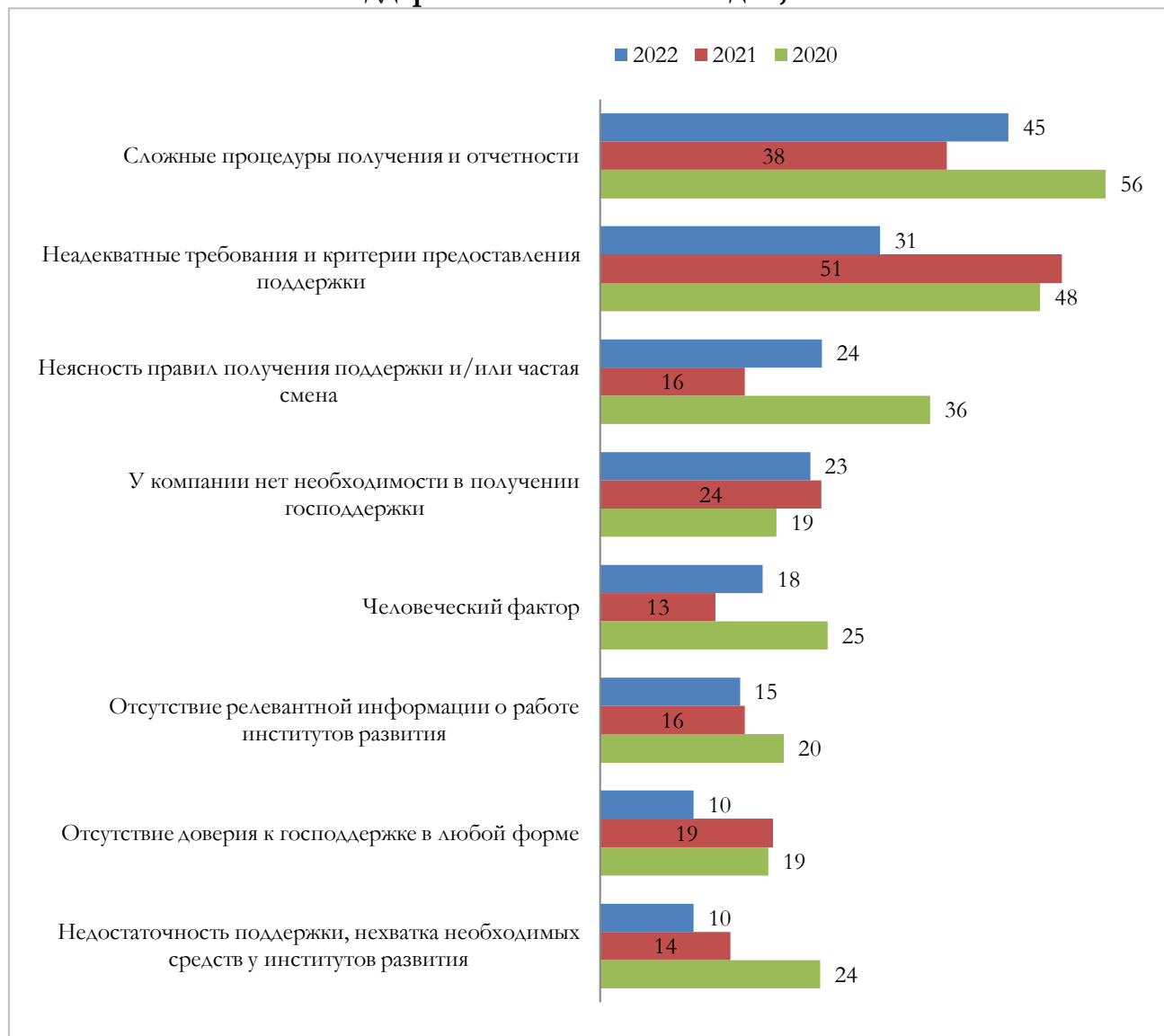
15% организаций недостаточно релевантной информации о работе институтов развития для того, чтобы воспользоваться поддержкой.

Десятая часть предприятий выбрала два варианта – «отсутствие доверия к государственной поддержке в любой форме» и «нехватка средств у институтов развития, недостаточность поддержки». В первом случае доля сократилась с 2020-2021 годов в два раза, во втором она осталась почти без изменений.

Несколько респондентов дали собственные ответы на вопрос, почему они не пользовались господдержкой в 2021 году:

- «финансовое положение самой компании – недостаточность залогового имущества, отрицательное значение чистых активов предприятия»;
- «все меры поддержки сфокусированы на информационные технологии, а также инновации. Нет мер для развития или обновления парка производства»;
- «до роста ключевой ставки было достаточно недорогих кредитов от банков»;
- «неверно сформулирована область поддержки в ФРП»;
- «не подходят условия поддержки»;
- «государство безапелляционно перекроило рынок услуг с целью дальнейшей подпитки банков деньгами и после этого предлагает подачи на развитие»;
- «предприятие входит в вертикально-интегрированную схему управляющей компании. По всем инструментам поддержки решение принимается на уровне УК».

Причины, по которым компании не пользовались государственной поддержкой в 2020–2022 годах, %

Доли приведены к общему числу респондентов, НЕ получавших поддержку в 2020 году. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

70% компаний, принявших участие в опросе, считают наиболее эффективными для развития налоговые льготы. Около 60% респондентов назвали необходимыми для компаний субсидии. В отчётном году интерес к налоговым льготам вырос – доля варианта прибавила 10 п.п.

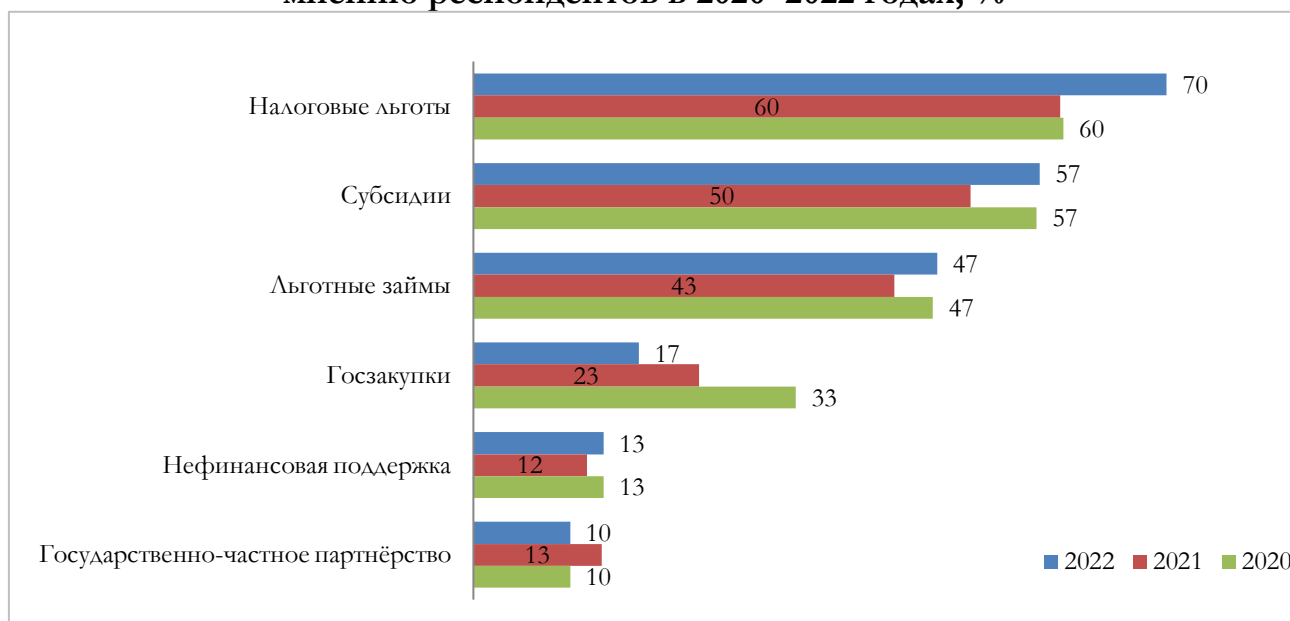
В льготных займах оказались заинтересованы чуть менее половины опрошенных.

Государственные закупки рассматривают как необходимые для развития 17% организаций. Респонденты значительно реже стали отвечать, что их компаниям

необходимы государственные закупки. В 2021 году об этом сообщила почти четверть опрошенных, а в 2020 году их доля достигала 33% компаний.

Нефинансовую поддержку и государственно-частное партнёрство указали около десятой части компаний.

Меры государственной поддержки, необходимые для компании, по мнению респондентов в 2020–2022 годах, %

Вопрос предполагал возможность выбора двух ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

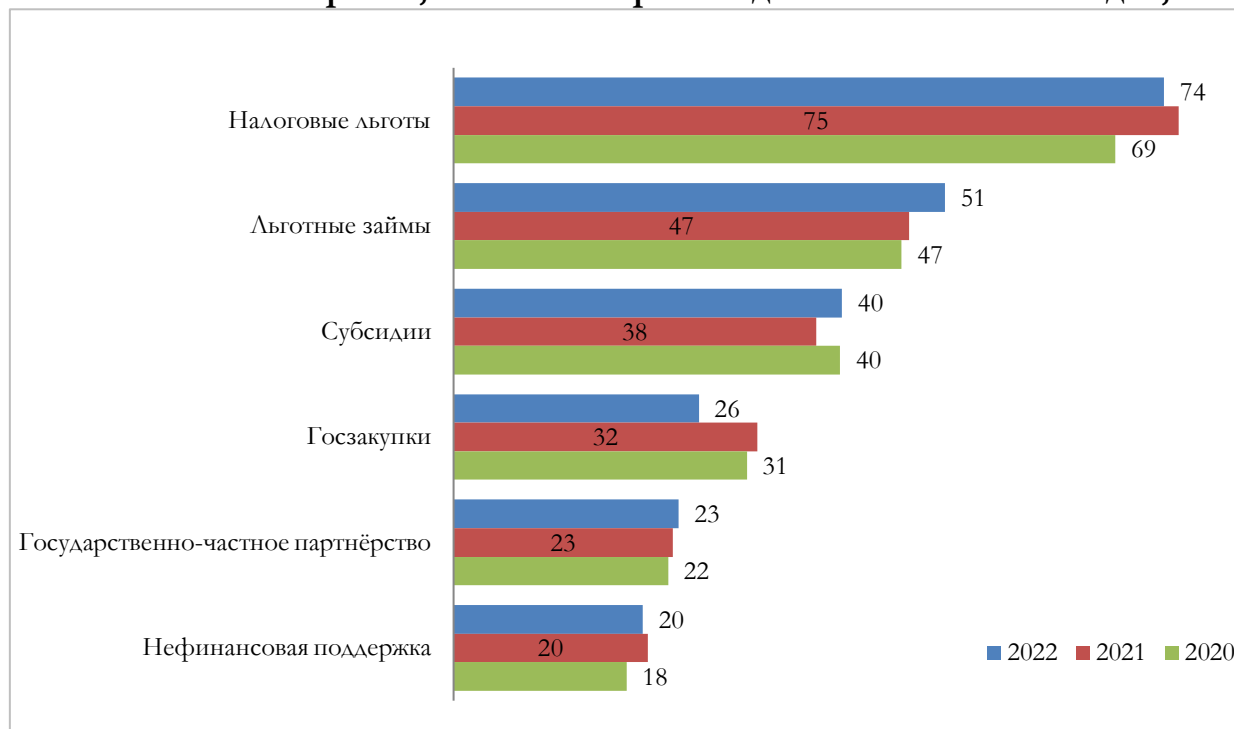
Ускорение экономического роста три четверти респондентов связывают с применением налоговых льгот.

Льготные займы кажутся эффективными половине опрошенных предприятий, а субсидии – 40% организаций.

Государственные закупки как необходимое средство для ускорения экономики рассматривают 26% организаций. Чуть меньше участников опроса выбрали варианты «государственно-частное партнёрство» и «нефинансовая поддержка».

В целом, данные за три года близки между собой.

Меры государственной поддержки, необходимые для ускорения экономического роста, по мнению респондентов в 2020–2022 годах, %

*Вопрос предполагал возможность выбора двух ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%.
Значения округлены до целого числа.*

Хотя компании были ограничены просьбой отметить два наиболее важных вида поддержки, которые могли бы способствовать ускорению экономического роста в стране, но более 10% респондентов выбирали четыре и более варианта.

Для представителей бизнеса, очевидно, критично, чтобы для развития и роста в стране был создан комплекс мер, по возможности, во всей его полноте.

Фискальная нагрузка

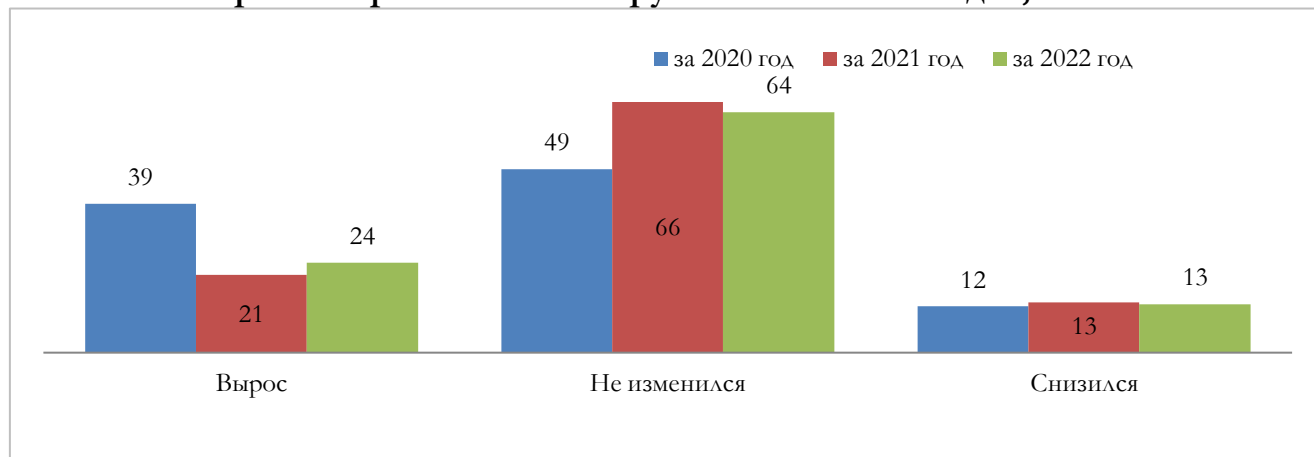
Выше было отмечено, что проблема, связанная с избыточно высокими налогами, несколько потеряла свою остроту среди части опрошенных респондентов. Это согласуется с тем, как компании оценивали динамику уровня фискальной нагрузки и размер собственных фискальных платежей в последние два года, в частности среди субъектов МСП.

По мнению двух третей респондентов, нагрузка в отчётный период не менялась. В кризисный, 2020 год этот вариант компании выбирали реже – его доля составила 49%.

Тогда довольно большая доля предприятий – примерно 40% – сообщила, что объём фискальных платежей вырос.

В период с 2020 по 2022 годы, по словам более десятой части опрошенных, фискальная нагрузка постепенно снижается.

Уровень фискальной нагрузки в 2020–2022 годах, %

Значения округлены до целого числа.

При этом в 2022 году начали действовать меры по отраслевой реформе налогообложения:

1. Значительный рост налоговой нагрузки (введение рентных платежей для ряда отраслей).
2. Повышение НДС на уголь, калийные соли, многокомпонентные руды.

Кроме того, за последнее время принят ряд решений об увеличении фискальной нагрузки в Российской Федерации, которые вступят в силу с 2023 года:

- увеличение страховых взносов в рамках работы по объединению фондов социального и пенсионного страхования, в том числе через увеличение предельной базы для обложения и сокращение необлагаемых взносами выплат,
- существенное повышение НДС на ряд полезных ископаемых и введение акциза на сахаросодержащие напитки,
- увеличение налога на прибыль для экспортёров СПГ,
- продолжение действия ограничения на перенос убытков (по сути временная фискальная мера стала постоянной), прекращение механизма КГН и ряд других.

Также всерьёз обсуждается введение единого фискального сбора, применимого ко всем налогоплательщикам, отвечающим установленным критериям.

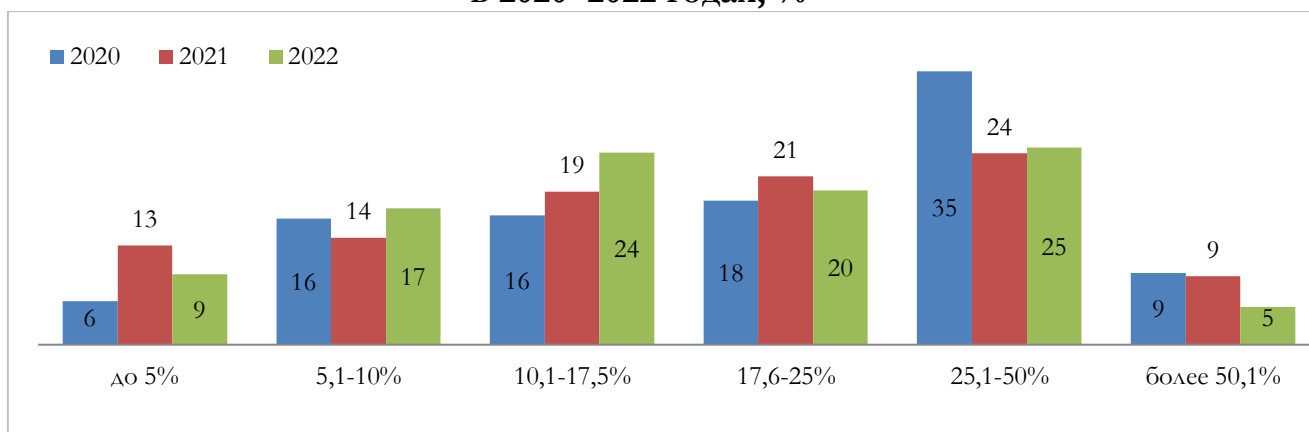
В этих условиях довольно высокая доля тех, кто расценивает уровень нагрузки как стабильный, связана с двумя ключевыми факторами:

– наиболее значимое повышение нагрузки носит в первую очередь отраслевой характер и касается немногих респондентов (по номинальному количеству, но занимающих существенную долю в экономике), при этом рост нагрузки на них значительный;

- универсальные решения по увеличению нагрузки оформляются не как рост ставок, а как «ползучее повышение», через корректировку налогооблагаемой базы или принципов взимания, что менее заметно для компаний, но сказывается на их финансовых показателях.

Признаки деструктивного влияния налоговых мер, которые позиционируются как изъятие «сверхренды», уже начинают проявляться. Согласно СПАРК-Интерфакс доля компаний, пропускающих платежи, выросла с 8,8% в феврале 2022 года до 13,8% в сентябре 2022 года. Дальнейшее повышение налогового бремени будет выдавливать часть предпринимателей в серую зону и приводить к сокращению налоговых поступлений в бюджетную систему – по данным экспертов Финансового университета, повышение налоговой нагрузки в России на 1% замедлит ежегодные темпы экономического роста на 0,12%. Это подтверждается результатами проведенного Финансовым университетом анализа предыдущих периодов – из-за роста налоговой нагрузки за последние 15 лет бюджет недополучил 11,2 трлн рублей налоговых доходов.

Доля расходов на все обязательные платежи в выручке компании, в 2020–2022 годах, %

Значения округлены до целого числа.

Примерно равное число компаний – около пятой части всех опрошенных – направляли из выручки на фискальные платежи от 5,1% до 10% и от 17,6% до 25% выручки. Также совпадают доли компаний, которые выделяли в государственный бюджет от 10,1% до 17,5% и от 25,1% до 50% от выручки, их было порядка четверти от всех организаций-участниц опроса.

Распределение данных в 2022 году почти совпадает с распределением, полученным в 2021 году, а по сравнению с 2020 годом, примерно на 10 п.п. сократилась доля организаций, фискальные платежи которых попадают в интервал от 25,1% до 50% выручки.

Доступность кредитных средств

Санкционные ограничения в финансовой сфере, которые ввели в I квартале 2022 года по отношению к России более 50 государств, оказались чрезвычайно жёсткими и масштабными. В их число вошли заморозка государственных активов и запрет на операции ЦБ РФ; исключение из системы SWIFT девяти российских банков, на которые приходится до 30% банковских активов; ограничение работы платёжных систем и сервисов; ограничение торговли ценными бумагами; приостановление государственного финансирования и инвестиционного гарантирования и др.

В противовес этому, чтобы «обеспечить увеличение депозитных ставок и, тем самым, компенсировать девальвационные и инфляционные риски», ЦБ РФ принял решение увеличить ключевую ставку до 20%.

Всё это однозначно должно было сократить доступность заёмных средств для российского бизнеса и кратному росту размера кредитных ставок.

В марте 2022 года казалось, что ситуация не сможет выправиться в короткие сроки, однако, действия финансового регулятора в некоторой степени улучшили условия кредитования ещё до конца года. К началу второго полугодия уровень ключевой ставки ЦБ РФ смог понизить до 9,5%; в сентябре 2022 года – и вовсе до 7,5%.

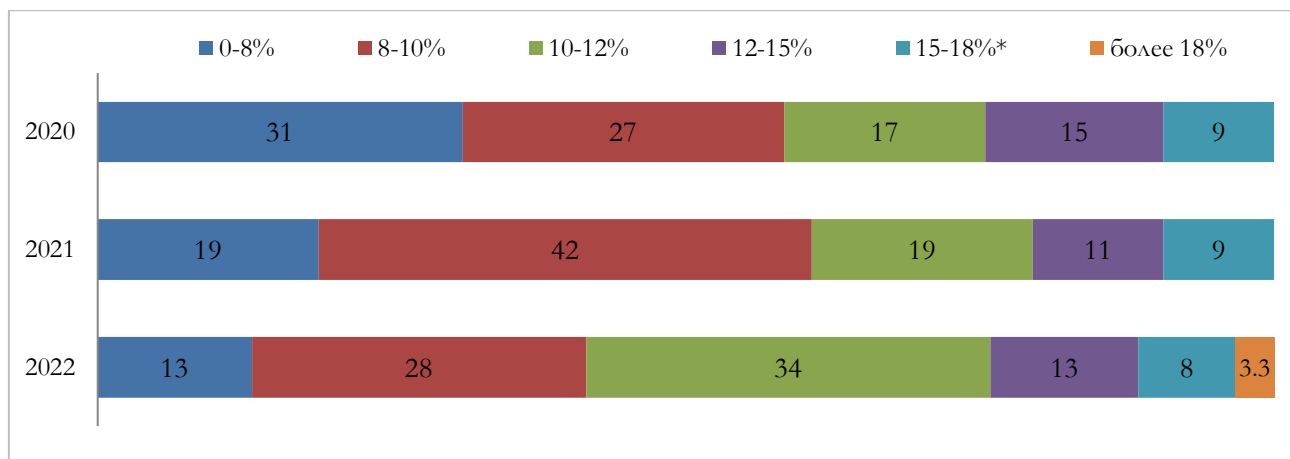
Как следует из оценки остроты проблем для российского бизнеса, ограничение доступности заёмных средств затронуло менее 15% опрошенных предприятий, и эта доля отличается мало от значений, полученных в ходе опросов в 2020 и 2021 годах.

Субъективную оценку, насколько доступность кредитов мешает работать бизнесу в России, традиционно дополняет оценка кредитной ставки, на которую могли бы рассчитывать компании, принявшие участие в опросе. И здесь за последние три года произошло смещение в сторону более высоких значений: если в 2020 году менее трети компаний указали интервал «от 0% до 8%», то год спустя их доля уменьшилась до 19%, а в 2022 году и вовсе до 13,1%.

По сравнению с 2021 годом, компании стали реже отмечать, что смогут получить кредит под ставку в интервале от 8% до 10%, и за прошедшие два года примерно в два раза выросла доля варианта «от 10% до 12%» – до 34,4%.

В 2022 году шкала была расширена – интервал «более 15%» мы разделили на ответы «от 15% до 18%» и «более 18%». Пока его, к счастью, компании указывали крайне редко – примерно 3,3% от всех множества опрошенных.

Кредитная ставка для компаний, 2020–2022 годы, %

Значения округлены до целого числа.

Ожидания представителей крупного бизнеса и субъектов МСП сильно отличаются во все три года исследования: если большинство крупных компаний (от 50% до 60% в разные годы) рассчитывают на ставку, не превышающую 10%, то оценки малых и средних организаций смещены к концу шкалы.

В 2022 году в оценках разошлись компании с государственным участием и независимые организации. Почти никто из первой группы не выбрал интервалы «ожидаем ставку 12-15%» и выше, а среди независимых организаций доля указавших эти интервалы составила в сумме 31,3%.

Взаимодействие бизнеса и власти: российская практика

Впервые за все годы существования опроса РСПП большая часть респондентов при оценке характера отношений бизнеса и власти выбрали ответ «власть относится к бизнесу как к младшему партнёру». По сравнению с данными за 2020-2021 годы, доля этого варианта выросла на 10 п.п. – до 34,5%.

29,2% организаций считают, что власть видит в бизнесе «локомотив развития экономики и общества».

По мнению 26,7% участников опроса, власть относится к бизнесу «как к

кошелек». До 2022 года это был самый популярный ответ среди компаний-членов РСПП, а если рассматривать только последние три года, то в 2020 году доля ответивших «как к кошельку» была почти 50%, и в 2021 году она составляла 41,1%.

Равенство в партнёрском взаимодействии бизнеса и власти решили подчеркнуть 26,2% организаций. В последние два года респонденты стали отмечать этот ответ значимо чаще, чем это было в 2020 году.

В анкету был добавлен вариант, основанный в первую очередь на ответах компаний, которые раньше они давали сами в свободной форме в поле «другое», – «власть относится бизнесу как к контрагенту, чьё мнение можно полностью игнорировать». Его решили указать в отчётном 2022 году 14,1% компаний.

Примерно одинаковое число компаний остановилось на двух диаметрально противоположных суждениях: 5,8% участников уверены, власть воспринимает бизнес как объект постоянной поддержки и защиты; а, по словам 5,3% компаний, власть видит в бизнесе питательную среду для коррупции. Доли этих вариантов сблизилась только в 2022 году; ранее оценка «как к питательной среде для коррупции» была более распространена среди компаний – в 2020 году её доля поднималась до 13,7%.

Ответы «как к конкуренту в борьбе за влияние в обществе» и «конкуренту в экономической сфере» респонденты отмечали редко: доля первого варианта составила 4,4%, а второго – 1,5%.

Как власть не на словах, а на деле относится к бизнесу? %

Вопрос предполагал возможность выбора не более двух вариантов ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%.

Значения округлены до целого числа.

В 2020-2021 годах субъекты малого и среднего бизнеса значительно реже крупных компаний выбирали ответы «власть относится к бизнесу как к локомотиву развития экономики и общества». Разница в значениях достигала 20 п.п. В последний отчётный период оценки сблизались – уже почти пятая часть респондентов из группы субъектов МСП отметили этот вариант, а среди крупных компаний с этим утверждением согласилась треть опрошенных.

За год почти в два раза сократилась доля организаций-субъектов МСП, уверенных, что власть видит в бизнесе только «кошелёк». Раньше – в 2020-2021 годах – так считали около 62% компаний из группы малых и средних компаний, теперь доля этого варианта уменьшилась до 34,5%.

Если в 2020 году четверть компаний-субъектов МСП отметила, что власть воспринимает бизнес как питательную среду для коррупции, то в 2021-2022 годах малые и средние компании указали этот ответ только в 12-13% случаев. Во все

годы менее 7% представителей крупного бизнеса придерживались такого же мнения.

В отчётный год легальные методы взаимодействия бизнеса и власти назвали более эффективными почти 80% респондентов. Доля выросла с 2020 года примерно на 9 п.п.

Легальные и нелегальные методы взаимодействия бизнеса и власти: что эффективнее, %

44,2% субъектов малого и среднего бизнеса уверены, нелегальные методы – более эффективны при взаимодействии бизнеса и власти. В группе крупных компаний с этим согласились только 12,4% участников. Примерно такой же разрыв между значениями, полученными в ходе опроса организаций различного размера, зафиксирован и в 2020, и в 2021 годах.

Из легальных методов в России наиболее широко используются личные контакты с чиновниками – об этом сообщили две трети респондентов.

По словам более половины компаний, бизнес активно участвует в публичных мероприятиях (конференциях, круглых столах), взаимодействует с властью через бизнес-ассоциации и отраслевые объединения.

В два раза реже организации отвечали, что бизнес выстраивает отношения с властью, принимая участие в выборных органах власти и в составе постоянно действующих консультативных совещательных органов.

Менее 10% опрошенных назвали относительно распространённым в сфере B2G участие в оценке регулирующего воздействия проектов НПА и работу компаний в региональных трёхсторонних комиссиях.

Крайне редко респонденты упоминали два возможных легальных способа – «финансирование политических партий» (доля варианта составила 4,4%) и «участие в антикоррупционной экспертизе проектов» (доля – 1,5%).

В целом, результаты сохраняют преемственность в последние три года

исследования. В 2021 году участники опроса несколько реже выделяли такой вариант, как «взаимодействие строится через бизнес-ассоциации и отраслевые объединения». В отчётный период доля повторяет значение, полученное в кризисный, 2020 год.

И начиная с 2021 года, компании предпочитали чаще участвовать в конференциях, круглых столах и других возможных публичных мероприятиях, во время которых возможно выстроить диалог между бизнесом и властью.

Формы взаимодействия бизнеса и власти, наиболее активно используемые компаниями, %

Вопрос предполагал возможность не более двух вариантов ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа. Доля отсека >5%.

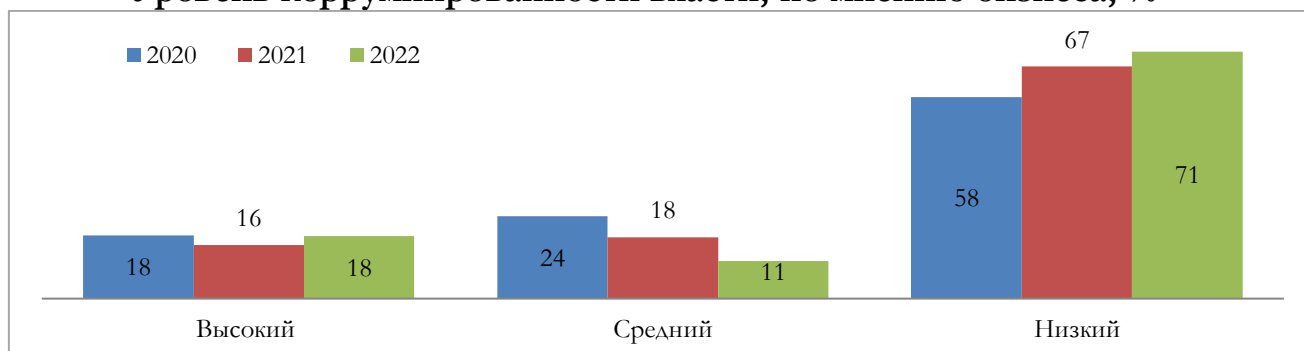
Если говорить о нелегальной стороне отношений в сфере B2G, то, конечно, динамика оценок выглядит впечатляюще:

В 2020 году 58,1% респондентов оценили уровень коррупции в стране как низкий, в 2021 году с этим согласились 66,9%, а в 2022 году их доля составила уже 71,1%.

Одновременно с этим участники опроса реже стали выбирать нейтральную оценку – её доля сократилась примерно на 13 п.п., тогда как доля оценок «уровень

коррупции высокий» осталась в эти три года почти без изменений.

Уровень коррумпированности власти, по мнению бизнеса, %

Значения округлены до целого числа.

Почти 30% компаний из группы субъектов МСП уверены, уровень коррупции в стране – высокий. Среди представителей крупного бизнеса только 13,7% участников поддерживают это мнение. Почти 80% из них указали ответ «коррупция низкая».

В 2020 году распределение данных выглядело похожим образом, а в 2021 году субъекты МСП значительно чаще выбирали нейтральную оценку.

Почти половина компаний решила пропустить вопрос, какие из органов власти наиболее коррумпированные, и это рекорд за все годы существования исследования. В 2020 году доля отказов была в два раза меньше, а в 2021 году она составляла 35,7%. В общем распределении данных пропуски не учитываются.

Как и в предыдущие годы, таблицу возглавляют правоохранительные органы. По мнению 45,9% респондентов, именно в этих органах власти в наибольшей степени распространена коррупция.

28,7% участников считают самыми коррумпированными органы местного самоуправления. Четверть компаний назвала наиболее коррумпированными федеральные органы исполнительной власти. 19,7% компаний отметили, что уровень коррупции высокий в региональных органах власти.

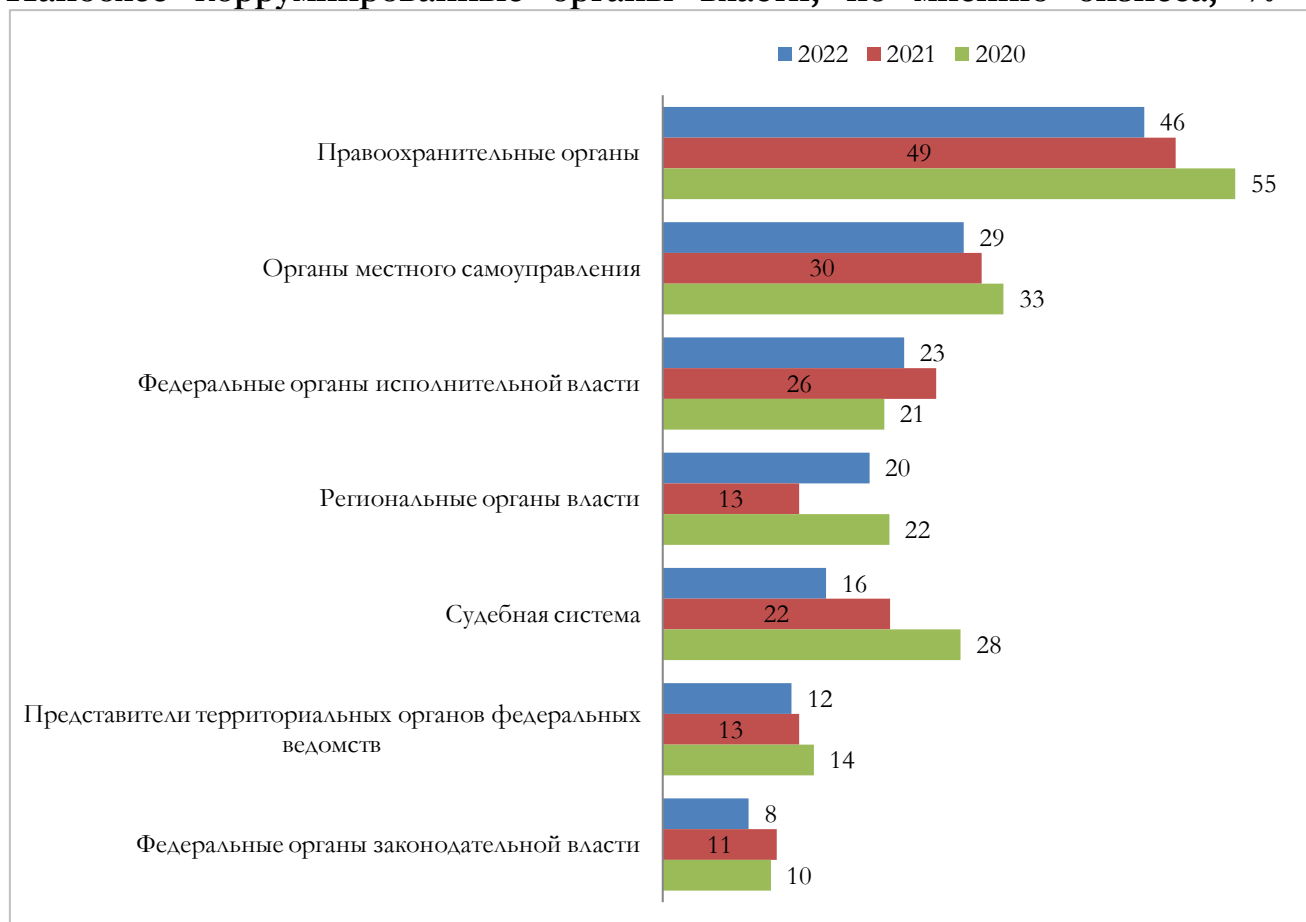
Судебная система заражена коррупцией, по словам 15,6% респондентов. Чуть меньше – 12,3% компаний – выбрали вариант «наиболее коррумпированы представители территориальных органов федеральных органов власти».

Федеральные органы законодательной власти в качестве самых коррумпированных указали только 8,2% опрошенных.

В целом, оценки за три года близки между собой. Исключением выглядит относительный рост доверия по отношению к судебной системе: в 2020 году

точки зрения, что суды коррумпированы, придерживались 28% организаций. Постепенно доля этого варианта стала ниже на 12 п.п.

Наиболее коррумпированные органы власти, по мнению бизнеса, %

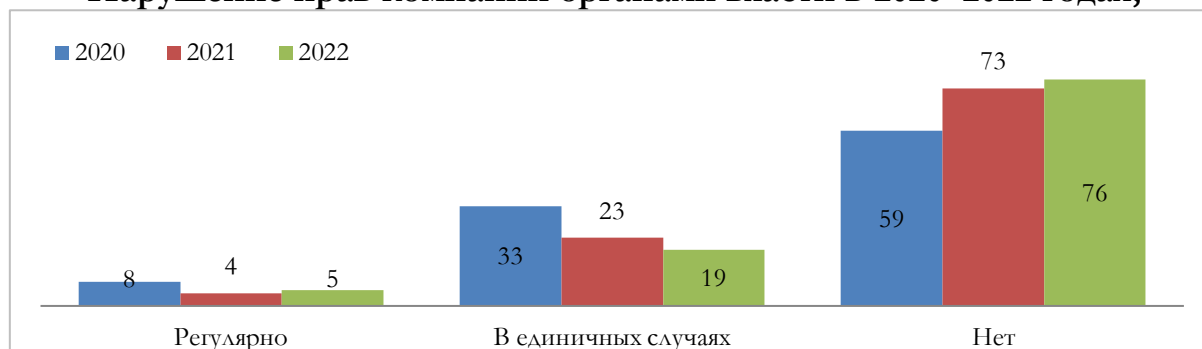
Вопрос предполагал возможность не более двух вариантов ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Защита прав компании

По сравнению с 2020 годом, компании стали реже сталкиваться с нарушениями их прав со стороны органов власти. Если два года назад треть респондентов сообщила, что в единичных случаях права их организаций были нарушены, то в 2021 году доля опустилась до 23%, а в отчётный период и вовсе до 19%.

Отрицательный ответ выбрали три четверти опрошенных предприятий. Значимых отличий между ответами компаний различного размера нет.

Нарушение прав компаний органами власти в 2020–2022 годах,

*Исключены доли респондентов, пропустивших вопрос
Значения округлены до целого числа.*

В 2022 году подавляющее большинство респондентов – более 90% – согласились с тем, что самый эффективный способ защитить права у бизнеса – через обращение в суд. Ранее – в 2020-2021 годах – этот вариант также занимал верхнюю строку в списке, правда, компании отмечали его значительно реже – примерно в 84% случаев.

Обратиться к федеральным исполнительным органам власти считают эффективным около трети опрошенных. Чуть меньше – 28,5% организаций готовы полагаться при защите прав только на себя.

Четверть компаний назвала эффективным способом обращение к региональным администрациям или муниципалитетам.

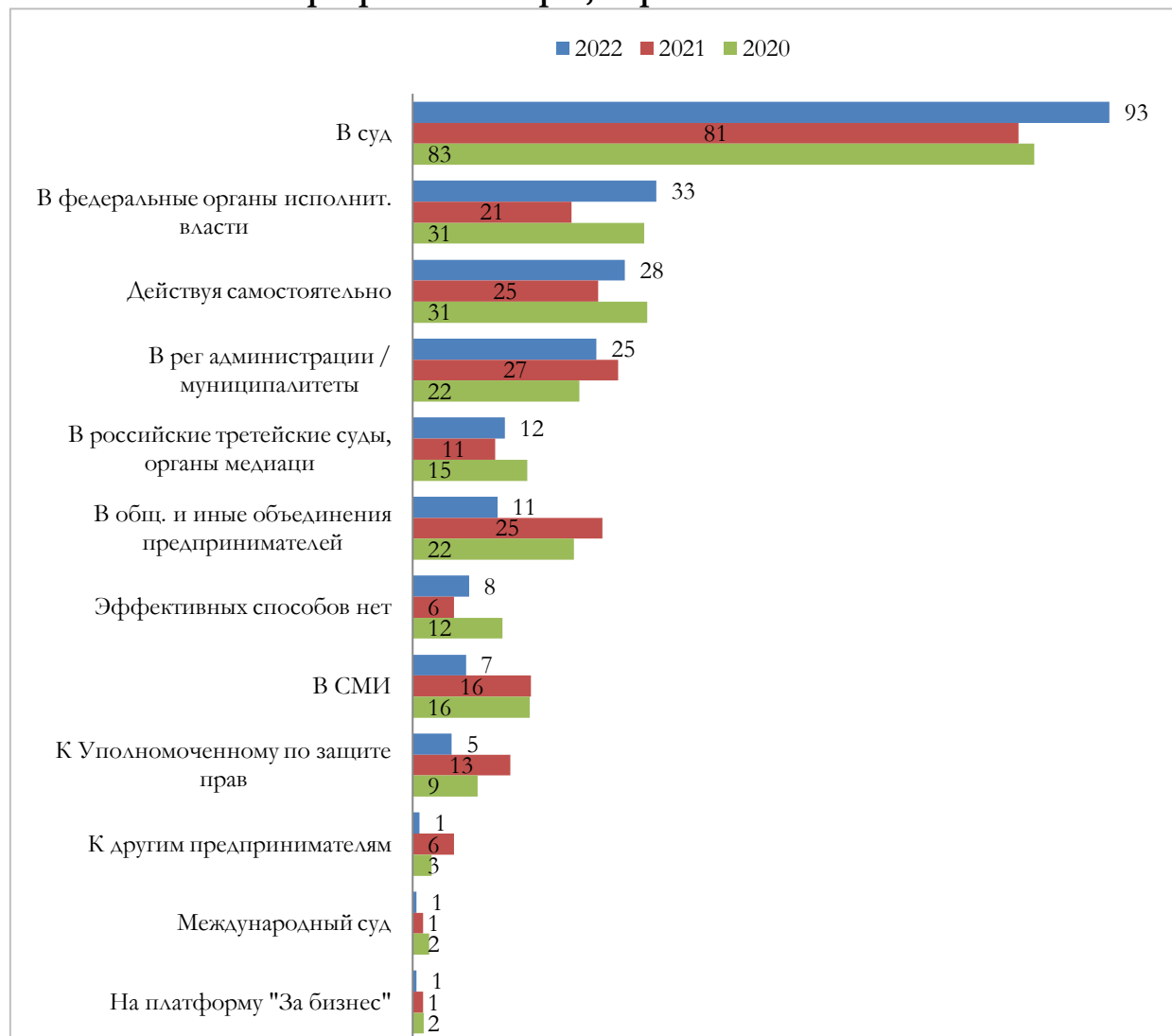
Российские третейские суды, органы медиации, а также общественные и иные объединения предпринимателей могут содействовать в защите прав, по словам чуть более десятой части компаний. Причём ранее – в 2020-2021 годах – вариант «эффективно обращение в общественные объединение предпринимателей» респонденты отмечали намного чаще – доля превышала 20%.

Мнения, что эффективных способов защитить права для бизнеса не существует, придерживаются в отчётный период 7,5% опрошенных.

Обращение в СМИ указали 7,1% компаний, а обращение к уполномоченному по защите прав предпринимателей – 5% организаций. Популярность этих способов защитить свои права также снизилась за прошедшие два года.

Другие варианты – «обратиться к другим предпринимателям», «в международный третейский суд», «на платформу «За бизнес» – участники опроса отмечали крайне редко.

Компания может сегодня наиболее эффективно защитить свои права и разрешать споры, обратившись... %

Вопрос предполагал возможность не более трёх вариантов ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

В 2020-2021 годах уровень доверия к судебной системе в группе представителей крупного бизнеса был значительно выше, чем у субъектов МСП; в 2022 году оценки крупных компаний и организаций-субъектов МСП сблизились.

По-прежнему малые и средние компании склонны реже, чем крупные предприятия, выбирать варианты «считаем эффективным — обращение к федеральным органам исполнительной власти»: разница в значениях достигает 20 п.п.

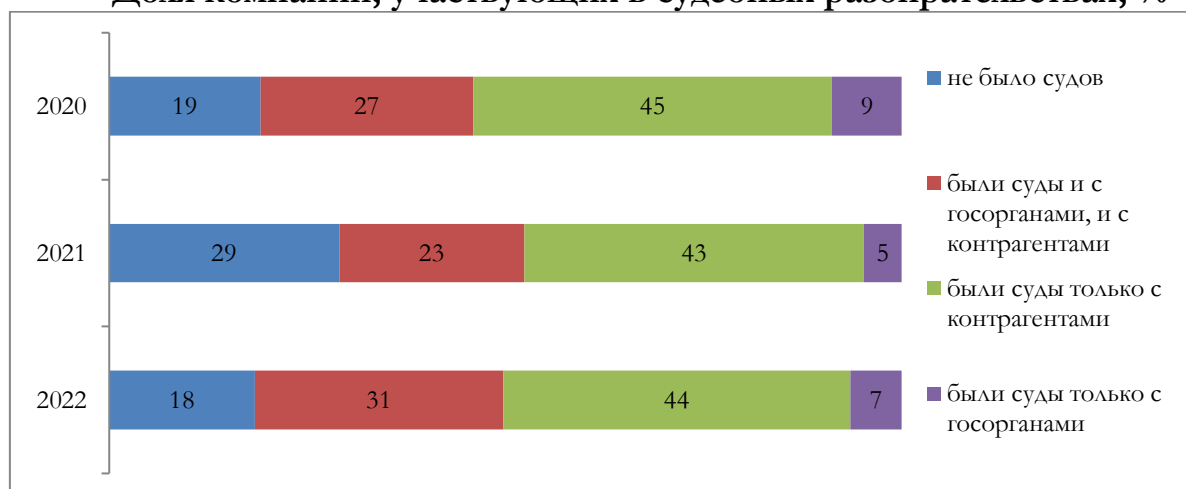
До 2022 года субъекты МСП примерно в трети случаев отмечали, что для защиты прав следует обратиться в общественные объединения предпринимателей. Среди крупных компаний доверие к общественным объединениям было ниже, и доля ответа составляла менее 20%. В отчётный период оценки организаций разного размера перестали отличаться.

В судебных разбирательствах принимали участие около 80% компаний в 2020 и в 2022 годах; в 2021 году их доля была ниже – 71%.

Почти треть компаний в 2022 году была вовлечена в судебные процессы и с контрагентами, и с органами власти. В 2020-2021 годах об этом сообщили около четверти опрошенных.

Порядка 45% организаций судились только с контрагентами, и от 5 до 9 п.п. – только с государственными органами.

Доля компаний, участвующих в судебных разбирательствах, %

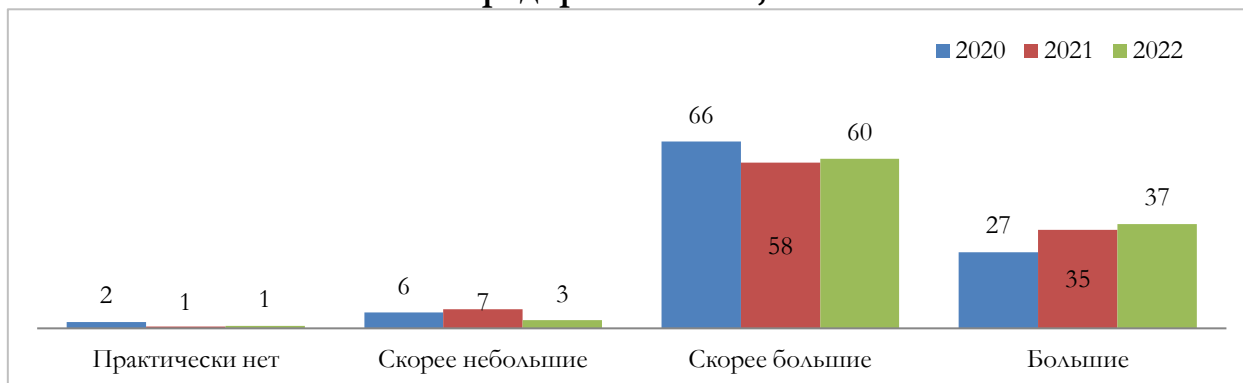

Данные приведены без учёта доли «нет ответа». Значения округлены до целого числа.

Более 40% организаций-субъектов малого и среднего бизнеса не принимали участия в 2020–2022 годах в судебных разбирательствах. Среди крупных предприятий отрицательный ответ дали менее 10% участников опроса.

Малые и средние компании, если были вовлечены в судебные процессы, то примерно в три раза чаще судились с контрагентами, а не в один временной период и с контрагентами, и государственными органами. Крупные компании примерно в 40% случаев дали ответ, что у них были суды и против контрагентов, и против госорганов.

Шансы отстоять свои права в суде, если оппонентом будет другой предприниматель, %

Значения округлены до целого числа.

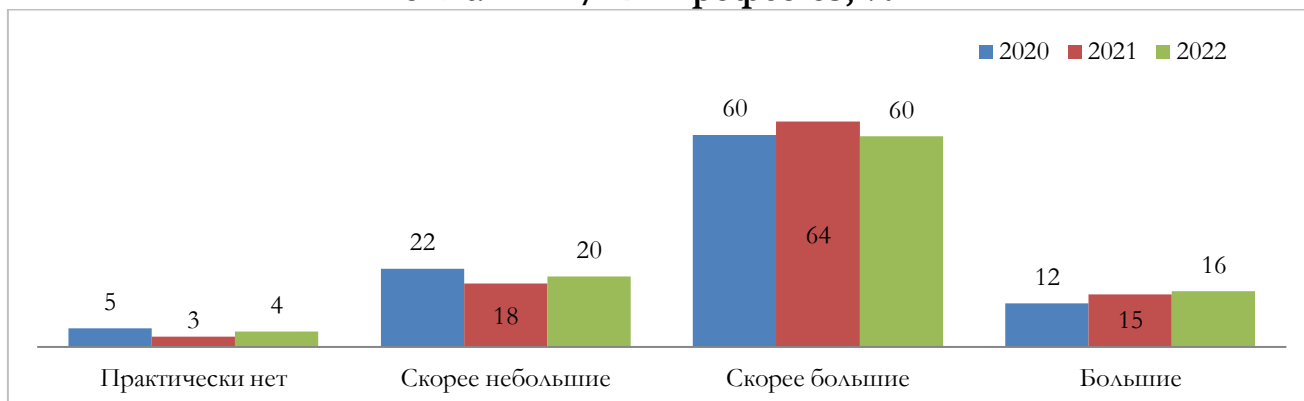
Из анализа исключены анкеты респондентов, пропустивших вопрос.

Традиционно компании высоко оценили шансы победить в судебных разбирательствах, если их оппонентом будут другие предприниматели.

По сравнению с 2020 годом, в отчётный период доля ответа «шансы большие» выросла на 10 п.п.

В 2020 году субъекты малого и среднего бизнеса в три раза реже крупных компаний выбирали ответ «шансы на победу большие». Начиная с 2021 года, оценки компаний сблизились.

Шансы отстоять свои права в суде, если оппонентом будут работники компании и/или профсоюз, %

Значения округлены до целого числа.

Из анализа исключены анкеты респондентов, пропустивших вопрос.

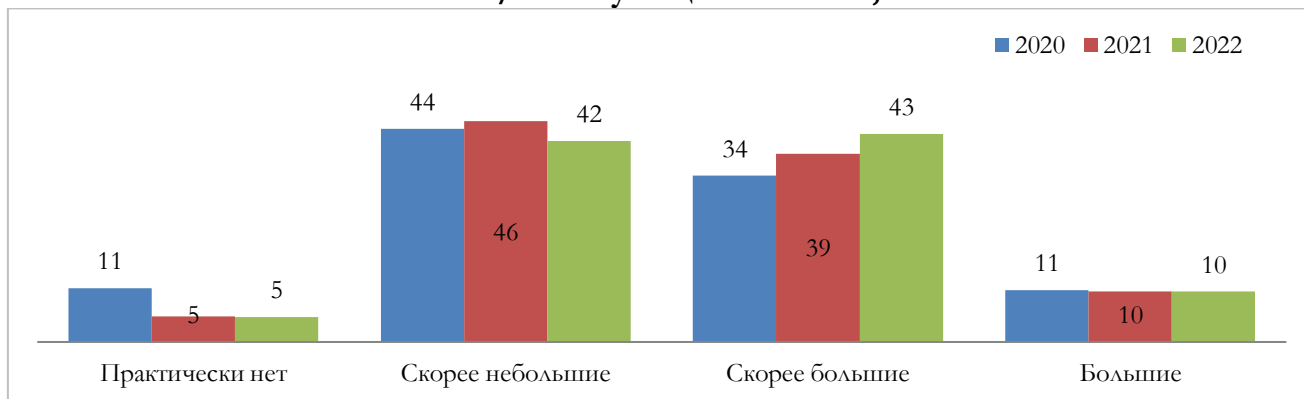
Выступая в суде против работников компании или профсоюза, компании в большинстве случаев ожидают победы – как большие свои шансы оценили порядка 16% участников, скорее большими шансы на победу назвали 60% респондентов.

Пятая часть остановилась на ответе «шансы скорее небольшие».

В 2020–2022 годах оценки почти не менялись.

В кризисный, 2020 год крупные организации оценивали свои шансы как высокие чаще, чем субъекты МСП, – доли отличались в два раза. Затем различия сгладились.

Шансы отстоять свои права в суде, если оппонентом будут региональные власти и/или муниципалитеты, %

Значения округлены до целого числа.

Из анализа исключены анкеты респондентов, пропустивших вопрос.

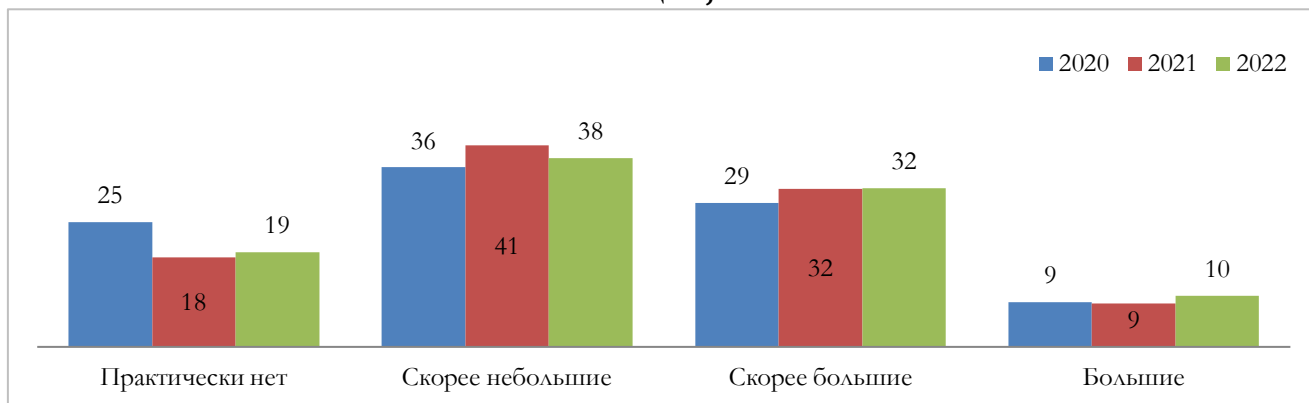
Постепенно выросла доля компаний, считающих, что их шансы победить в суде региональные или муниципальные власти достаточно высокие – доля варианта «шансы скорее большие» прибавила за два года около 9 п.п. Десятая часть опрошенных из года в год выбирала ответ «шансы одержать победу над региональными властями или муниципалитета большие».

В то же время респонденты стали реже указывать ответ «шансов практически нет».

Крупные предприятия уверены в своих силах в большей степени, чем организации-субъекты МСП, – около половины из них оценили в 2022 году свои шансы как скорее большие; в группе малых и средних компаний доля этого варианта составила менее 30%.

Субъекты МСП значимо чаще, чем представители крупного бизнеса, указывали ответ «шансы выиграть у региональных или муниципальных властей скорее небольшие».

Шансы отстоять свои права в суде, если оппонентом будет налоговая инспекция, %

Значения округлены до целого числа.

Из анализа исключены анкеты респондентов, пропустивших вопрос.

В 2020 году четверть респондентов была уверена, выиграть у налоговой инспекции в суде невозможно. За год доля крайне негативной оценки сократилась до 18 п.п., и примерно на этом уровне она и осталась в отчётный период.

Скорее небольшими свои шансы называли около 40% участников опроса в 2022 году.

Более трети крупных предприятий в 2020 году отмечали, что их шансы скорее большие, тогда как в группе субъектов МСП с этим были готовы согласиться только 17% респондентов. Впоследствии оценки компаний сблизились, и в 2021-2022 годах компании различного размера дали примерно одинаковые ответы.

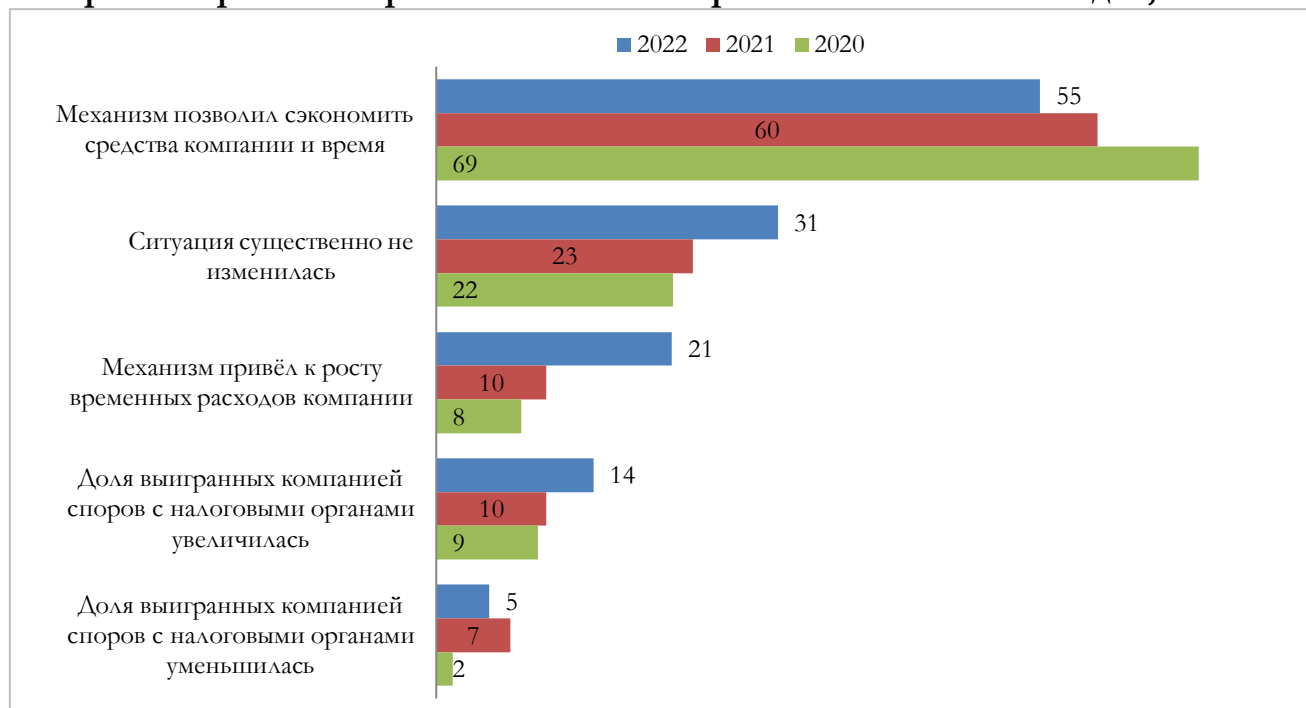
Перед началом судебных процессов с налоговыми органами компании проходят комиссию по обязательному досудебному рассмотрению споров.

В 2021 и 2022 годах с ней сталкивалась пятая часть компаний-участниц опроса. В кризисном, 2020 году доля положительных ответов была немного выше – 24,4%.

В 2022 году компании, очевидно, оказались в большей степени, чем в 2020 году, разочарованы эффективностью работы механизма обязательного досудебного рассмотрения споров с налоговыми органами. Если около 70% компаний в 2020 году механизм позволил сэкономить время и деньги, то в 2022 году с этим согласились только 55% организаций, проходивших комиссию.

Респонденты стали значительно чаще отвечать, что ситуация существенно не изменилась (доля прибавила за год 8 п.п.) и что механизм привёл к росту временных затрат компании (доля выросла сразу на 11 п.п.).

Оценка эффективности механизма обязательного досудебного рассмотрения споров с налоговыми органами в 2020–2022 годах, %

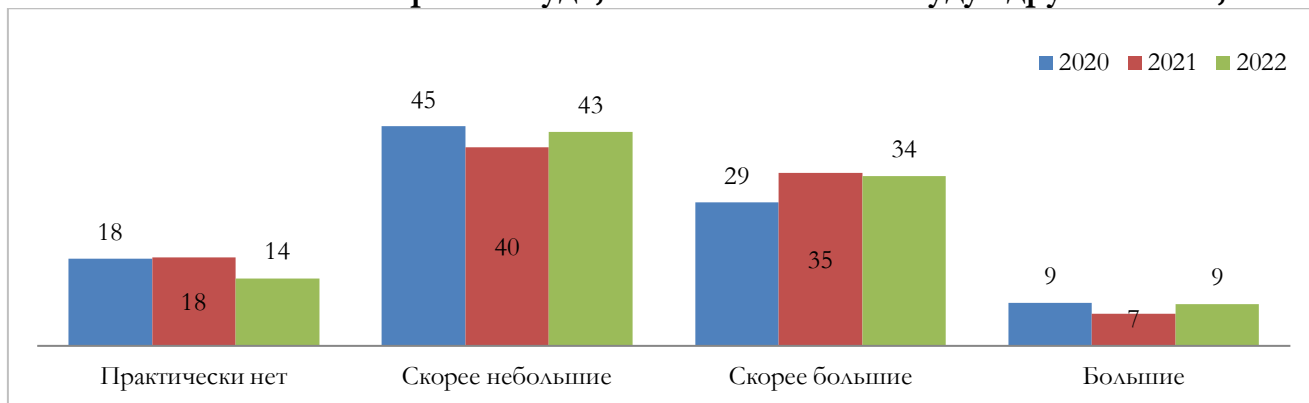

Вопрос предполагал возможность не более трёх вариантов ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Распределение шансов выиграть в суде у других КНО напоминает распределение оценок при конфликтах с налоговой инспекцией. Более 40% компаний считают, что шансы скорее небольшие, а 14% организаций и вовсе уверены, их практически нет (доля сократилась на 4 п.п., однако, различие статистически не значимо). Также около десятой части респондентов оценили свои возможности высоко.

Субъекты малого и среднего бизнеса в два раза чаще крупных компаний выбирали ответ «шансов на победу у нас практически нет», и это соотношение сохраняется на протяжении всех трёх лет.

Шансы отстоять свои права в суде, если оппонентом будут другие КНО, %

Значения округлены до целого числа.

Из анализа исключены анкеты респондентов, пропустивших вопрос.

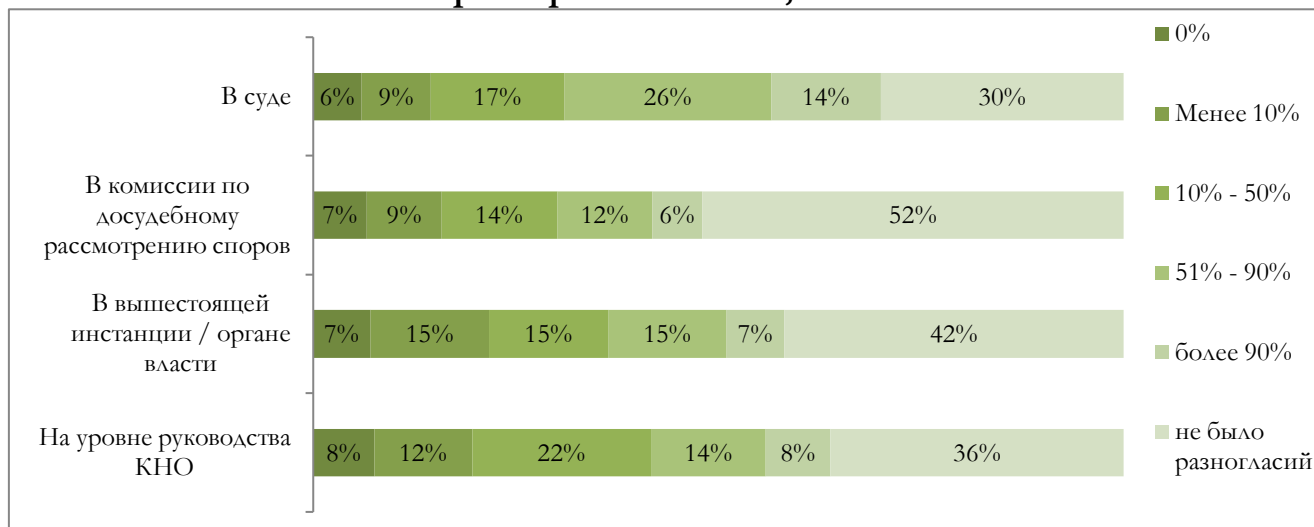
Участники опроса предоставили данные, сколько именно было вынесено положительных решений в пользу их компаний при разбирательствах на различных уровнях.

Результаты согласуются с тем, что именно обращение в суд российский бизнес считает наиболее эффективным для защиты прав. В четверти случаев доля выигранных процессов составила от 51 до 90%, а у 14% компаний почти все судебные разбирательства заканчивались решением в их пользу.

При разбирательствах на других уровнях – на уровне руководства КНО или в вышестоящей инстанции – около 40% предприятий проигрывали дела более чем в половине конфликтов. И чуть более пятой части организаций ответили, что доля положительных решений превышает 50%.

Среди компаний, которые принимали участие в разбирательствах в комиссии по досудебному рассмотрению споров с налоговой инспекции, распределение данных выглядит похожим образом. Единственное – их изначально было меньше – 52% респондентов указали, что у них не было опыта взаимодействия с комиссией по досудебному рассмотрению споров. Отрицательный ответ о том, что разбирательств на уровне руководства КНО не было, дали чуть более трети опрошенных, а доля компаний, у которых не было конфликтов на уровне вышестоящей инстанции или органа власти, составила 42%.

Доля положительных решений в пользу компании в 2022 году при разбирательствах..., %

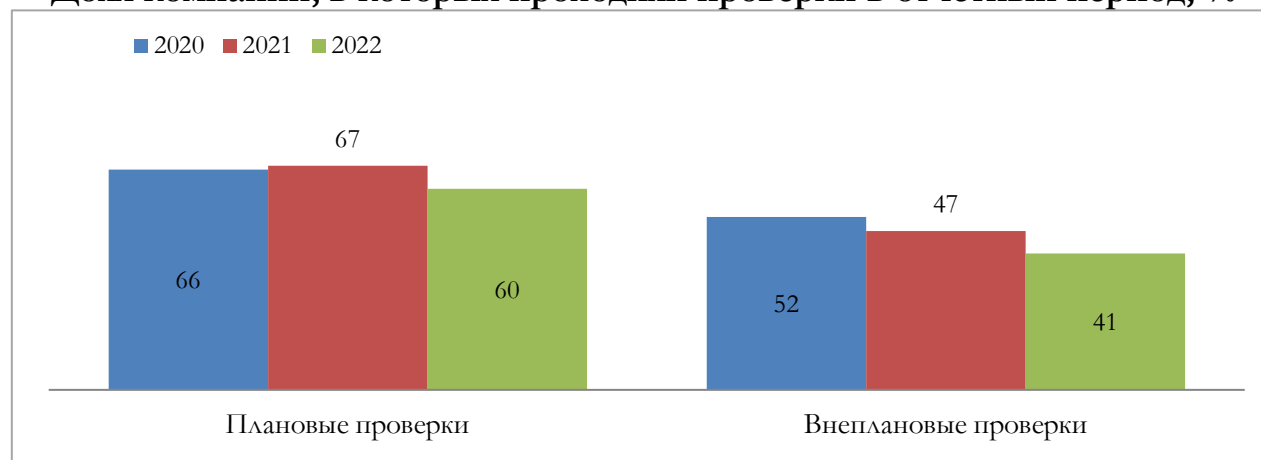
Из анализа исключены анкеты респондентов, пропустивших вопрос.

Контрольно-надзорная деятельность

В 2022 году представители бизнеса стали в меньшей степени ощущать на себе чрезмерное контрольно-надзорное давление, которое ранее – в 2020 году – было основной проблемой для более трети опрошенных компаний. За два года доля участников опроса, считающих так, сократилась на 14 п.п.

Контрольно-надзорные органы в отчётный период стали реже заходить с проверками в компании – плановые проверки проходили в 2022 году в 60% организаций, а внеплановые были в 41% организаций. Соответственно, в 2020-2021 годах КНО осуществляли плановые проверки в двух третях компаний, а внеплановые – примерно в половине компаний.

Доля компаний, в которых проходили проверки в отчётный период, %

Значения округлены до целого числа

Данные приведены без учёта доли «нет ответа».

В крупные компании проверяющие органы заходили в период с 2020 по 2022 значимо чаще, чем в организации-субъекты МСП. К примеру, в отчётный период плановые проверки шли в 69% крупных предприятий и в 34,6% компаний-субъектов МСП; внеплановые проверки отметили 47,8% крупных компаний и 21,6% малых и средних организаций.

Почти в половине случаев причиной внеплановых проверок стала проверка исполнения выданных предписаний. В 2021 году эту причину компании указывали несколько реже – тогда доля варианта составила 37%, и он делил первое место списка возможных причин внеплановых проверок с ответом «жалобы работников и граждан».

В отчётный год жалобы работников и граждан были так же распространены – они повлекли за собой внеплановые проверки в более трети опрошенных предприятий.

В 22% организаций причинами внеплановой проверки стали информация о несчастном случае и/или информация от других контрольно-надзорных органов. Доли этих вариантов с 2020 года не изменились.

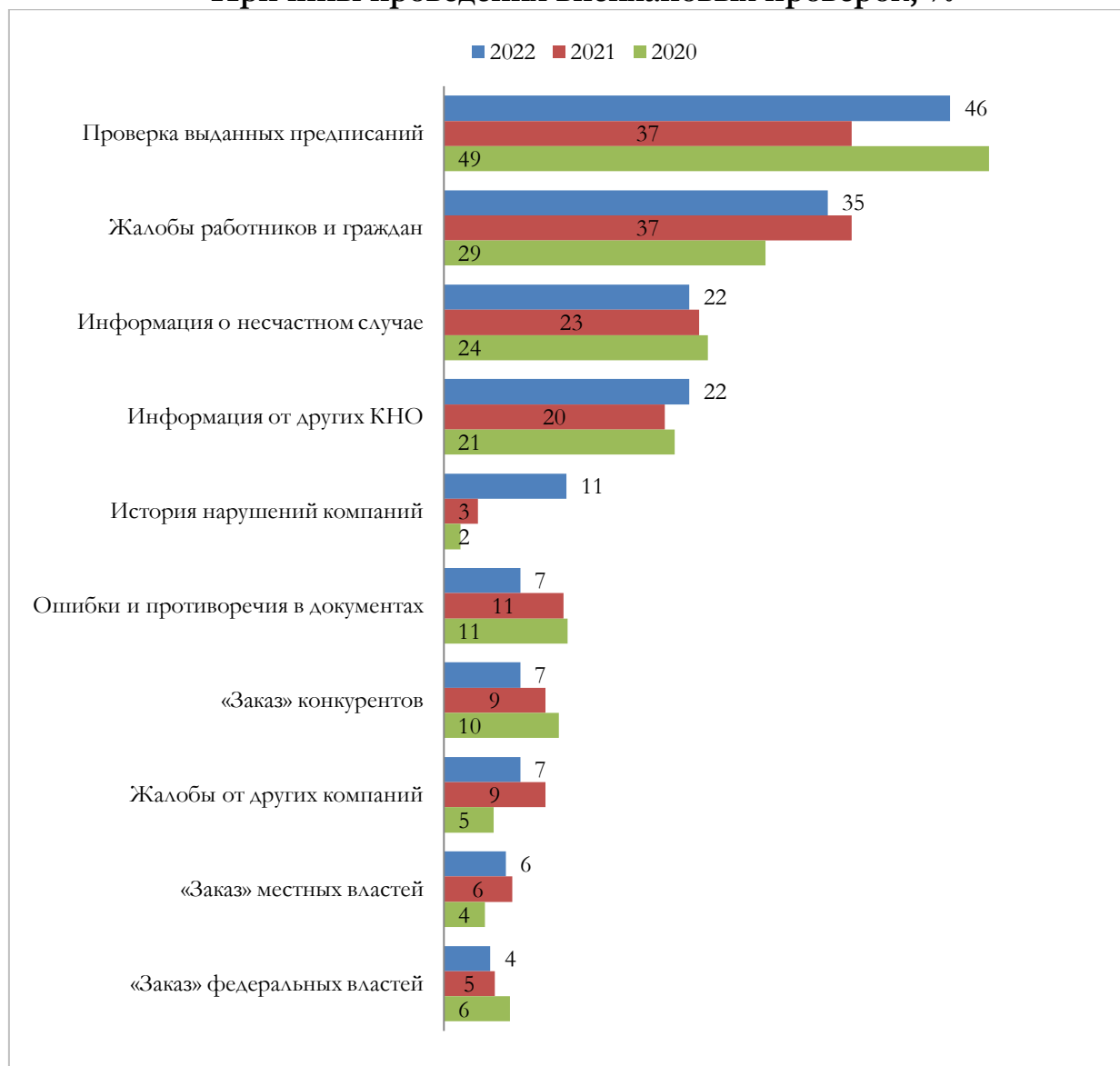
В два раза реже участники опроса отвечали, что проведение внеплановых проверок связано с историей нарушений компаний, и частота упоминания этой причины по сравнению с данными за 2020-2021 годы значимо выросла.

Остальные возможные причины – ошибки и противоречия в документах; «заказ» конкурентов, федеральных властей или региональных властей; жалобы других компаний – респонденты указывали менее чем в 10% случаев.

Каждый год компании дополняют список своими ответами, 2022 год не стал исключением:

«контроль выполнения действующих НПА, выполнение плана проверок»; «указание федеральных органов власти»; «инспекционный контроль выпускаемой продукции»; «поручения вышестоящего КНО»; «проверки были в связи со вводом в эксплуатацию объектов»; «сертификация продукции, реализация программы импортозамещения»; «обследование промышленного объекта для категорирования»; «проверка ГО МЧС в связи с проведением специальной военной операции»; «изменение законодательства».

Причины проведения внеплановых проверок, %

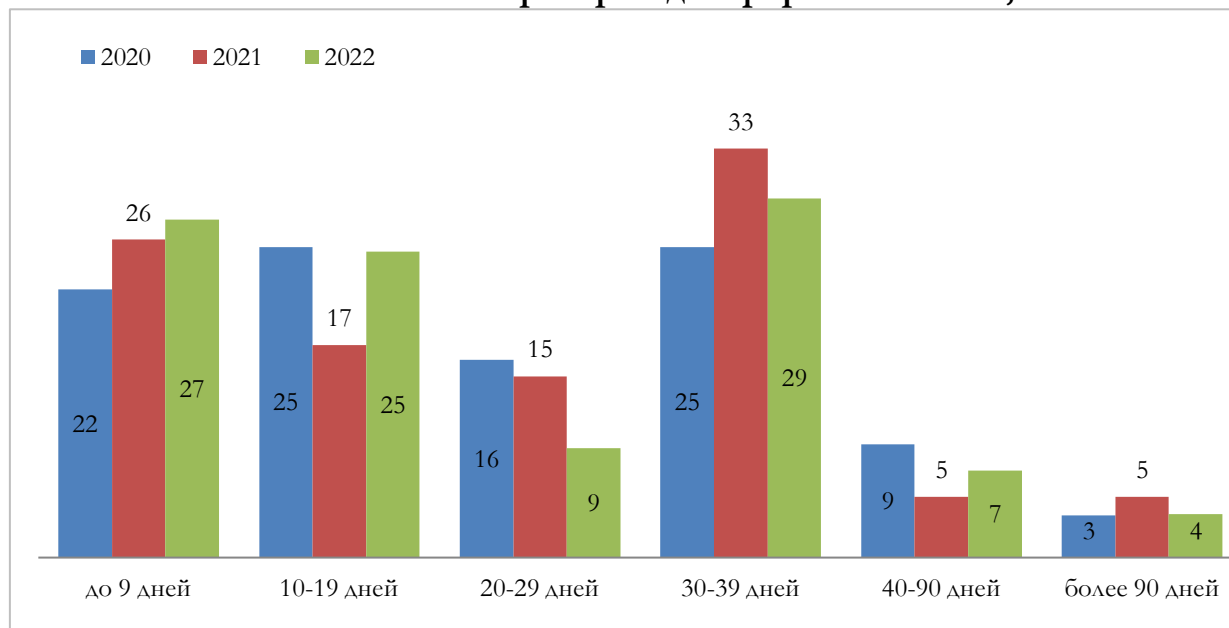

В 2019 году в список был добавлен вариант «проверка выданных предписаний». Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа

Срок проверки от момента начала до оформления акта составлял в 2022 году в среднем 26 дней. Год назад среднее было равно 32 дням, а в кризис 2020 года проверки шли в течение 28 дней. Сокращение среднего значения статистически значимо – в отчётный год проверки, действительно, стали проходить быстрее.

Медианное значение срока проверки и вовсе составило 15 дней, оно стало ниже на 5 дней.

Срок, в который обычно укладывается проведение проверки компании от момента начала проверки до оформления акта, %

*Значения округлены до целого числа
Данные по 2020 году были уточнены.*

В 2022 году компании стали реже отвечать, что проверки занимали от 20 до 39 дней. В то же время выросла доля организаций, сроки проверки в которых шли до 9 дней.

Среднее число ежегодных проверок в компаниях составило 14 проверок в 2022 году. По сравнению с 2020 годом оно не изменилось, а по сравнению с данными за 2021 год выросло.

В 95% компаниях проходило менее 55 проверок в 2020 и в 2022 годах. В 2021 году число проверок было меньше – в 95% компаний проверяющие органы заходили менее 30 раз.

Медианное значение количества проверок, полученное в 2021 и 2022 годах, совпадает – оно равно 3 проверкам за год.

Как и в другие годы, проверок в отношении крупных предприятий КНО проводят больше, чем в отношении субъектов МСП, и проверки занимают гораздо больше времени в крупных компаниях.

К примеру, среднее число проверок за год составило в случае организаций МСП – 2 проверки, а в случае крупных предприятий оно составило уже 17 проверок за год. В среднем, проверки длились в малых и средних компаниях 12 дней, а в крупных организациях – 28 дней.

Медианные значения в данных компаний различного размера также сильно отличаются.

57% участников опроса заявили, что во время проверок у них не было никаких проблем. Доля выросла сразу на 17 п.п., по сравнению с данными за 2021 год.

Главным недостатком в работе КНО более трети компаний считают требование избыточного числа документов, и это по-прежнему основное, чем недовольны компании при взаимодействии с проверяющими органами.

17% компаний столкнулись в 2022 году с недостаточной компетентностью ответственных за проверки. Очевидно, это проблема постепенно потеряла свою остроту – в 2020 году о ней сообщили 34% опрошенных, а в 2021 году чуть более четверти участников.

Нарушение правил проведения проверок произошло в 8% случаев; ситуация, когда проверка не соответствовала предмету проверки, указанному в распоряжении, произошла в 7% компаний.

Остальные возможные проблемы и недостатки – «заказные проверки», «прямые или косвенные намёки на оплату услуг проверяющих органов», «проведение проверок неуполномоченными на то лицами» – респонденты отметили менее чем в 5% случаев.

В целом, компании стали реже указывать все возможные варианты из списка.

Недостатки в работе контрольно-надзорных органов при проведении проверок в 2020–2022 годах, %

Доли приведены к общему множеству респондентов, ответившие на вопрос; Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%.

Значения округлены до целого числа.

Как и раньше, около 30% участников опроса сообщили, что у них не было опыта прохождения плановой проверки с применением проверочных листов.

Если принять за 100% множество компаний, которые проходили в 2022 году проверки в соответствии с чек-листом, то у большинства из них – 65,2% – ничего не изменилось. Административная нагрузка выросла у четверти организаций, а у десятой части предприятий она благодаря использованию проверочных листов сократилась.

Распределение данных почти совпадает с результатами за 2020 год, а по сравнению с 2021 годом доля варианта «нагрузка выросла» опустилась на 14 п.п. Компании стали чаще отвечать, что не видят никаких изменений во время проверок.

Порядка трети респондентов, как и в 2021 году, пропустили вопрос о проблемах в системе обязательных требований в России. В кризисный, 2020 год отказалась отвечать десятая часть опрошенных. Пропущенные значения не учитываются в распределении оценок.

Ключевая проблема, по мнению 38,1% компаний, ответивших на вопрос, – дублирование обязательных требований (значимость выросла за год в два раза – в 2021 году доля варианта была равна 21,3%).

Устаревание обязательных требований, несоответствие современному уровню развития науки и техники мешала работе примерно такому же числу организаций.

С предъявлением в процессе проверки новых, неожиданных обязательных требований сталкивались в 2022 году и назвали проблемой около 30% респондентов (в этом случае, напротив, произошло снижение значимости – доля упала за год на 10 п.п.). Противоречия в обязательных требованиях, предъявляемых различными органами, увидели 28,8% организаций.

16% компаний уверены, в системе обязательных требований нет реальной связи с вопросами безопасности; требования предъявляются к качеству продукции, производственных процессов и так далее.

15,3% участников заявили, что обязательные требования недоступны. По мнению чуть более десятой части компаний, система обязательных требований в РФ жёстче, чем в ЕАЭС.

Проблемы, связанные с обязательными требованиями со стороны КНО, 2020–2022 годы, %

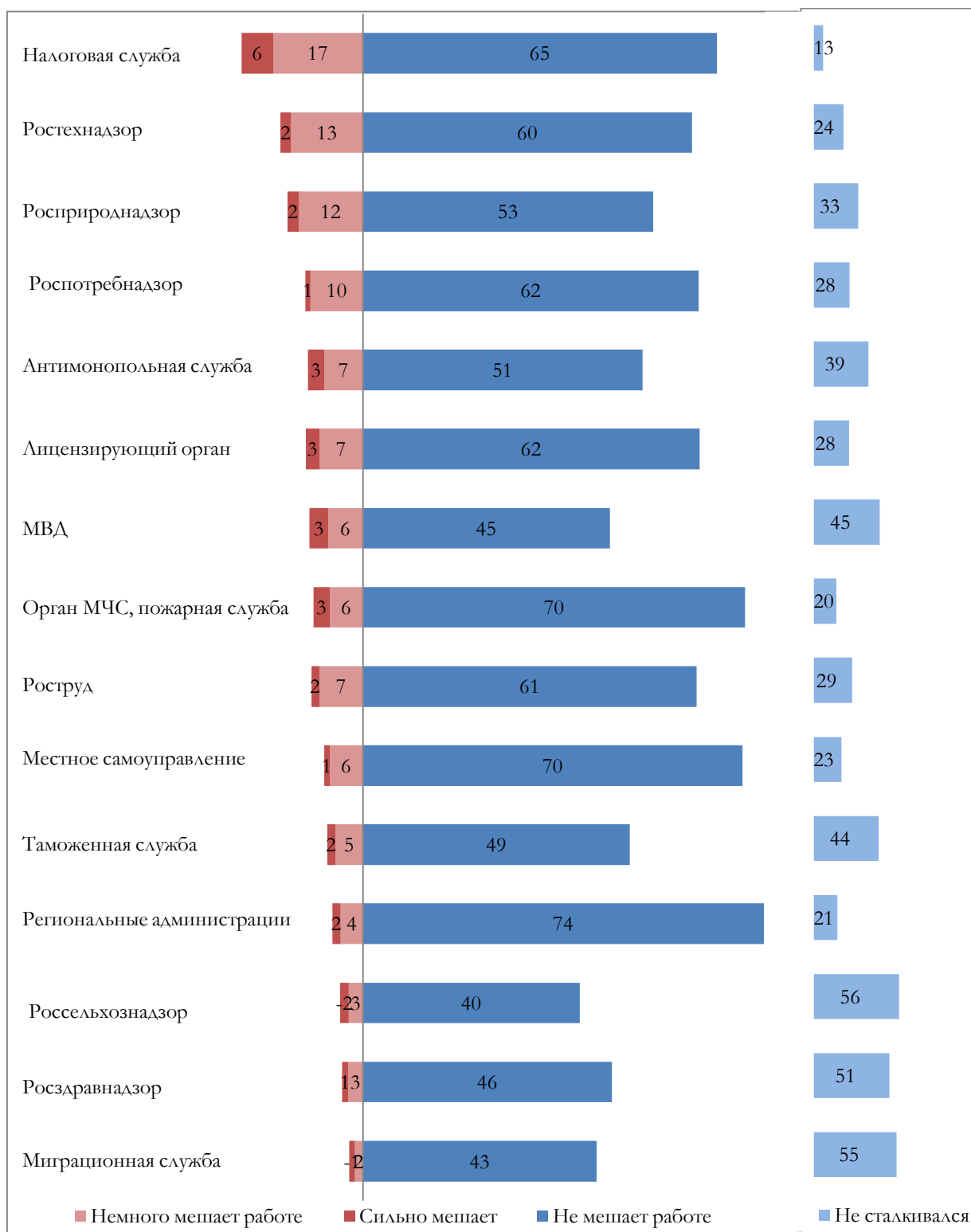
Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

В 2022 году компании направляли отчётность в среднем в 10 контрольно-надзорных органов. Различие со значением, полученным в 2021 году, – 8 отчётных органов, статистически не значимо.

Согласно медианному значению компании отчитывались перед 7 органами госконтроля.

Примерно в два раза отличаются данные по крупным компаниям и по субъектам МСП: если первые направляли в 2022 году отчётность, в среднем, в 11 КНО, то малые и средние компании высылали отчётность в 6 органов госконтроля.

Оценка влияния контрольно-надзорных органов на деятельность компаний за 2022 год, %

Данные представлены по убыванию суммы долей вариантов «КНО сильно мешает работе компании» и «немного мешает». Значения округлены до целого числа.

Реже всего компании сталкивались со своей деятельностью с Россельхознадзором, Миграционной службой и с Росздравнадзором. Более половины респондентов ответили, что у них не было в отчётный период опыта взаимодействия с этими КНО. Также довольно редко организации пересекались с МВД, Таможней и Антимонопольной службой. Отрицательный ответ дали примерно 40-45% опрошенных.

Напротив, самые частые контакты были у компаний с Налоговой инспекцией – только 12,6% участников опроса сообщили, что не взаимодействовали с этим КНО в 2022 году.

К тому же, опыт взаимодействия с Налоговой инспекцией был почти у четверти респондентов проблемным (в той или иной степени). Также относительно проблемным компании назвали взаимодействие с Ростехнадзором (совокупная доля равна 15,2%), с Росприроднадзором (совокупная доля равна 13,8%) и Роспотребнадзором (совокупная доля – 10,6%).

С рядом КНО – Региональными администрациями, органами местного самоуправления, органом МЧС (пожарная служба) пришлось иметь дело в прошлом году около 80% опрошенных предприятий, и при этом в большинстве случаев компании ответили, что эти контрольно-надзорные органы им не мешали в работе.

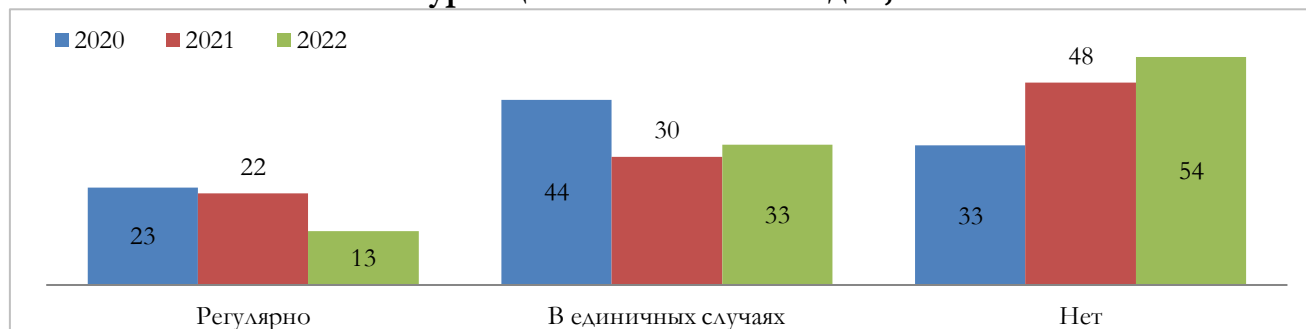
В целом, за год компании стали реже выбирать ответ «КНО сильно мешал работе» по всем рассматриваемым органам госконтроля.

Конкуренция

Ситуация с недобросовестной конкуренцией постепенно становится лучше: в 2022 году уже более половины компаний сообщили, что не сталкивались с её проявлениями, тогда как год назад – в 2021 году – доля отрицательного ответа составляла 48%, а в 2020 году только треть участников опроса ответила отрицательно.

В 2022 году стало меньше компаний, которые в своей деятельности регулярно имели дело с проявлениями недобросовестной конкуренции. Этот вариант отметили в отчётный период 13% организаций, а в 2020-2021 годах об этом заявили более пятой части опрошенных.

Нарушение прав компании: столкновение с недобросовестной конкуренцией в 2020–2022 годах, %

Значения округлены до целого числа.

Крупные компании менее чем в 10% случаев сталкивались в отчётный период с недобросовестной конкуренцией на регулярной основе. Среди субъектов МСП этот вариант указали 23,7% респондентов.

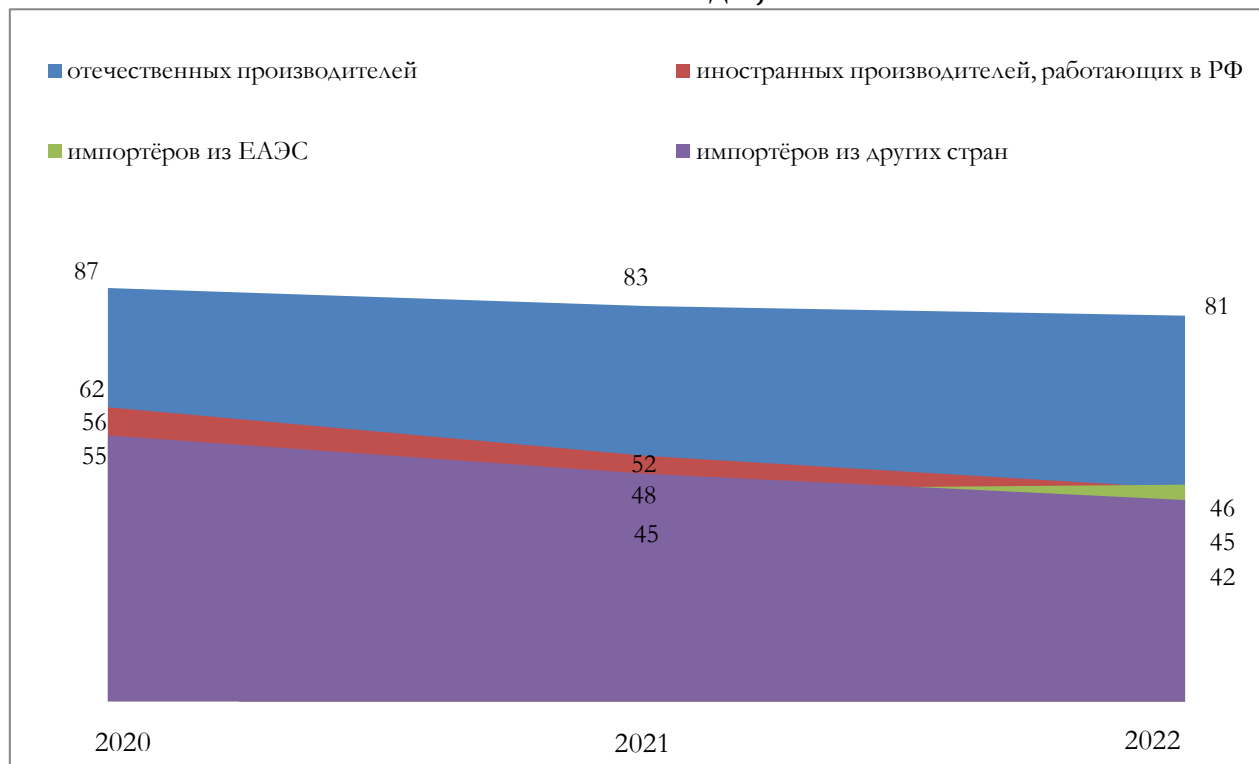
В 2020 году оценки компаний различного размера также сильно отличались друг от друга: тогда 17,7% крупных предприятий ответили, что случаи недобросовестной конкуренции им встречались регулярно, а доля этого варианта в данных по организациям-субъектам МСП была равна 32%.

Конкуренция со стороны отечественных производителей не оказывала влияния в 2022 году лишь на 19,1% компаний. Другие участники рынка – иностранные организации, локализовавшие производство в России, импортёры из ЕАЭС и поставщики из других стран – менее чем в половине случаев создавали конкурентное давление на организации-члены РСПП.

По сравнению с 2020 годом, конкурентная среда стала более разряженной – тогда конкуренция со стороны иностранных производителей влияла на компании в большей степени, и доля отрицательного ответа была ниже примерно на 10-15 п.п.

В 2021 году около 55% респондентов отметили, что конкуренция со стороны импортёров из ЕАЭС не оказывает никакого влияния на их деятельность, и с того времени оценка не изменилась. Конкуренция со стороны двух других групп – импортёров не из ЕАЭС и иностранных организаций, локализовавших производство в РФ, в прошлый отчётный период была несколько более ощутима для российских производителей, чем это стало в 2022 году.

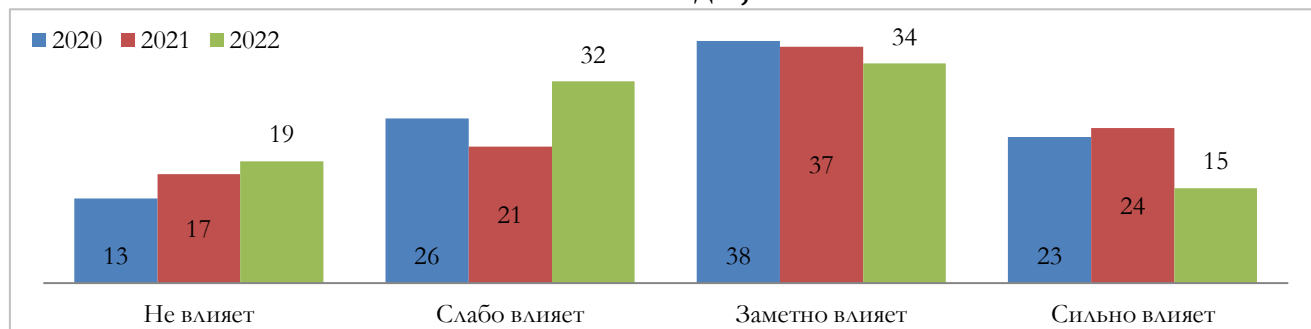
**Доля компаний, на работу которых влияет конкуренция со стороны...
в 2020–2022 годы, %**

Значения округлены до целого числа.

Влияние со стороны отечественных производителей на конкурентную среду около двух третей участников назвали или слабым, или заметным. Как крайне значимый фактор конкуренцию со стороны российских компаний воспринимали в 2022 году 15% респондентов, и доля этого варианта снизилась за два года в пределах 10 п.п. при одновременном росте числа ответивших «не влияет» и «влияет слабо».

Динамика оценок конкурентной среды: отечественные производители 2020–2022 годы, %

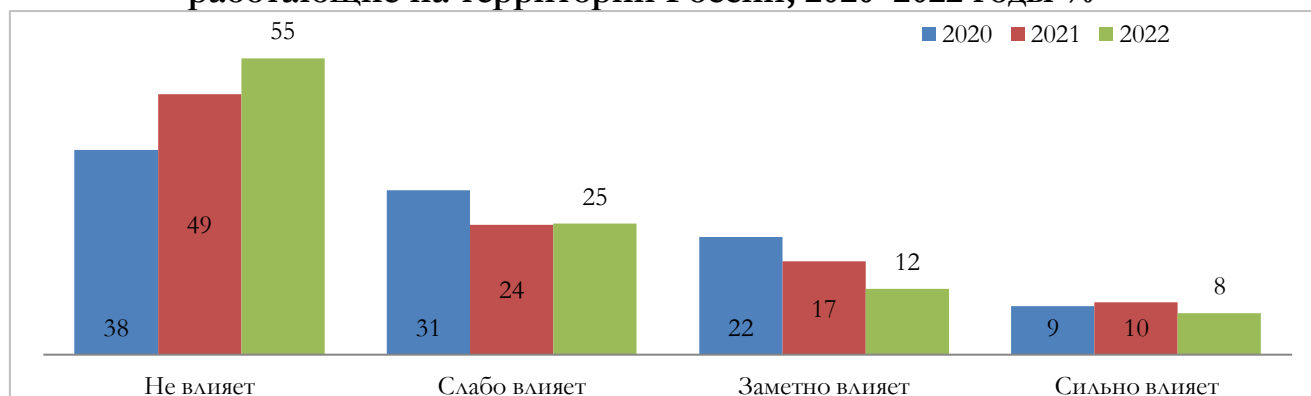
Данные приведены без учёта доли «нет ответа». Значения округлены до целого числа.

В 2020 году 38% компаний сообщили, что иностранные производители, открывшие производство на территории России, не оказывают какого-либо конкурентного влияния на их деятельность. В 2022 году доля таких ответов доросла до 55%.

В 2022 году компании реже, чем в 2020-2021 годах, отмечали ответ «влияние со стороны этой категории производителей заметное».

Во все три года около десятой части опрошенных были готовы назвать конкурентное давление сильным.

Динамика оценок конкурентной среды: иностранные производители, работающие на территории России, 2020–2022 годы %

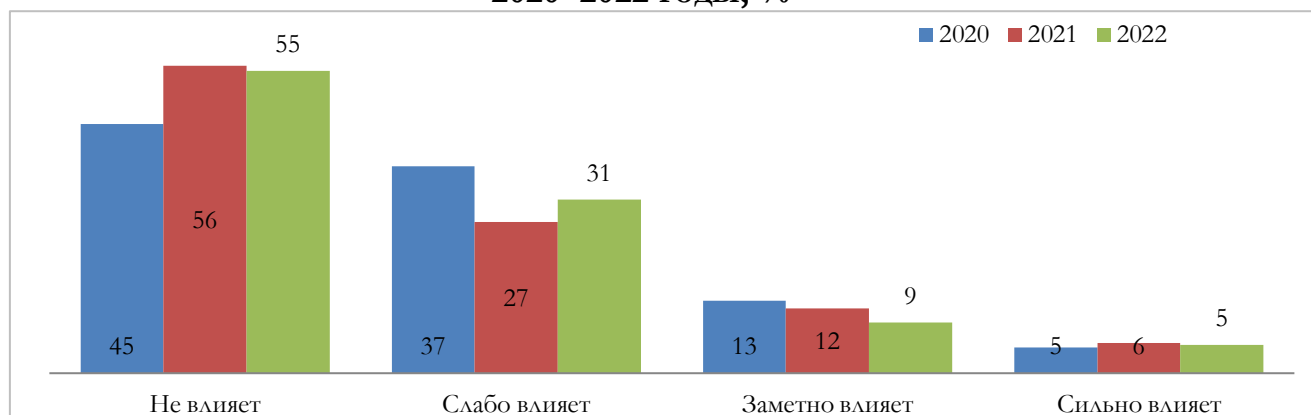
Данные приведены без учёта доли «нет ответа». Значения округлены до целого числа.

Производители из ЕАЭС значительно снизили свою активность на российском рынке ещё в 2021 году, когда доля ответов «эта группа не оказывает влияния на деятельность» выросла на 11 п.п. по сравнению со значением, полученным в 2020 году.

Только 5% предприятий согласились с тем, что производители из ЕАЭС сильно влияют на конкурентную среду в России.

В 2022 году распределение оценок выглядит похожим на распределение 2021 года.

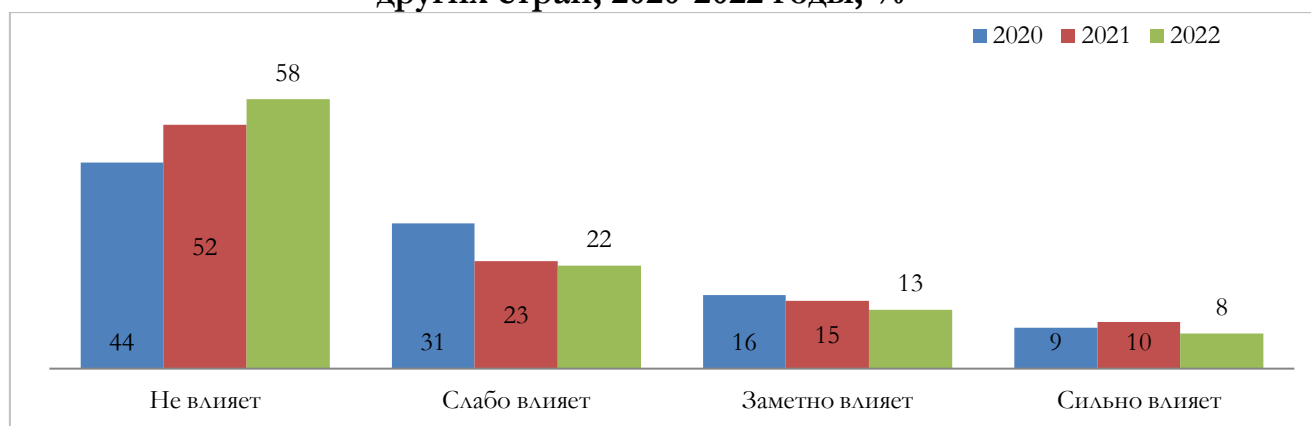
Динамика оценок конкурентной среды: производители из стран ЕАЭС, 2020–2022 годы, %

Данные приведены без учёта доли «нет ответа». Значения округлены до целого числа.

В 2022 году иностранные компании, очевидно, в меньшей степени определяли рыночную ситуацию в России – согласно ответам 58% опрошенных, они никак не влияли на работу российских производителей. В кризисный, 2020 год, несмотря на пандемию, их присутствие было более заметным – тогда отрицательный ответ дали только 44% респондентов. Соответственно, компании стали реже указывать ответы «конкуренция со стороны импортёров влияет слабо» или «влияет заметно». По-прежнему, на рынке остаётся около десятой части предприятий, ощущающих сильное конкурентное давление со стороны импортёров не из ЕАЭС.

Динамика оценок конкурентной среды: производители-импортёры из других стран, 2020-2022 годы, %

Данные приведены без учёта доли «нет ответа». Значения округлены до целого числа.

В основном, оценки представителей крупного бизнеса и организаций-субъектов МСП, оказывают ли те или иные группы производителей

конкурентное давление на компании, совпадают. Единственное: импорт из стран, не входящих в ЕАЭС, в 2022 году никак не влиял на работу двух третей респондентов-субъектов МСП, а среди крупных компаний с этим согласились только 54,9%.

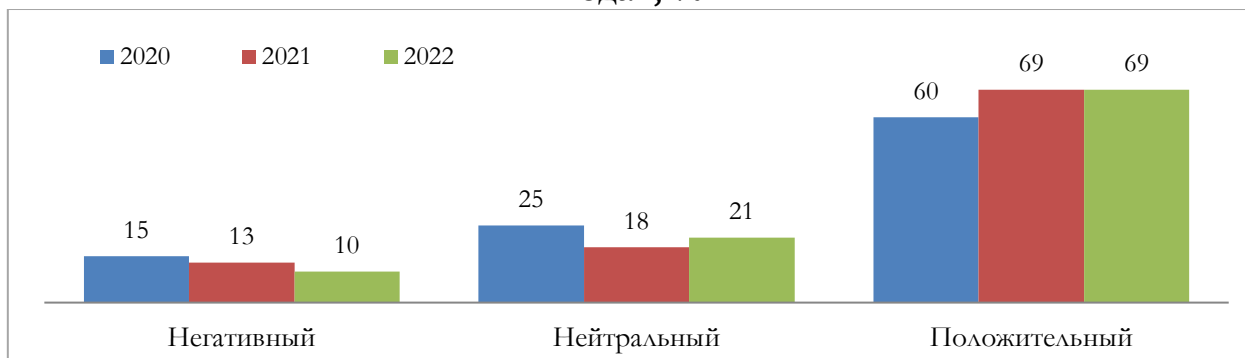
Крупные предприятия значимо чаще малых и средних организаций выбирали варианты «конкуренция со стороны иностранных производителей из стран, не входящих в ЕАЭС, влияет на деятельность слабо или заметно».

Региональный деловой климат

В 2022 году оценки вклада региональных властей в состояние делового климата почти совпали с оценками, полученными в 2021 году: 69% респондентов выбрали положительные ответы; около пятой части опрошенных остановились на варианте «региональные власти не оказывают никакого влияния на состояние делового климата», и только десятая часть компаний оценила действия властей негативно.

В 2020 году распределение было немного смещено в сторону нейтральных и негативных оценок.

Вклад региональных властей в состояние делового климата в 2020–2022 годах, %

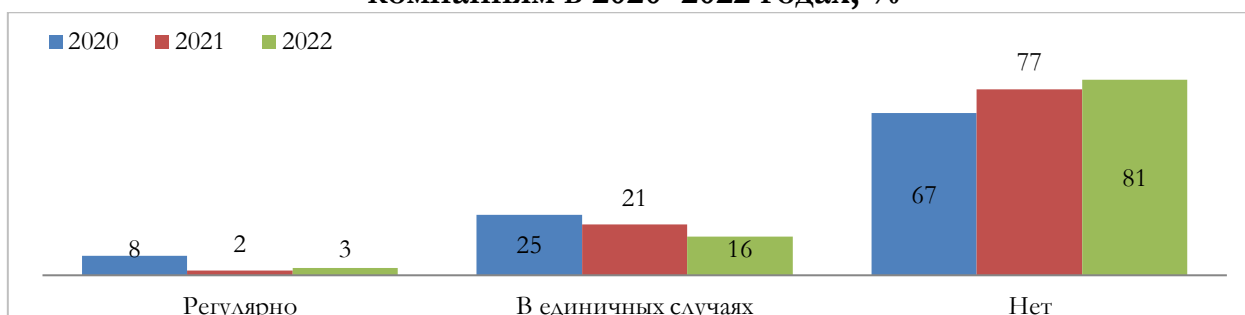
Значения округлены до целого числа.

По мнению 73,7% представителей крупного бизнеса, региональные власти способствуют изменению состоянию делового климата к лучшему. Среди субъектов МСП с этим согласились 58% респондентов. Организации из этой группы чаще крупных компаний выбирали нейтральные ответы.

Более 80% компаний, принявших участие в опросе, не сталкивались с тем, чтобы региональные власти дискриминировали их, отдавая приоритет другим игрокам на рынке. 16% предприятий смогли вспомнить о единичных случаях, когда региональные власти предоставляли другим компаниям преференции. И только 3% респондентов указали вариант «да, сталкивались с таким регулярно».

Год назад компании отвечали примерно так же, а в 2020 году на регулярные нарушения со стороны администраций жаловались 8% организаций; вариант «в единичных случаях» отметила четверть респондентов.

Предоставление региональной администрацией преференций другим компаниям в 2020–2022 годах, %

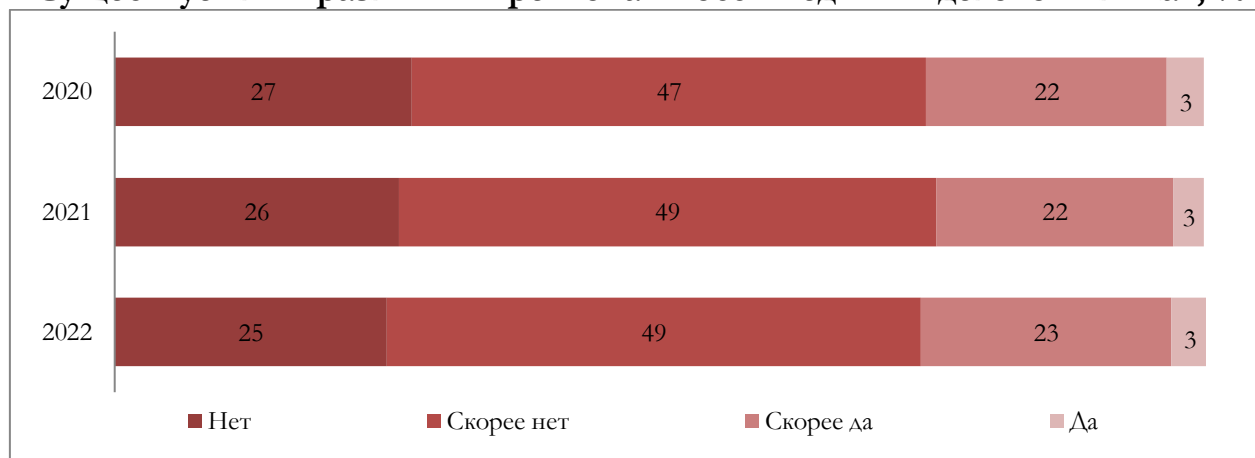

Значения округлены до целого числа.

Данные компаний различного размера почти не отличаются.

На протяжении последних трёх лет большинство компаний – около 75% – продолжает утверждать, что в различных регионах единый деловой климат не существует. Чуть менее четверти опрошенных организаций выбрали ответ «скорее да».

Существует ли в различных регионах России единый деловой климат, %

Значения округлены до целого числа.

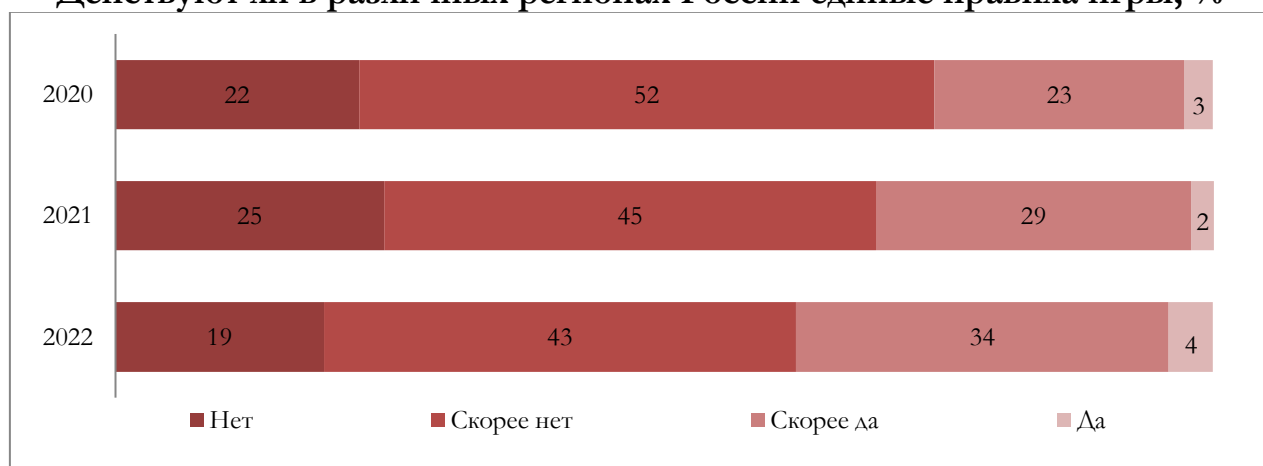
В 2022 году респонденты стали чаще указывать положительный ответ на

вопрос, действуют ли в разных регионах единые правила игры, – суммарно доля вариантов «скорее да» и «да» выросла на 12 п.п., по сравнению со значением 2020 года, и на 5 п.п., если сравнивать с данными за 2021 год.

Правда, пока большинство (62% участников опроса) считает, что правила игры отличаются от региона к региону.

(Под едиными правилами игры подразумеваются не обязательно формализованные элементы взаимодействия бизнеса и власти, к примеру, обязательность или необязательность включения жестких показателей создания рабочих мест при заключении инвестсоглашения между региональной властью и компанией).

Действуют ли в различных регионах России единые правила игры, %

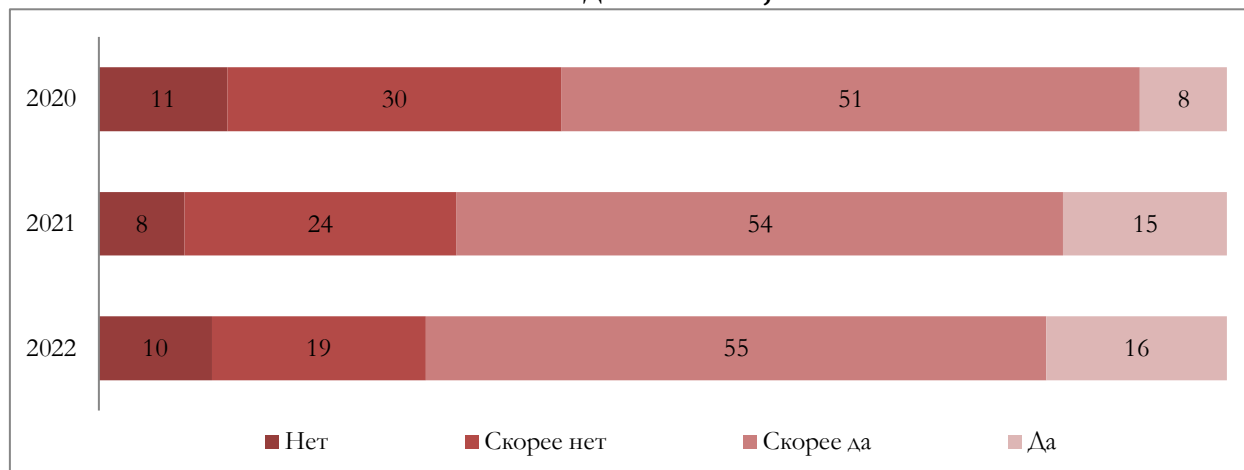

Значения округлены до целого числа.

Обратная ситуация в случае оценки законодательства, регулирующего правила деятельности бизнеса в России. В том, что закон на всей территории государства один для всех, убеждены 71% опрошенных компаний.

Суммарно доля отрицательных ответов «нет» и «скорее нет» снизилась с 41 п.п. в 2020 году до 29 п.п. в отчётный год.

Существует ли в различных регионах России единое регулирующее законодательство, %

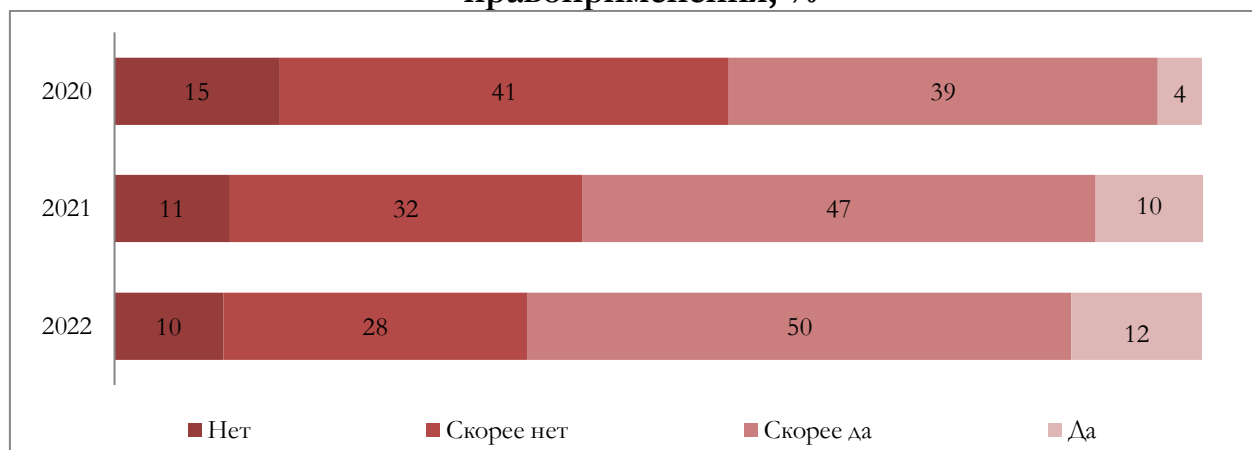

Значения округлены до целого числа.

Две трети респондентов согласились с тем, что в различных регионах России действуют единые принципы правоприменения. Соответственно, десятая часть компаний указала крайне негативную оценку и 28% остановились на ответе «скорее нет».

В 2020 году между теми, кто сомневался в единстве принципов правоприменения на территории страны и кто выбрал ответ «скорее да», был паритет в оценках – около 40% опрошенных указали и первый, и второй варианты. И, начиная с 2021 года, компании увидели подвижки к лучшему.

Действуют ли в различных регионах России единые принципы правоприменения, %

Значения округлены до целого числа.

В 2020-2022 годах представители крупного бизнеса значимо чаще субъектов МСП были готовы дать утвердительный ответ «скорее да», оценивая, действуют ли в различных регионах единые правила игры, единое законодательство и единые принципы правоприменения. В случае вопроса,

существует ли единый деловой климат на территории всей страны, значимых отличий в ответах крупных, средних и малых компаний не отмечено.

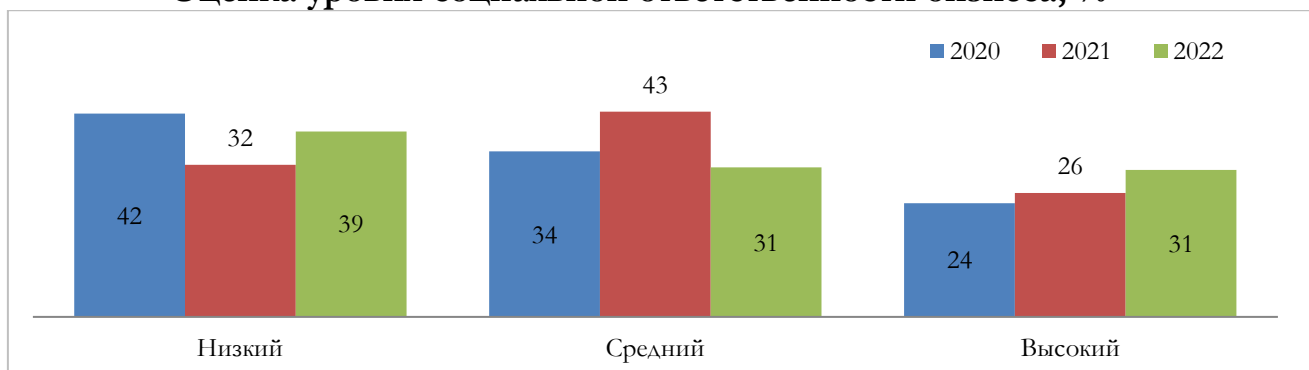
Социальная ориентированность бизнеса

Социальная ответственность подразумевает определённый уровень развития предпринимательского сообщества, означает ответственность за воздействие на общество и окружающую среду решений и деятельности организации, включает в качестве важной компоненты социальные аспекты деятельности в рамках реализации стратегий бизнеса и его добровольный отклик на социальные проблемы.

По словам 39% респондентов, уровень социальной ответственности бизнеса в России сейчас можно назвать низким. Равное число участников – около 31% компаний – выбрало ответы «уровень средний» и «уровень высокий».

В целом, распределение оценок выглядит более похожим на данные 2020 года, нежели на распределение прошлого, 2021 года, когда доля ответов «уровень ответственности средний» достигала 43%.

Оценка уровня социальной ответственности бизнеса, %

Значения округлены до целого числа.

В 2020-2021 годах субъекты малого и среднего бизнеса значимо чаще крупных компаний выбирали негативные оценки, а крупные предприятия, напротив, опережали группу субъектов МСП по доле ответов «уровень социальной ответственности высокий».

В 2022 году сохранилось значимое отличие в положительных оценках компаний различного размера – доли различаются примерно на 10 п.п., а в случае оценок «уровень социальной ответственности средний» и «низкий» произошло сближение двух групп.

Налоговое стимулирование со стороны государства могло бы мотивировать предпринимателей вести бизнес на основе принципов социальной ответственности. Об этом сообщили три четверти опрошенных компаний. Этот вариант остаётся самым популярным среди возможных ответов на вопрос, что могло бы повысить социальную активность бизнеса в России.

Устранение административного давления, преодоление избыточного регулирования также повлияло бы на уровень социальной ответственности бизнеса, по мнению половины опрошенных.

Примерно столько же участников опроса хотели бы, чтобы государственный бюджет участвовал в финансировании / инвестировании социальных корпоративных программ компаний.

42,6% организаций назвали в качестве фактора, который мог бы привести к распространению принципов социальной ответственности, – предоставление добросовестным ответственным предпринимателям преимущественного доступа к государственным заказам, внедрение принципов социально ответственного инвестирования в банках с государственным участием и предоставление на этой основе более выгодных условий кредитования социально ответственным предпринимателям.

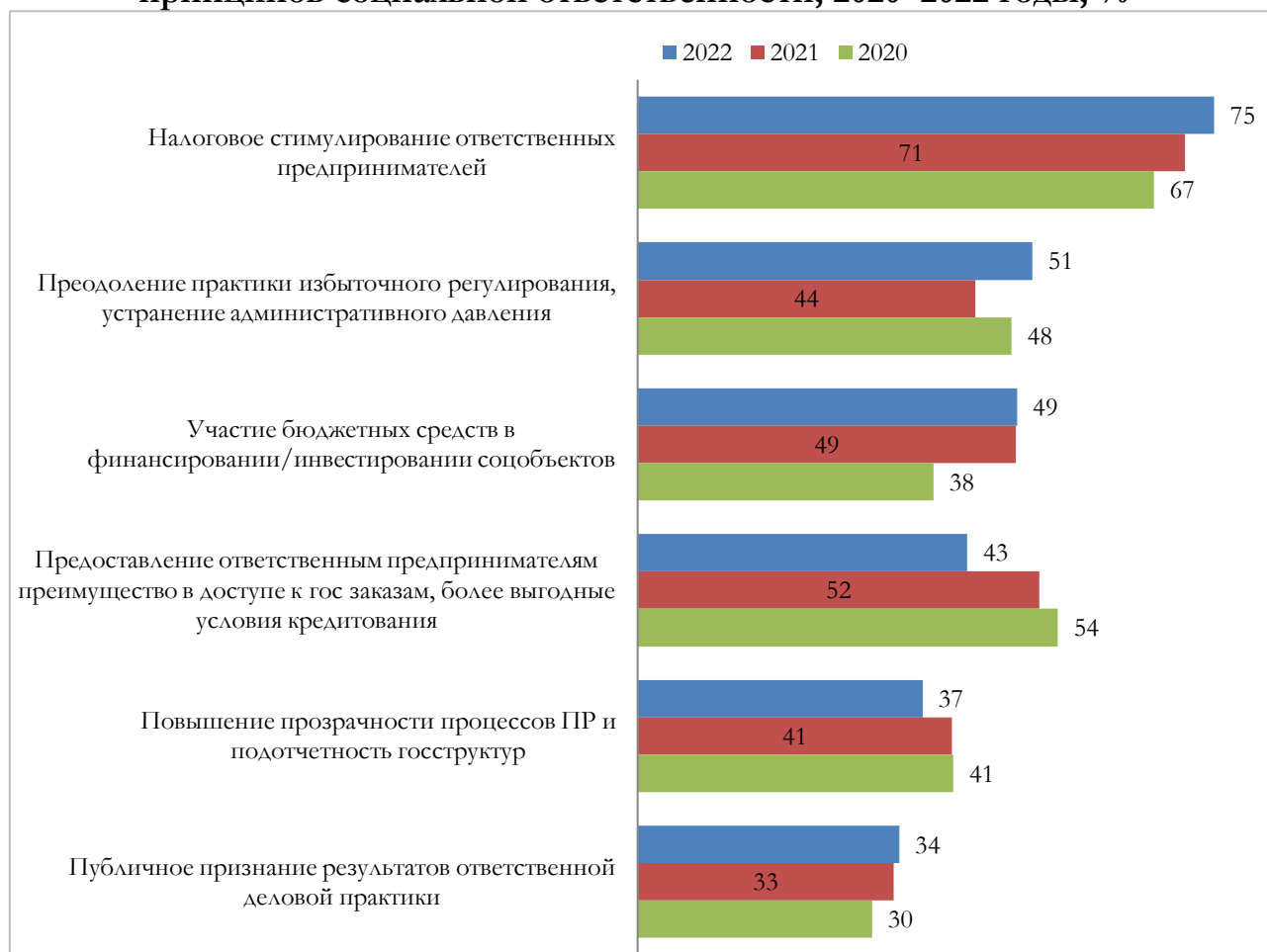
Более трети респондентов считают, что социальной активности бизнеса как составляющей социальной ответственности будут способствовать повышение прозрачности процессов принятия решений органами власти и подотчётность государственных структур. Примерно такое же число компаний остановилось на варианте «уровень социальной ответственности зависит, в том числе, от публичного признания результатов ответственной деловой практики (проведение конкурсов, моральное поощрение победителей, вручение грамот, введение отличительных знаков, популяризация в официальных СМИ)».

По сравнению с данными за 2020-2021 годы, значительно меньше стало компаний, убеждённых, что стимулировать социальную ответственность бизнеса возможно через предоставление ответственным предпринимателям преимущества в доступе к государственным заказам, через более выгодные условия кредитования.

В остальном, данные сохраняют преемственность.

Компании заинтересованы в системном применении перечисленных мер – почти 30% всех опрошенных указали четыре и более варианта из списка.

Факторы и меры поддержки предпринимателей со стороны государства, которые будут стимулировать ведение бизнеса на основе принципов социальной ответственности, 2020–2022 годы, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Как и до этого, в налоговых льготах крупные компании заинтересованы в большей степени, чем субъекты МСП. Более трёх четвертей представителей крупного бизнеса обозначили, что повысить социальную ответственность было бы возможно через налоговое стимулирование ответственных предпринимателей. В группе организаций МСП доля этого варианта ниже примерно на 20 п.п. во все рассматриваемые годы.

В 2022 году субъекты МСП значительно чаще крупных организаций отвечали, что на уровень социальной ответственности могло бы повлиять предоставление ответственным предпринимателям преимущества в доступе к государственным заказам, кредитование на более выгодных условиях. В 2020-2021 годах доли этого варианта у различных групп компаний были близки.

В социальное развитие регионов вкладывали средства 77,2% компаний. В период с 2020 по 2022 годы их доля почти не изменилась.

Существует корреляция между оценкой социальной ответственности бизнеса и тем, занималась ли компания поддержкой социального развития регионов. Среди организаций, придерживающихся мнения, что уровень социальной ответственности «средний» и «высокий», значительно больше тех, кто помогал региональным властям в развитии территорий: доля достигла 80% против 69% в случае компаний, поставивших низкие оценки.

Крупные предприятия принимали участие в развитии регионов значительно чаще – 85,5% респондентов из этой группы ответили, что их организации направляли средства на поддержку социальной сферы в регионах. Субъекты МСП занимались поддержкой развития регионов в 55,9% случаев.

Из года в год бюджет компаний, которые осуществляли социальные программы, включает в себя расходы:

- на благотворительную помощь социально незащищённым гражданам,
- на социальные программы для работников,
- на развитие территорий, включая на экологические программы,
- на программы для детей и молодёжи,
- на поддержание социальной инфраструктуры в регионах,
- и реже всего – на развитие малого бизнеса и социального предпринимательства.

Помощь ветеранам, инвалидам, другим социально незащищённым гражданам, которые каким-либо образом связаны с компанией, оказывали 71,4% организаций. Примерно такая же доля предприятий поддерживала конкретные школы, больницы, детские дома, другие социальные учреждения, не находящиеся на балансе компаний.

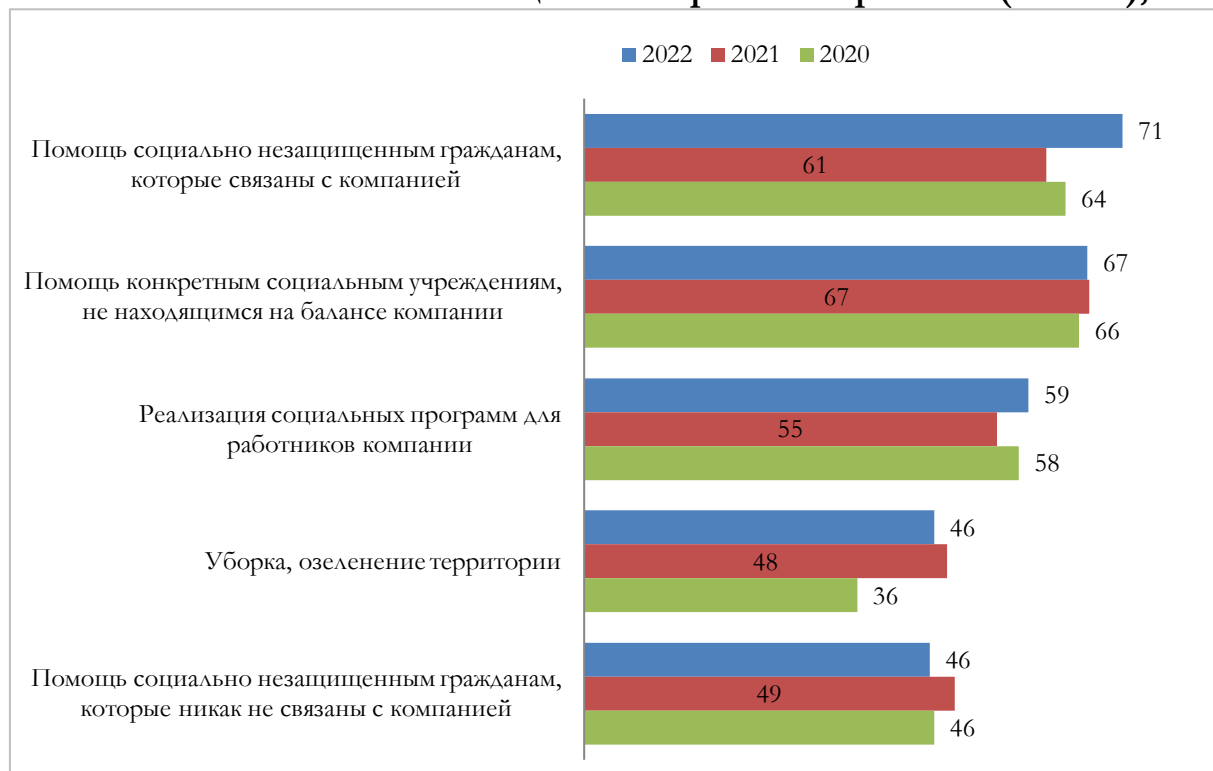
Два этих направления из года в год занимают первые места по популярности из всех возможных вариантов социальной поддержки.

Около 60% компаний реализовывали социальные программы для работников (питание, программы дополнительного пенсионного и медицинского страхования и т.д.).

Уборкой, озеленением территории занимались 46,4% организаций.

Ветеранам, инвалидам, другим социально незащищённым гражданам, не имеющим прямого отношения к компании, помогали 45,8% участников опроса.

Помощь региональным властям и/или муниципалитетам, которую оказывали компании в социальном развитии региона (ТОП 5), %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Следующими по распространённости стали программы, направленные на поддержку детей и молодёжи. В реализацию молодёжных социальных корпоративных проектов вкладывала ресурсы треть опрошенных компаний. Проведением детской оздоровительной кампании, поддержкой образования и профессиональной подготовкой детей и подростков занималось примерно столько же организаций. Обучающие программы для детей и профориентацией для детей подростков отметили 28% участников опроса.

Спонсорские программы, подразумевающие перечисление средств на счета, которые указываются региональными органами власти или муниципалитетами, поддерживали 31,5% предприятий. Региональным программам занятости безработных (в том числе временная занятость) содействовала пятая часть опрошенных компаний.

Около 15% предприятий направляли средства на поддержание социальных объектов и жилья, не находящихся на балансе компании, финансировали мероприятия по улучшению экологической обстановки, занимались реализацией совместных с властями региона непрофильных проектов в социальной сфере (строительством жилья, развитием инфраструктуры), обеспечивали теплом или

электроэнергией объекты, находящиеся в собственности региональных или муниципальных властей.

Строительством жилья, других социальных объектов для нужд работников занимались 7,7% компаний.

Примерно столько же респондентов указали, что их компании вкладывались в поддержку малого бизнеса; в развитии социального предпринимательства принимали участие менее 5% организаций.

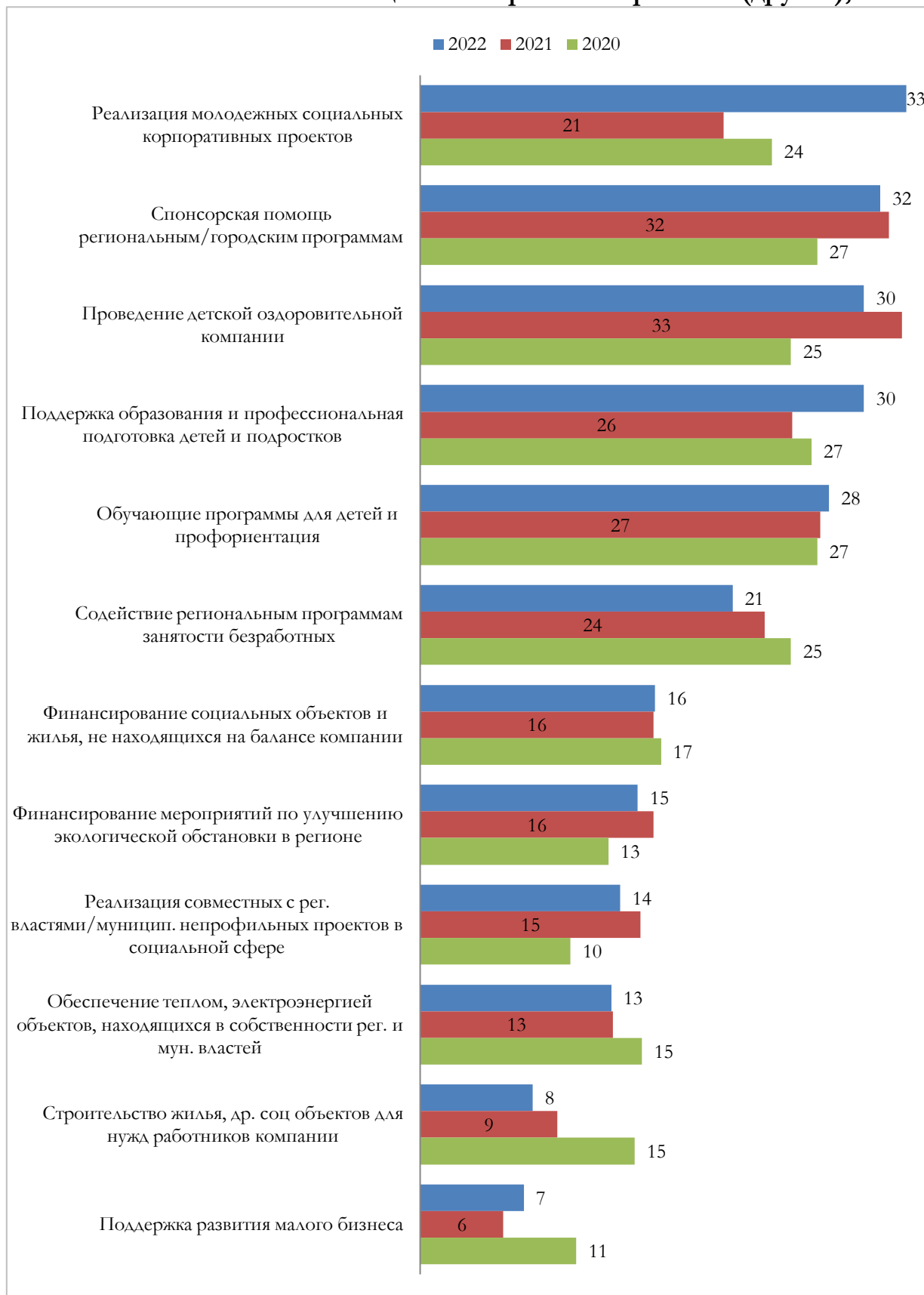
Крайне редко компании предоставляли льготным категориям поставщиков «особые условия» при заключении договоров – доля этого варианта составила 1,8% в 2022 году.

В целом, распределение данных в отчётный период близко результатам, полученным в 2020 и 2021 годах. Два значимых отличия:

В 2020 году доля компаний, направлявших средства на уборку, озеленение территории, была значимо ниже – 36,2%. С данными за 2021 год доля совпадает.

По сравнению с 2020 годом, компании примерно в два раза реже стали выделять бюджет на строительство жилья и других социальных объектов для нужд своих работников.

Помощь региональным властям и/или муниципалитетам, которую оказывали компании в социальном развитии региона (Другие), %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа. Порог отсеивания >5%

Компании в половине случаев ориентируются на прямые запросы о финансовой помощи со стороны организаций или физических лиц. Столько же организаций реализуют собственные социальные и благотворительные программы. Чуть более трети предприятий (36,9%) содержат собственные объекты социального назначения.

В программах, реализуемых органами власти на разном уровне, принимают участие 33,8% компаний. Поддержкой программ корпоративного волонтерства и сбора частных пожертвований занимается столько же организаций. Чуть меньше – 28,8% компаний – финансируют и реализуют социальные программы через благотворительные фонды, фонды местных сообществ, через ресурсные центры.

Пятая часть организаций предоставляет бесплатные товары или услуги.

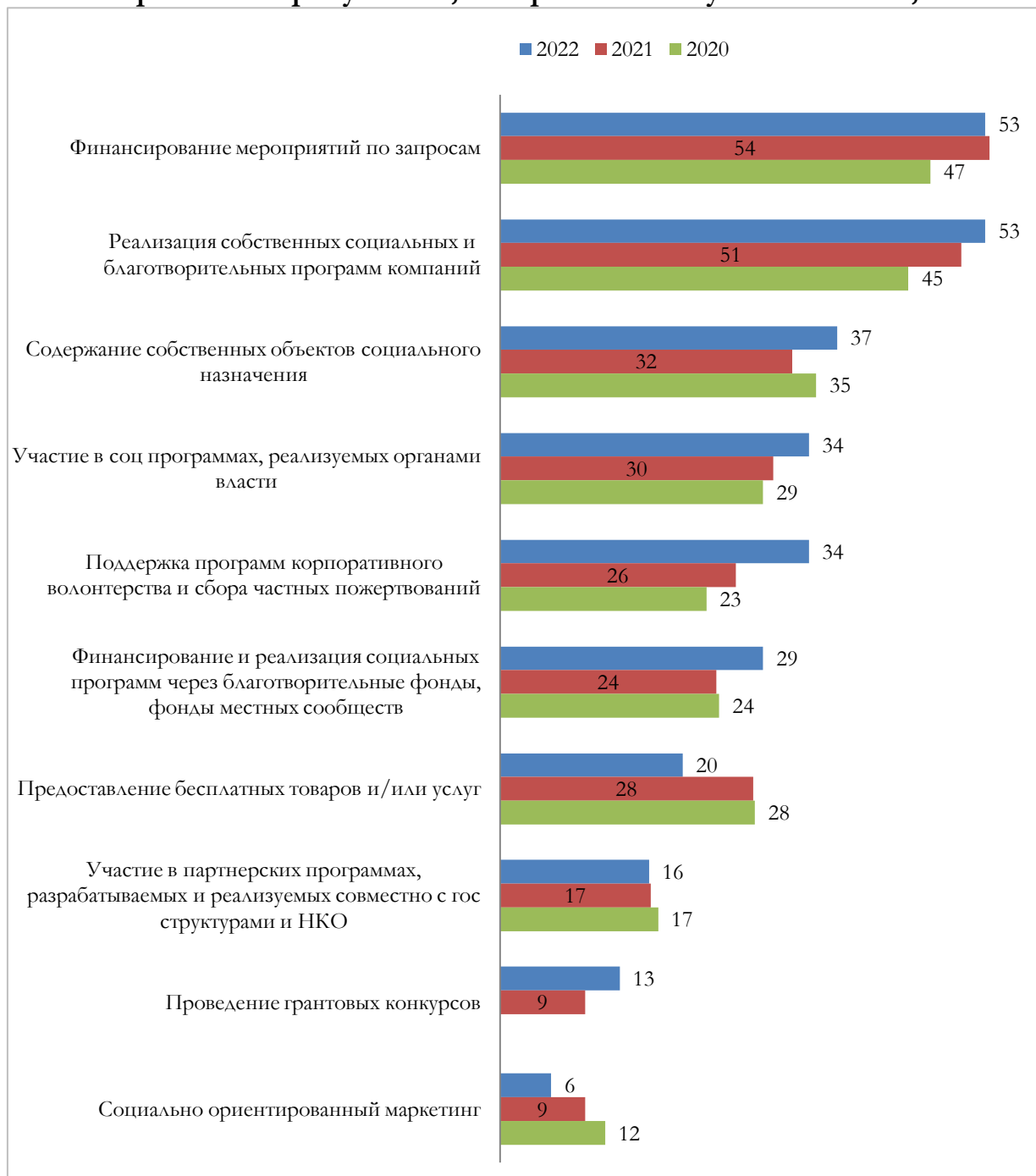
16,3% предприятий участвуют в партнёрских программах, разрабатываемых и реализуемых совместно с государственными структурами и некоммерческими организациями. 13,1% компаний проводят грантовые конкурсы.

Социально ориентированный маркетинг распространён только в 5,6% опрошенных организаций.

В целом, практики реализации проектов в социальной сфере у компаний-членов РСПП устойчивы на протяжении последних лет. Соответственно, данные сохраняют преемственность.

Единственное: в 2022 году примерно на 10 п.п. выросла доля тех компаний, поддерживающих программы корпоративного волонтерства и сбора частных пожертвований.

Механизмы финансирования и реализации социальных программ в регионах присутствия, которые используют компании, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа. Вариант «Проведение грантовых конкурсов» был добавлен в анкету в 2021 году.

В целом, почти все рассмотренные механизмы широко распространены среди социально ответственных организаций.

Цели устойчивого развития в бизнес-практике российских компаний

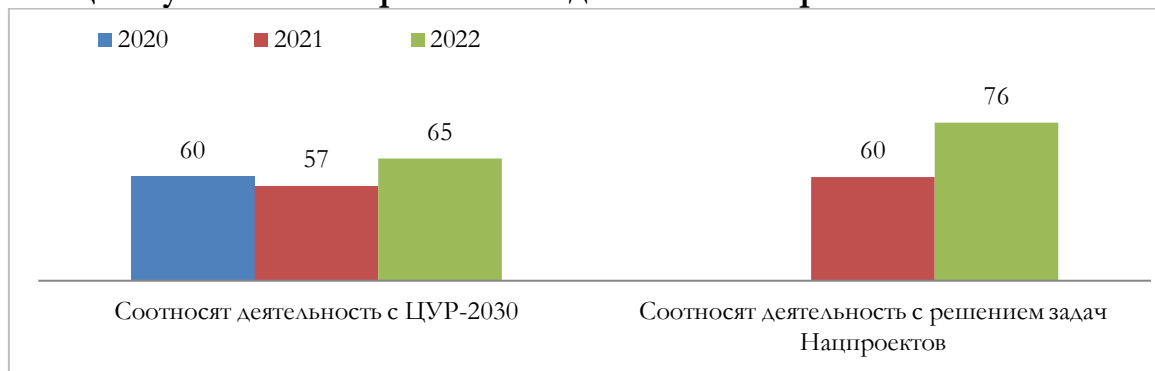
Большинство опрошенных компаний – 65,4% – соотносит свою деятельность с Целями устойчивого развития (ЦУР-2030).

Причём из множества крупных предприятий 70,9% компаний заявили, что принимают во внимание ЦУР-2030; среди субъектов МСП только половина организаций дала положительный ответ.

Распределение оценок в последние три года не изменилось.

Три четверти респондентов сообщили, что соотносят свою деятельность с решением задач Национальных проектов. Год назад положительный ответ на этот вопрос участники опроса давали немного реже – тогда 60,1% организаций принимали во внимание задачи Национальных проектов. В этом случае значимых отличий между компаниями различного размера не зафиксировано.

Цели устойчивого развития в деятельности российских компаний, %

В конце 2022 года стратегия устойчивого развития была разработана и принята в 36% компаний, а в 16,4% организаций она находилась в разработке.

Четверть компаний собиралась приступить к разработке стратегии устойчивого развития в ближайшей перспективе. 7,5% предприятий не ставили перед собой такой задачи в принципе.

Затруднились с ответом 16,4% респондентов.

В 2021 году пятая часть опрошенных компаний пропустила вопрос, какие наиболее приоритетные задачи в области устойчивого развития ставит перед собой компаний. Год спустя доля отказов и пропусков снизилась в два раза.

Около 10% организаций в 2021 и 2022 годах сообщили, что у них нет целей в области устойчивого развития. На диаграмме ниже из распределения их данные исключены.

Задачи в области устойчивого развития, которые ставят перед собой компании в 2021 – 2022 годах, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Ключевой приоритет компаний в области устойчивого развития – обеспечение безопасности и охрана труда. Этот вариант указали 84,6% участников опроса.

Развитию сотрудников и социальному обеспечению уделяют внимание более двух третей организаций.

Повышение энергоэффективности (и/или использование альтернативных источников энергии) входит в список целей 44% компаний, принявших участие в опросе.

Повышение информационной открытости, развитие процесса отчётности назвали значимым для себя около четверти организаций.

Примерно десятая часть опрошенных отметила варианты: «сокращение выбросов CO₂ (декарбонизация)», «развитие локальных сообщество, участие в устойчивом развитии территорий», «переход на экономику замкнутого цикла».

Реже всего респонденты указывали, что их компании занимаются разработкой устойчивых (зелёных) продуктов. Об этом заявили 5,6% компаний.

За год ситуация изменилась мало.

В 2022 году 23% участников опроса пропустили вопрос, какие барьеры не позволяют развивать в компании повестку устойчивого развития. Год назад доля составляла почти треть от множества опрошенных. Их анкеты исключены из оценки распределения ответов.

Долгую и сложную трансформацию текущих процессов обозначили в качестве ключевого препятствия 39,2% организаций.

Для трети компаний таким барьером стала смена глобальной повестки, и, в связи с этим, необходимость решать тактические задачи (этот вариант был добавлен в 2022 году).

Отсутствие финансовой и нефинансовой поддержки со стороны государства останавливает от реализации целей устойчивого развития тоже порядка трети предприятий.

Чуть меньше – 27,5% респондентов – считают, что компетенций сотрудников компаний в области устойчивого развития на данный момент недостаточны. Такое же число компаний не видит запроса со стороны рынка и потребителей.

У пятой части опрошенных организаций отсутствует понимание ценности устойчивого развития для бизнеса (чёткого бизнес-кейса).

15,2% компаний заявили, что цели устойчивого развития – не приоритетны в настоящее время для компании.

В 8,2% организаций отсутствуют ответственные / функция для управления устойчивым развитием.

Барьеры, не позволяющие развивать компанию с учётом повестки устойчивого развития, %

Доли приведены к числу компаний, ответивших на вопрос. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Участники опроса значительно реже стали указывать вариант «развитию повестки устойчивого развития в компании препятствует отсутствие финансовой и нефинансовой поддержки со стороны государства».

Также в два раза сократилась доля ответа «барьером стало отсутствие ответственных / функции для управления устойчивым развитием».

Кадры и достойный труд

Существующий рынок труда не может полностью закрыть потребности бизнеса. Из года в год дефицит кадров входит в тройку самых острых и актуальных проблем для российских компаний.

Тем более в 2022 году возник дополнительный риск выбывания сотрудников, связанный с проведением частичной мобилизации, которая была объявлена в конце сентября отчётного года. Более чем в пятой части опрошенных организаций наблюдается дефицит кадров именно вследствие мобилизационной кампании.

Само же проведение мобилизации не сопровождалось никакими проблемами, по заявлению 61% предприятий. Им было достаточно информации и разъяснений от властей, чтобы организовать работу в новых условиях.

Некоторые проблемы с правомерностью призыва сотрудников были у четверти компаний, но в остальном и у них нет претензий к ходу мобилизационной кампании со стороны властей.

14,2% организаций посчитали недостаточным существующий уровень информации о порядке бронирования и получения отсрочки сотрудниками.

В целом, из всех профессиональных категорий максимальный дефицит зафиксирован по группам «квалифицированные рабочие», «операторы, аппаратчики, машинисты установок».

Так, две трети респондентов в 2022 году сообщили, что штат их предприятий до конца не укомплектован квалифицированными работниками. Более половины организаций ощутили на себе дефицит операторов, аппаратчиков, машинистов установок.

В 41% компаний не хватало специалистов высшего уровня квалификации, а в 37,4% компаний – среднего уровня квалификации.

В поиске и дополнительном найме неквалифицированных работников заинтересованы чуть более четверти опрошенных предприятий.

По двум профессиональным категориям в настоящий момент дефицита нет – по руководителям организаций и их структурных подразделений и по работникам, занятым оформлением документации, учётом и обслуживанием. Только 16% компаний отметили, что сотрудников из этих категорий им недостаточно.

Распределение данных в 2020-2022 годах выглядит схожим образом.

Однако за последние два года значительно выросла потребность в операторах, аппаратчиках, машинистов установок – доля компаний, в которых не хватает таких сотрудников, прибавила примерно 10 п.п. Напротив, респонденты стали реже отвечать, что в их компаниях не закрыты позиции руководящего состава, – в 2020 году доля достигала 27%, а уже в 2021 году она опустилась до 13,4%.

В 2021 году зафиксирована максимальная доля предприятий, которые ощущали нехватку неквалифицированных работников, – 35,6%. В остальные два года потребность в найме работников из этой категории была несколько ниже.

Дефицит специалистов в следующих категориях работников в 2020–2022 годах, %

Значения округлены до целого числа.

Во все три года вопрос о дополнительном найме операторов, аппаратчиков, машинистов установок и машин стоит острее в группе крупных предприятий, нежели чем в организациях-субъектах МСП. К примеру, в 2022 году о дефиците по этой категории сообщили 72% крупных компаний, среди субъектов МСП доля была 53,7%.

По оценкам компаний-членов РСПП, динамика производительности труда в 2022 году не сильно отличается от динамики в последние два года.

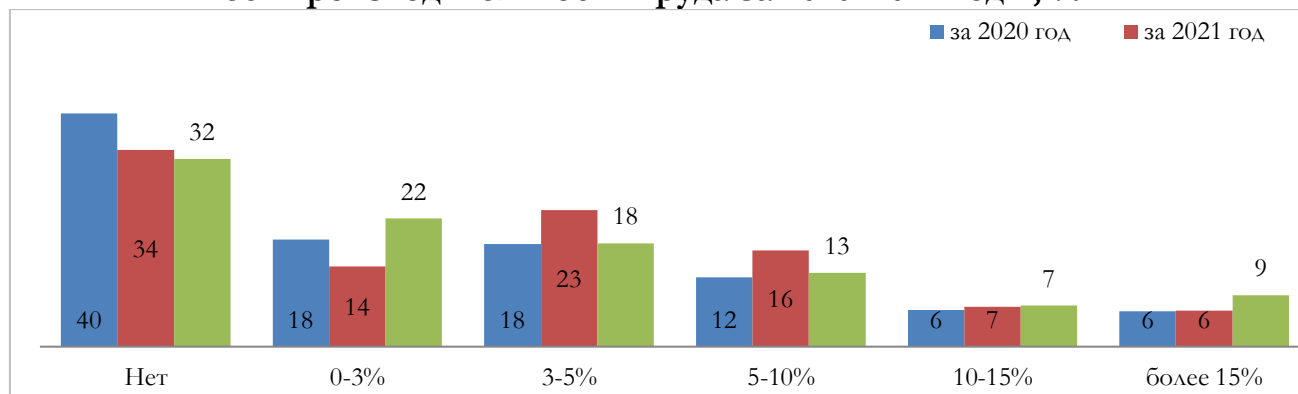
Несколько меньше стало организаций, которые вовсе не смогли в отчётный период нарастить производительность труда, – если в 2020 году отрицательный ответ дали 40% респондентов, то к 2022 году их доля сократилась до 32%.

Темпы роста производительности труда в большинстве случаев не превышали 5%. Причём в 22% организаций темпы роста составили до 3%.

При сравнении данных за 2021 и 2022 годы становится заметным некоторое смещение оценок в сторону интервала «от 0,1 до 3%» – его доля выросла в отчётный период примерно на 7 п.п.

По остальным интервалам оценки близки.

Рост производительности труда за 2020–2022 годы, %

Значения округлены до целого числа.

Субъекты МСП чаще крупных компаний выбирали вариант «нет», отвечая на вопрос, произошёл ли рост производительности труда за последний год. Разрыв между долями ответов достигает 14 п.п. в 2022 году.

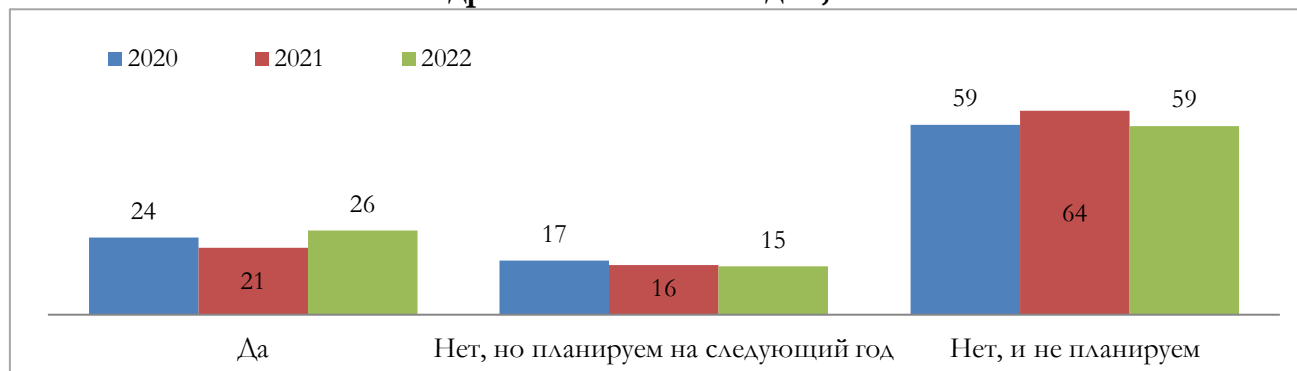
Начиная с 2021 года, компании с государственным участием стали наращивать производительность труда быстрее, чем независимые организации: порядка в 14% компаний с госучастием и в 2021, и в 2022 годах темп роста производительности труда составил более 15%.

Независимые организации чаще компаний с госучастием отвечали, что не смогли нарастить производительность труда в отчётный период.

Механизм независимой квалификации кадров использовали в 2022 году чуть более четверти опрошенных компаний. На следующий год процедуру оценки запланировали 15% компаний. Большинство – 59% организаций – не используют независимую оценку квалификации кадров и не планируют этого в будущем.

Распределение данных в 2020–2022 годах практически совпадает.

Использование механизма независимой оценки квалификации кадров в 2020–2022 годах, %

Значения округлены до целого числа

Крупные предприятия значительно чаще, чем компании-субъекты МСП, использовали механизм независимой оценки квалификации кадров – доля из года в год сохраняет значение порядка 30%, тогда как среди субъектов МСП утвердительный ответ дали около 15% участников опроса.

В начале пандемии почти все компании (94% из множества опрошенных) применяли в работе гибкие формы занятости, предусмотренные ТК РФ. В последние два года, благодаря кампании массовой вакцинации и использованию антиковидных мер на производстве, большинство организаций сумело восстановить организацию работы, существовавшую до 2020 года. Гибкие формы занятости теперь используют реже – об этом сообщили порядка 80% предприятий.

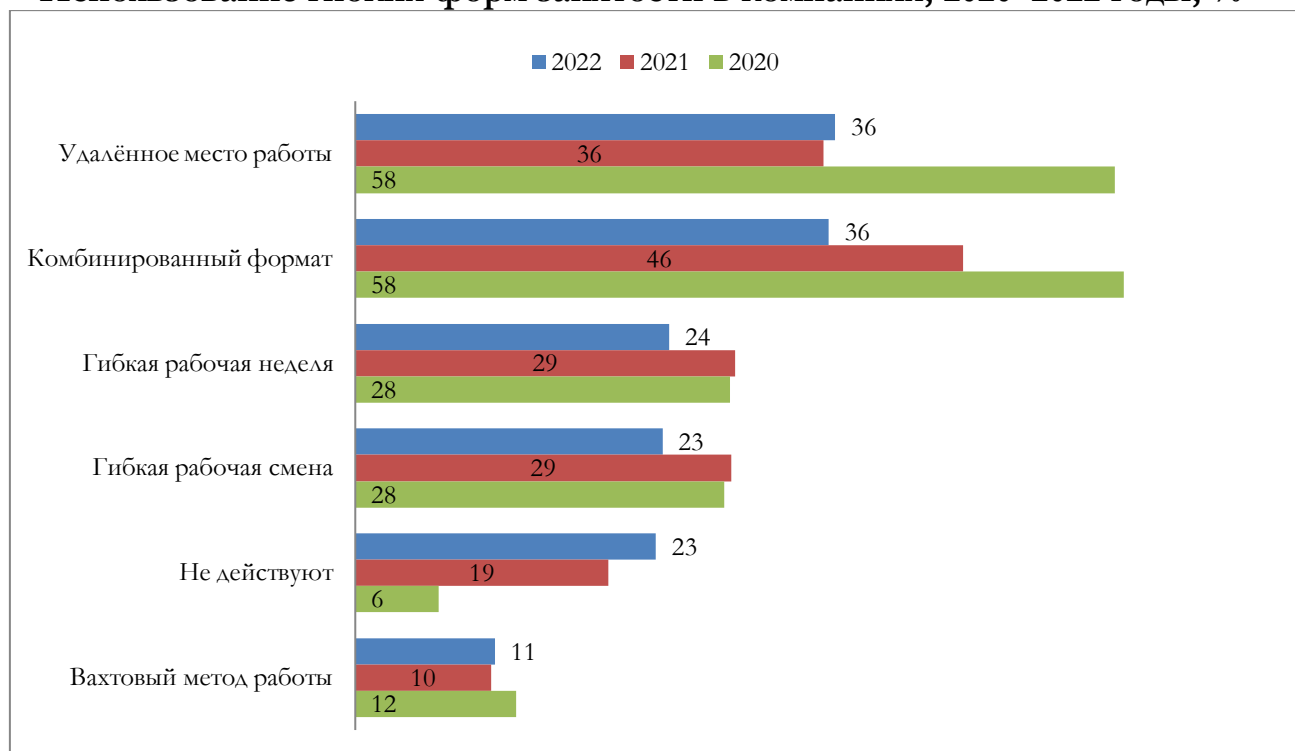
Треть компаний применяла в 2022 году удалённый режим работы, столько же компаний – комбинированный формат работы (сочетание очного и удалённого режима работы).

В ходе опроса мы задали респондентам дополнительный вопрос, сохранялся режим дистанционной занятости именно из-за дальнейшего распространения Covid-19. Положительный ответ дали 18,9% компаний. Около 5% участников сообщили, что удалённый режим они продолжали использовать по другим причинам. У 76% организаций в 2022 году потребности в дистанционной форме работы из-за распространения Covid-19 не было.

Возвращаясь к теме использования различных видов занятости, надо отметить, что около четверти компаний использовали гибкую рабочую смену

и/или гибкую рабочую неделю. Десятая часть предприятий отправляла своих работников на вахты.

Использование гибких форм занятости в компаниях, 2020–2022 годы, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общая доля не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

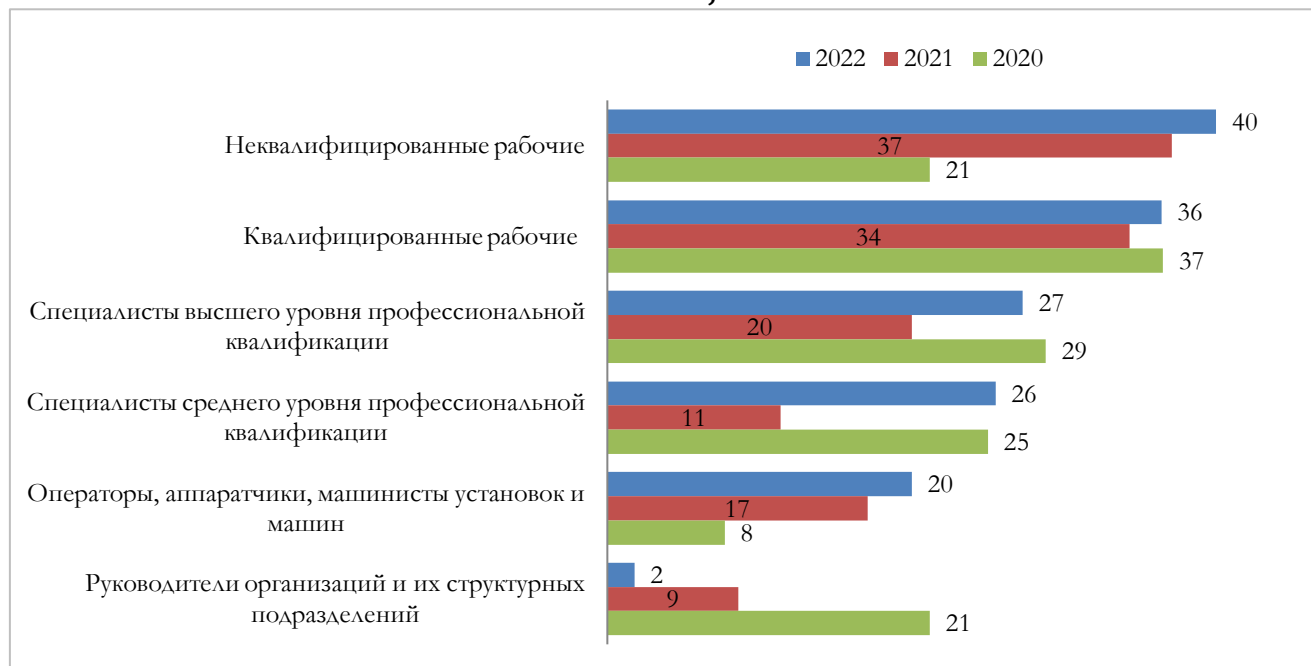
Коллективный договор заключён в 73,3% опрошенных организаций. Причём из группы субъектов МСП коллективные договора заключала с работниками примерно половина организаций, а среди крупных предприятий – более 80%.

В 92% компаний с государственным участием заключён коллективный договор с работниками. Разрыв с долей в группе независимых компаний составил около 30 п.п.

В заключении отраслевого соглашения по регулированию социально-трудовых отношений участвовали две трети компаний. Доля субъектов малого и среднего предпринимательства, указавших положительный ответ, составила 44,8%. В группе крупных организаций отраслевое соглашение было заключено 70,2% предприятий.

Отраслевое соглашение по регулированию социально-трудовых отношений действует в 85,1% компаний с госучастием. В группе независимых организаций участие в отраслевом соглашении менее распространено – среди них положительный ответ дали 55,6%.

Категории иностранных работников, занятые в 2020–2022 годах в компаниях, %

Доли категорий «нанятые иностранные работники» приводятся к числу компаний, ответивших на вопрос. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Четверть компаний привлекала в 2021 и 2022 годах кадры из-за рубежа. В 2020 году доля была несколько ниже – 18,7%.

Чаще всего компании нанимали иностранных рабочих – и квалифицированных, и неквалифицированных. Эти категории указали порядка 40% из множества предприятий, нанимавших работников из-за рубежа.

Иностранных специалистов высшей и средней квалификации привлекали около четверти организаций, а операторов и аппаратчиков – 20% компаний.

В десятой части компаний трудятся иностранные работники учёта, информации, обслуживания.

Менее 3% организаций ответили, что привлекали из-за рубежа руководящий состав. За два года сильно упала доля компаний, в которых руководящие посты занимают иностранцы, – в 2020 году она составляла более 20%. В то же время компании стали чаще нанимать иностранных операторов, аппаратчиков, а также неквалифицированных работников.

83,3% опрошенных компаний осуществляли в 2022 году расходы в сфере образования.

Главный приоритет по-прежнему – образовательные программы для сотрудников по профилю компании, включая программы повышения

квалификации. Эти программы финансировали 91,9% компаний из множества организаций, чей бюджет включал в себя расходы в сфере образования.

Почти две трети из них занимались организацией производственной практики для студентов профильных учреждений профессионального образования.

Иные статьи расходы были не столь часто упоминаемы, как первые два варианта. Четверть компаний вела в 2022 году расходы на развитие организаций профессионального образования (включая ремонт и приобретение зданий, оборудования, разработку программ профессионального обучения, повышения квалификации и др.).

Около 18,9% компаний направляли средства на разработку профессиональных стандартов. Примерно столько же организаций оплачивали обучение лиц, которые могли не иметь закреплённых в договоре обязательств по последующей работе в компании. 15% предприятий несли в 2022 году расходы на независимую оценку квалификации кадров.

Чуть более десятой части компаний финансировали образовательные программы для работников, не связанные с их сферой деятельности. 8,6% организаций предоставляли гранты преподавателям учреждений профессионального образования, оплачивали их стажировки и повышение квалификации.

Результаты опроса из года в год сохраняют преемственность. Единственное исключение – в 2021 году компании несколько реже были готовы направлять средства на организацию производственной практики для студентов профильных образовательных учреждений – доля отличалась примерно на 11 п.п. Однако в 2022 году всё вернулось на круги своя.

Расходы компаний в сфере образования, 2020–2022 годы, %

Данные по 2018 году уточнены. Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Улучшение условий труда на рабочих местах произошло в 84% опрошенных организаций.

Почти в 60% компаний провели специальную оценку условий труда (СОУТ), а затем реализовали меры, позволившие им улучшить условия труда на рабочих местах. Примерно столько же компаний реализовали комплекс мер по профилактике профзаболеваний и несчастных случаев на производстве. Почти в четверти организаций удалось снизить численность работников, занятых на работах с вредными и/или опасными условиями труда.

В 2021 году респонденты значимо реже финансировали мероприятия по улучшению условий труда. Также явно меньшая доля компаний занималась в 2021 году профилактикой профессиональных заболеваний и несчастных случаев. Доля отличается на 10 п.п. от значения, полученного в 2022 году.

Улучшение условий труда в компаниях, 2020–2022 годы, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общая доля не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Компании-субъекты малого и среднего предпринимательства несколько в меньшей степени, чем крупные предприятия, заинтересованы в улучшении условий труда на производстве. В 2022 году три четверти организаций из этой группы вели какую-либо деятельность, направленную на улучшение условий труда. Среди крупных компаний доля положительных ответов достигает 86,4%.

Инфраструктура для бизнеса

Для оценки состояния различных видов инфраструктуры в регионах компании использовали 7-балльную шкалу, где 1 балл – состояние очень плохое, 4 балла – среднее, 7 баллов – очень хорошее.

На диаграммах представлено сравнение данных, полученных в 2020–2022 годах.

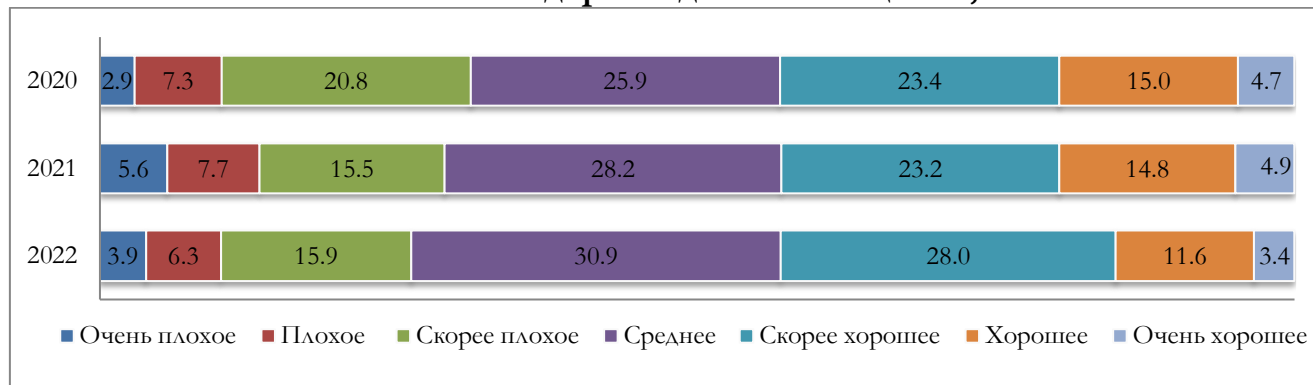
В целом, оценки компаний сохраняют преемственность – состояние инфраструктуры для бизнеса в эти три года было довольно устойчивым.

По сравнению с 2020 годом значительно улучшилось состояние электросетей. Несколько выше стали оценки работы железных дорог, систем водоснабжения и водоотведения. Среди финансовых услуг респонденты выделили положительную динамику состояния системы страхования, лизинга.

Самые высокие оценки участники опроса присвоили в отчётный период телекоммуникационной сфере (среднее значение составило 5 баллов), железным дорогам (среднее равно 4,9 балла), банковской системе и страховой системе (в этом случае также среднее значение достигло 4,9 балла).

Напротив, компании скорее недовольны состоянием биржевой инфраструктуры, портовой инфраструктуры. Также они видят проблемы с доступностью недвижимости и земли.

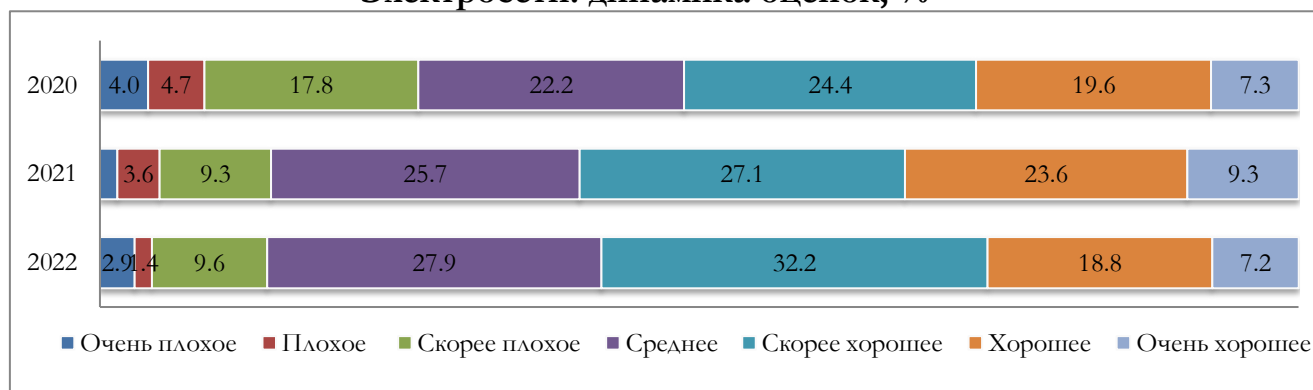
Автомобильные дороги: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

За три года оценки не изменились – в целом, они смещены к нейтрально-положительному интервалу. Почти 60% респондентов дали ответы «состояние автомобильных дорог среднее – скорее хорошее». Среднее значение составило в период с 2020 по 2022 год 4,2 балла.

Электросети: динамика оценок, %

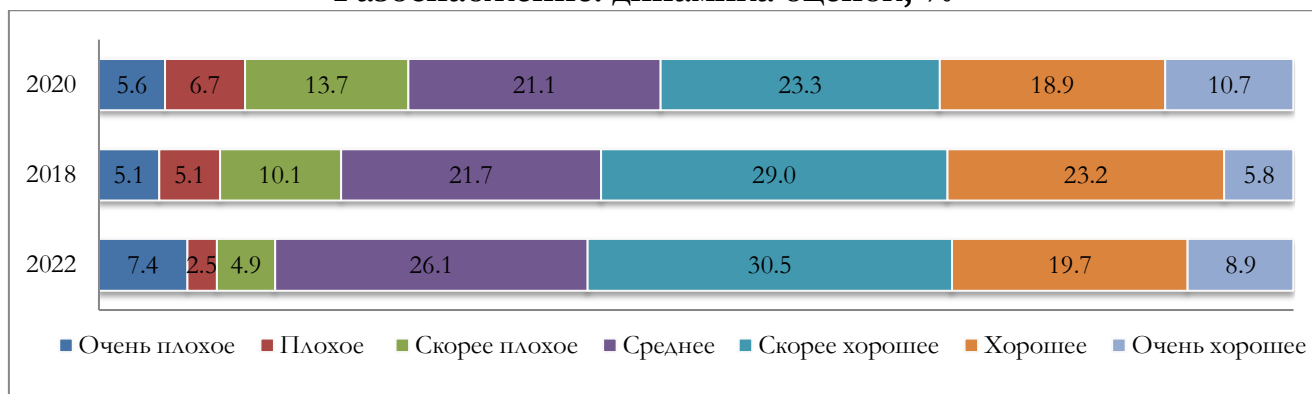
Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

По сравнению с 2020 годом оценки состояния электросетей в регионах улучшилось: доля ответа «скорее хорошее» прибавила 7,8 п.п.

Уже треть опрошенных указала этот вариант, а пятая часть компаний считает, что состояние электросетей можно назвать хорошим.

Средний балл равен 4,7 пункта в 2022 году. Два года назад он был равен 4,4 пункта.

Газоснабжение: динамика оценок, %

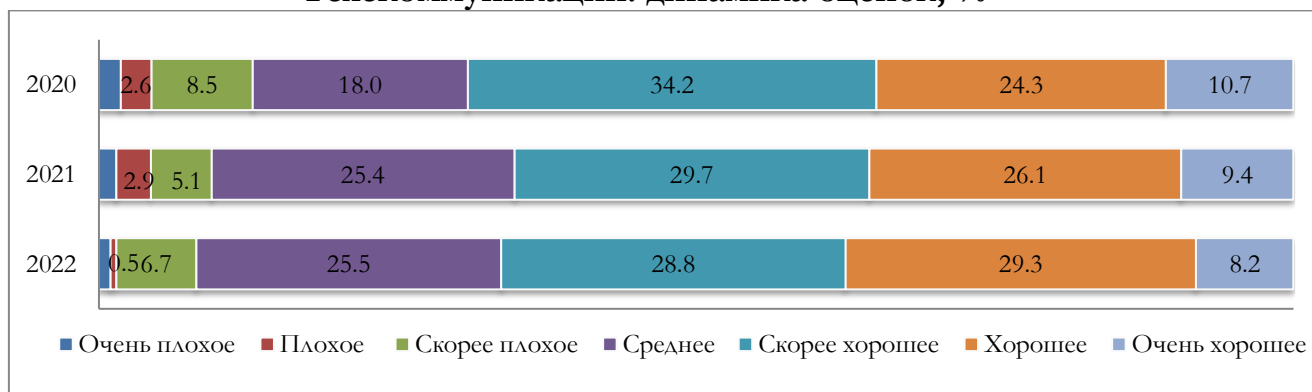

Оценки состояния газоснабжения очень похожи на распределение данных при оценке состояния электросетей. Среднее значение также составило 4,7 пункта.

Половина респондентов остановилась на ответах в интервале «скорее хорошее – хорошее».

За три года доля отрицательных оценок снизилась на 11,2 п.п.

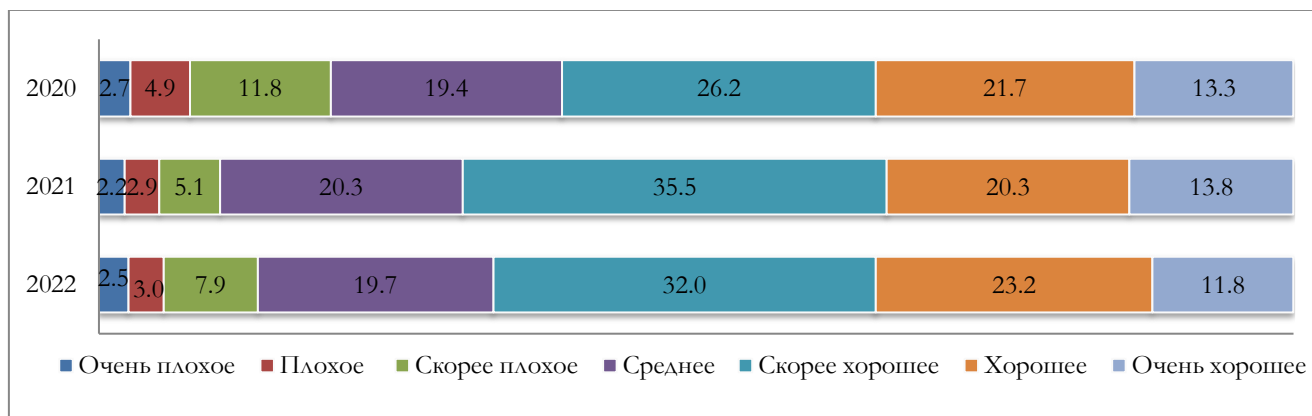
Телекоммуникации: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

Телекоммуникации обгоняют все остальные рассматриваемые виды инфраструктуры по доле положительных оценок, суммарно их доля достигла 66,3%. Самыми распространёнными ответами стали «состояние телекоммуникационной сферы – хорошее» и «скорее хорошее», их отметили около 30% участников опроса.

Железные дороги: динамика оценок, %

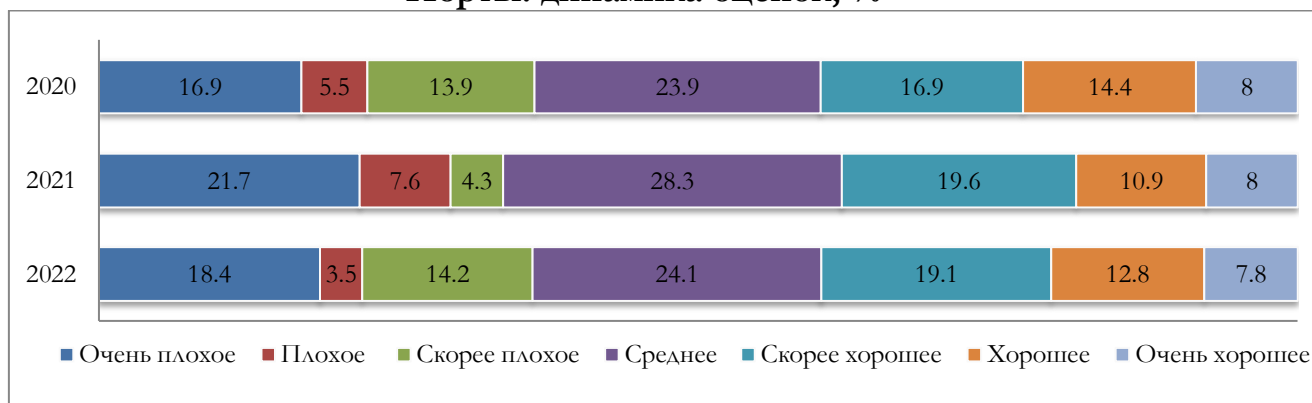
Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

Треть компаний уверена, что состояние железных дорог в регионах скорее хорошее, почти четверть организаций выбрали ответ «хорошее».

Средний балл равен в 2022 году 4,9 пункта.

Распределение данных выглядит во все годы похожим образом.

Порты: динамика оценок, %

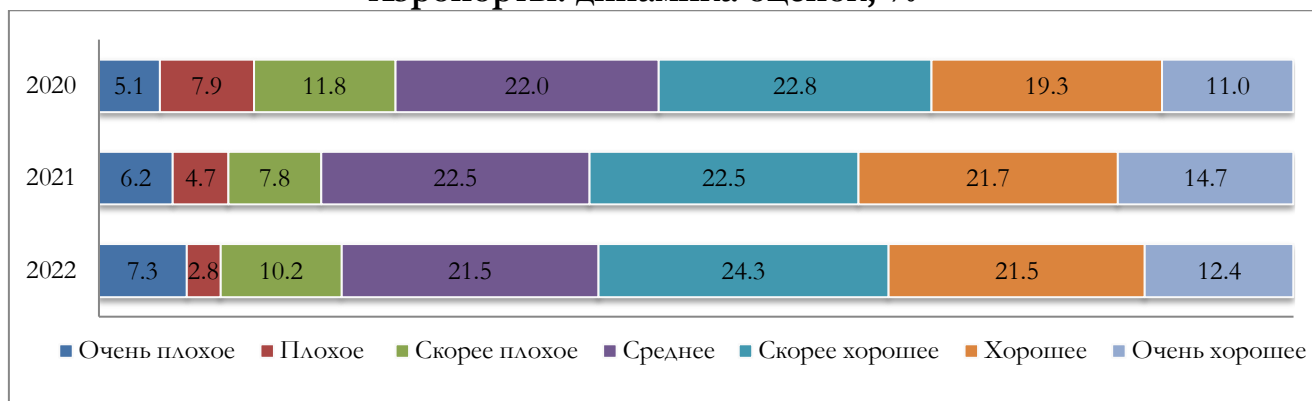
Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

Как и в 2021 году, качество портовой инфраструктуры не смогли оценить более трети компаний-участниц опроса.

18,4% респондентов остановились в отчётный период на крайне негативной оценке – «состояние портовой инфраструктуры – очень плохое». Оценки смещены в негативную сторону.

Среднее значение составило 3,9 балла.

Аэропорты: динамика оценок, %

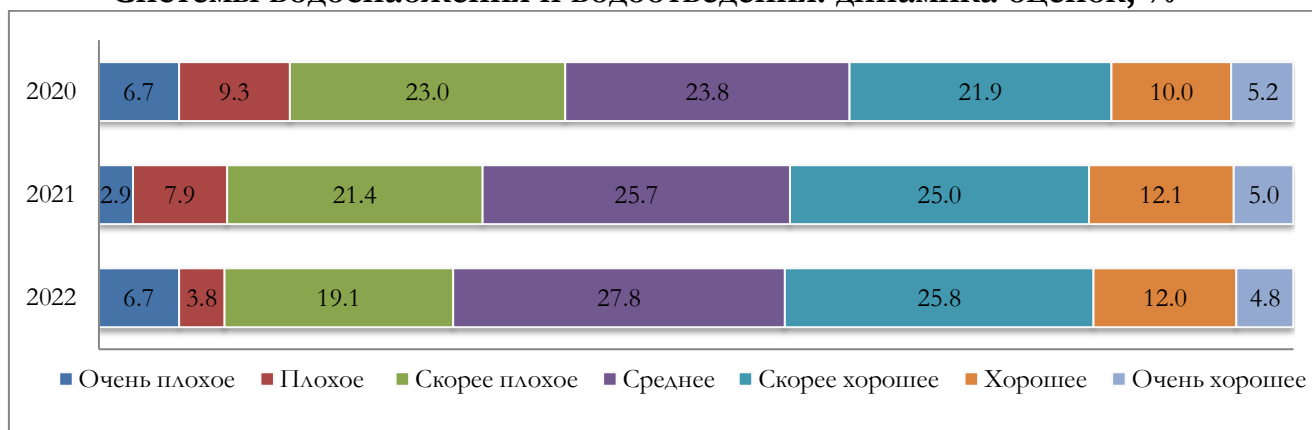

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

Большинство компаний разделилось в выборе на три группы – чуть более пятой части назвали состояние инфраструктуры аэропортов средним, 24,3% организаций выбрали ответ «скорее хорошее», и 21,5% опрошенных считают, что состояние хорошее.

Средний балл равен 4,7 пункта в 2022 году.

Системы водоснабжения и водоотведения: динамика оценок, %

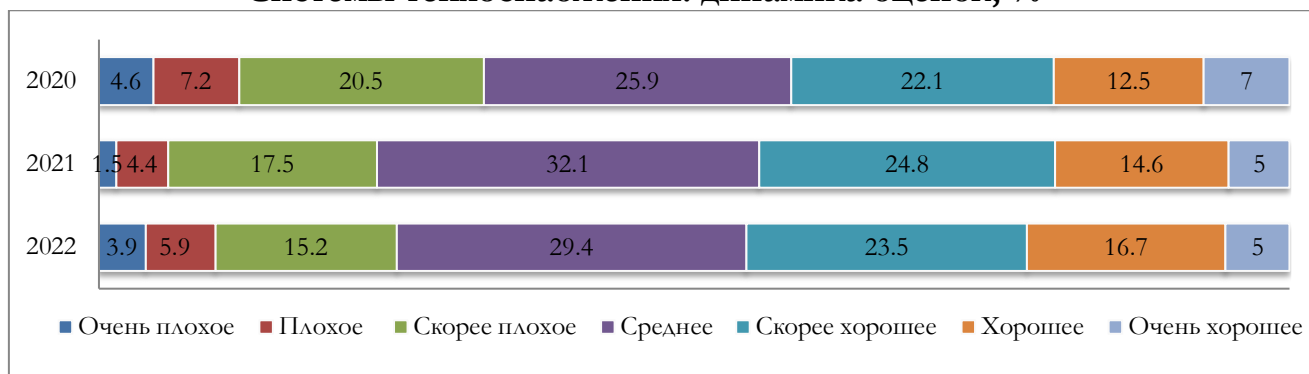
Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

Респонденты стали реже выбирать оценки из негативной зоны – доля ответов в интервале «состояние систем водоснабжения очень плохое – скорее плохое» сократилась с 2020 года на 9,4 п.п.

Более половины компаний оценили состояние этого вида инфраструктуры как среднее или скорее хорошее.

Среднее значение – 4,2 балла.

Системы теплоснабжения: динамика оценок, %

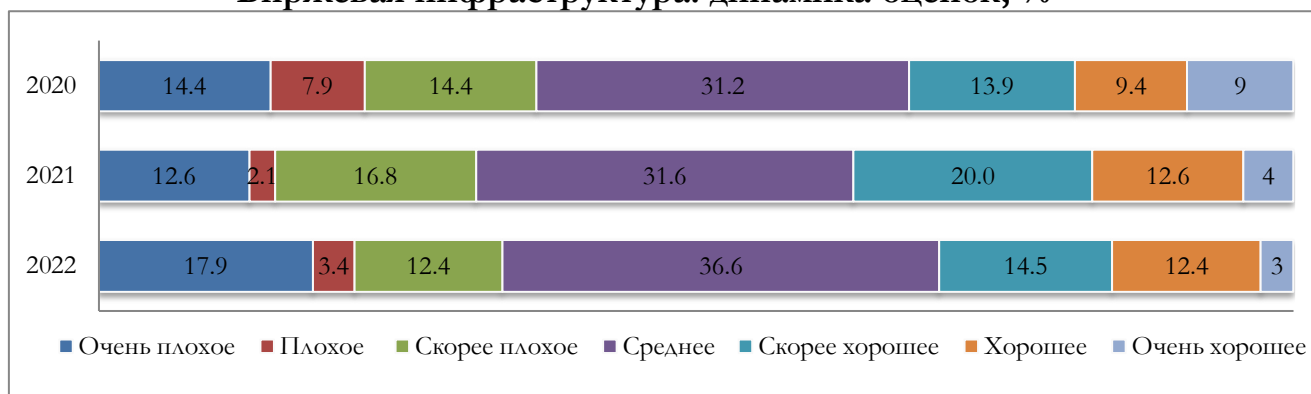

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

Оценки систем теплоснабжения в 2022 году почти совпадают с оценками систем теплоснабжения, хотя доля варианта «состояние этого вида инфраструктуры хорошее» чуть выше – на 4,7 п.п., за счёт чего средний балл составил уже 4,3 пункта.

По сравнению с 2021 годом, оценки изменились мало, а если сравнивать с данными за 2020 год, участники опроса стали реже выбирать негативные варианты ответа.

Биржевая инфраструктура: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

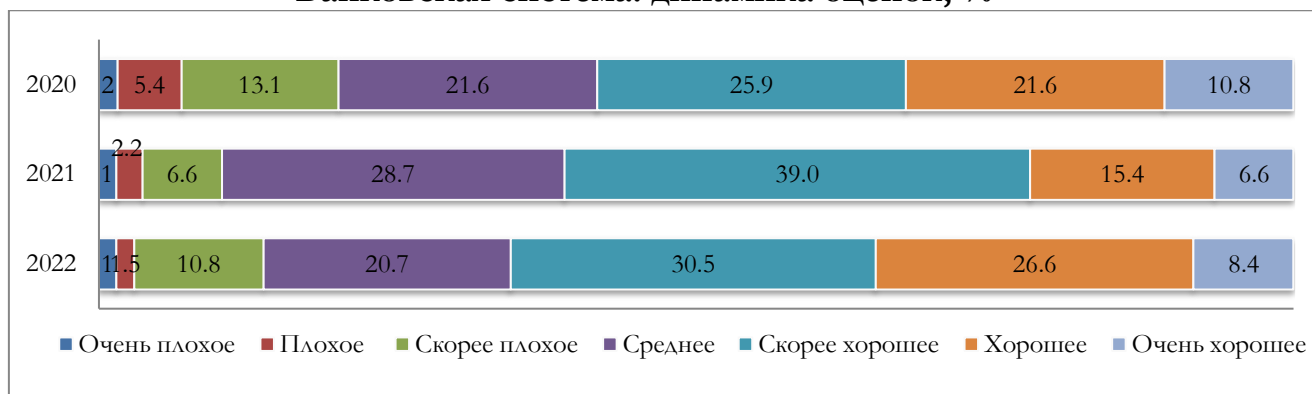
35% представителей бизнеса оставили вопрос о качестве биржевой инфраструктуры без ответа, и ровно столько же отказов было и в 2020-2021 годах.

Треть участников опроса остановились на ответах «состояние биржи очень плохое – скорее плохое». И 36,6% компаний уверены, что качество этого вида инфраструктуры – среднее.

По сравнению с оценками, полученными в 2020-2021 годах, респонденты стали чаще отмечать крайне негативный вариант ответа – его доля выросла примерно на 5 п.п.

В итоге, среднее значение составило 3,7 балла, и это минимальный результат при сравнении различных видов инфраструктуры между собой.

Банковская система: динамика оценок, %

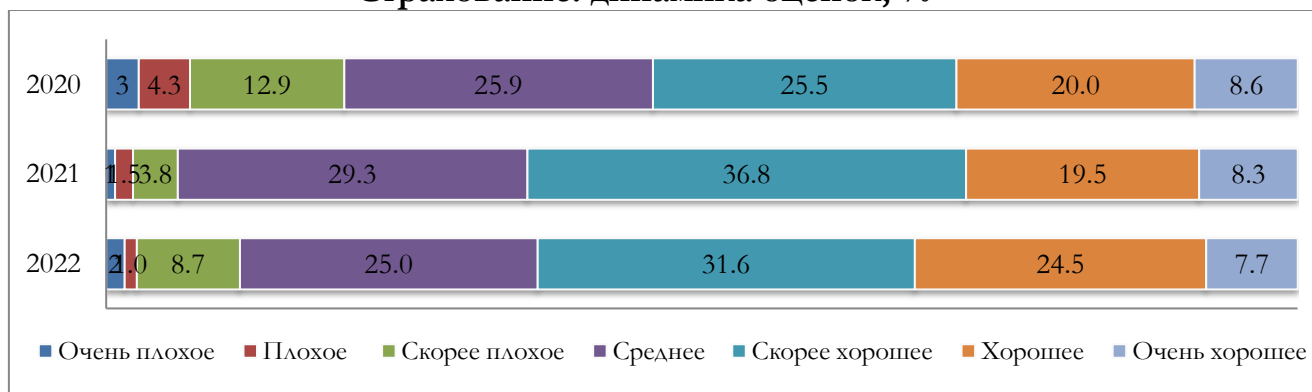

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

Более двух третей опрошенных оценили банковскую систему в России высоко, и за отчётный период оценки респондентов оказались перераспределены в пользу ответа «состояние банковской системы хорошее» вместо «скорее хорошее», который лидировал в 2021 год с долей 39%.

Средний балл равен 4,9 пункта, он подрос за год на 0,2 пункта.

Страхование: динамика оценок, %

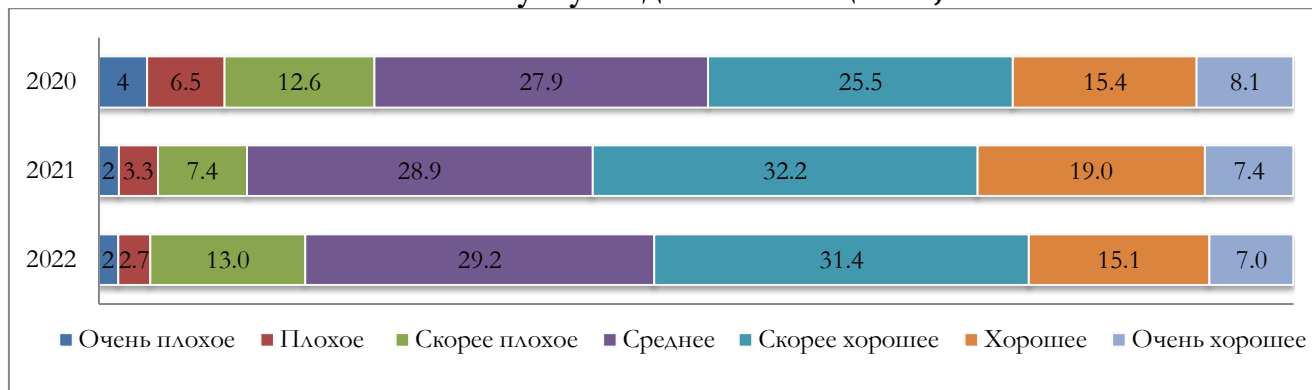
Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

Тем, как работает система страхования в России, участники опроса также скорее довольны: и в этом случае большинство компаний – 63,8% – остановились на ответах из положительной зоны.

Доля оценок «состояние системы страхования очень плохое – скорее плохое» сократилась по сравнению с 2020 годом на 9 п.п.

Среднее значение составило 4,9 балла.

Лизинговые услуги: динамика оценок, %

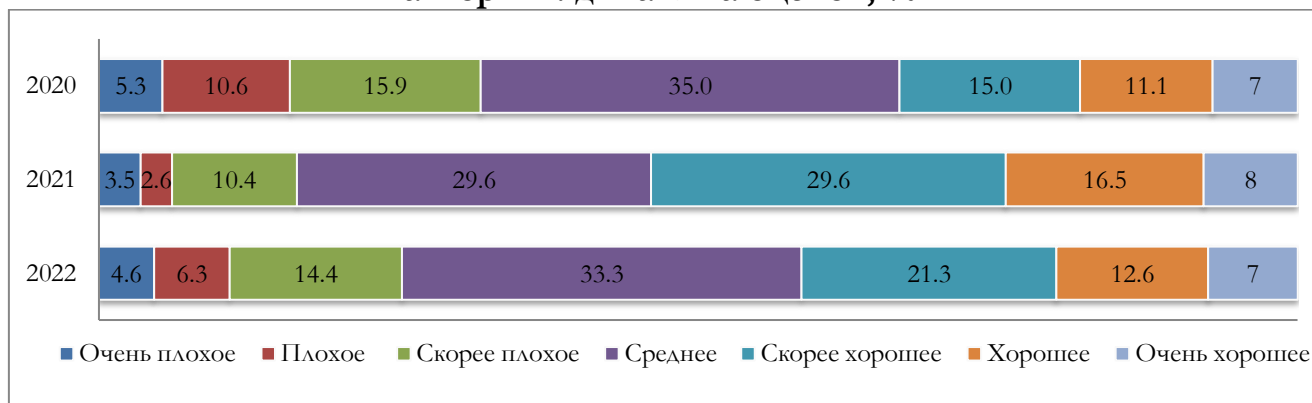
Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

Состояние рынка лизинговых услуг 60% компаний назвали средним или скорее хорошим.

Средний балл, который поставили респонденты, равен 4,6 пункта.

В целом, оценки, полученные в 2022 году, больше напоминают распределение данных за 2020 год.

Факторинг: динамика оценок, %

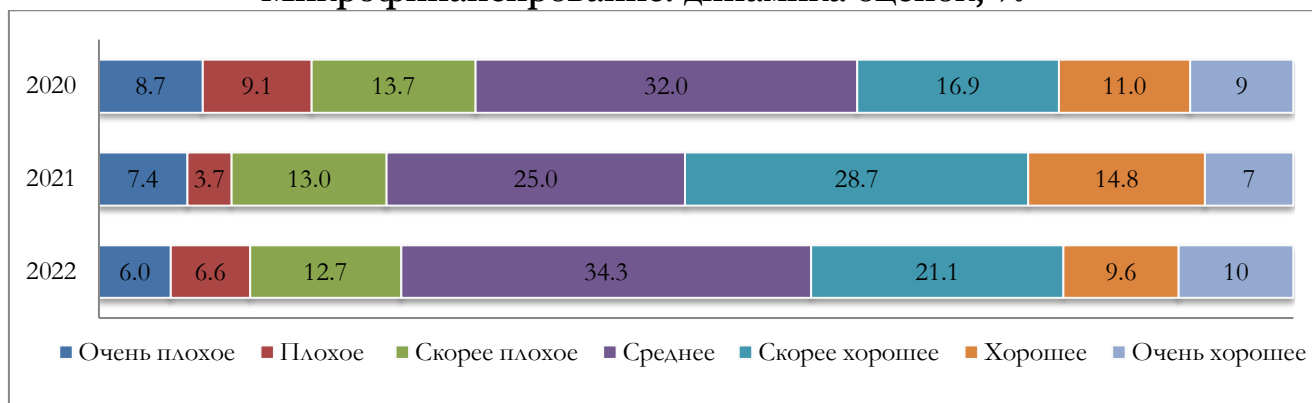
Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

Пятая часть компаний пропустила вопрос, каково состояние рынка услуг факторинга в России.

Треть участников опроса считает, что состояние этого вида инфраструктуры – среднее. 21,3% респондентов остановились на ответе «скорее хорошее».

Среднее значение составило в 2022 году 4,3 пункта, оно снизилось за год на 0,3 пункта из-за сокращения доли положительных ответов.

Микрофинансирование: динамика оценок, %

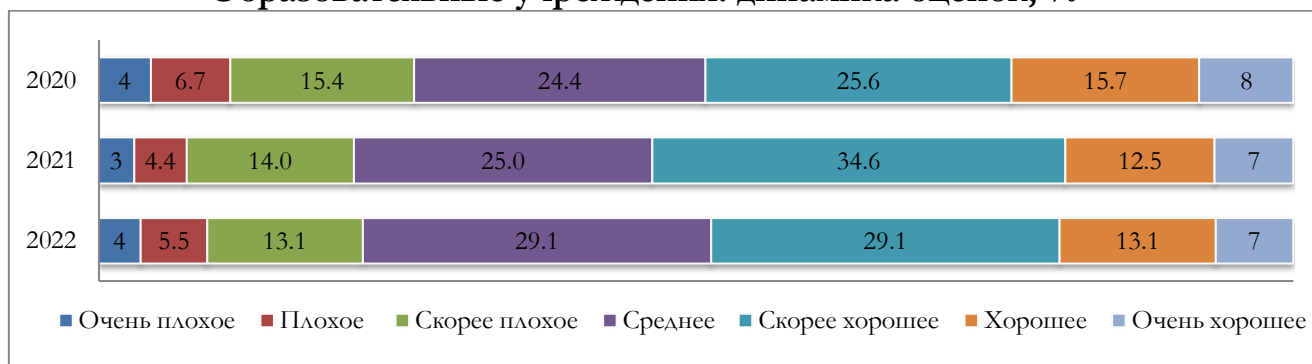
Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

Рынок услуг микрофинансирования оказалась не готова оценить четверть представителей бизнеса.

Снова около трети опрошенных выбрали вариант «состояние микрофинансирования – среднее».

За год компании стали реже выбирать ответы из положительной зоны оценки, и среднее значение оказалось ниже на 0,2 пункта.

Образовательные учреждения: динамика оценок, %

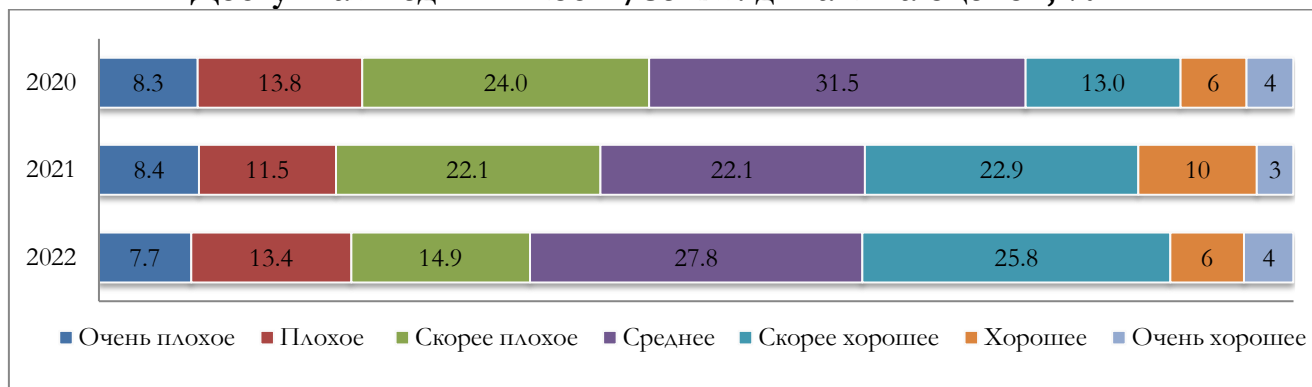
Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

Оценки образовательной сферы выглядят очень похоже на результаты, полученные в 2020 году.

В основном, компании выбирали ответы «состояние образования в разрезе нужд бизнеса среднее – скорее хорошее».

Средний балл составил в 2022 году 4,4 пункта, и он фактически в рассматриваемый период не менялся.

Доступная недвижимость/земля: динамика оценок, %

Из сравнения исключён вариант «Нет ответа»

Среднее значение оценок доступности недвижимости и земли в отчётный период – 3,9 пункта.

Хотя около четверти респондентов поставили нейтральные и положительные оценки этому виду инфраструктуры, доля отрицательных оценок всё ещё высока и составляет 36%. Правда, в 2020 году она была значимо выше – на 9 п.п.

Возможно, ситуация с доступностью недвижимости и земли начинает постепенно меняться к лучшему.

Представители крупного бизнеса в 2022 году значимо лучше, чем организации-субъекты малого и среднего предпринимательства оценили состояние электросетей, газоснабжения, аэропортовой инфраструктуры. Также они в большей степени довольны тем, как работает в стране банковская система.

Если из субъектов МСП 18,6% респондентов заявили, что состояние банковской системы – скорее плохое, то среди крупных компаний с этим согласились только 6,8% опрошенных. Для крупного бизнеса более характерно выбирать ответы в интервале «состояние этого вида инфраструктуры хорошее – очень хорошее».

Экспортная деятельность российских компаний и импортозамещение

В 2022 году экспортные операции вели 40,1% опрошенных компаний. Доля изменилась за год незначительно и статистически незначимо – в 2021 году она составляла 43%.

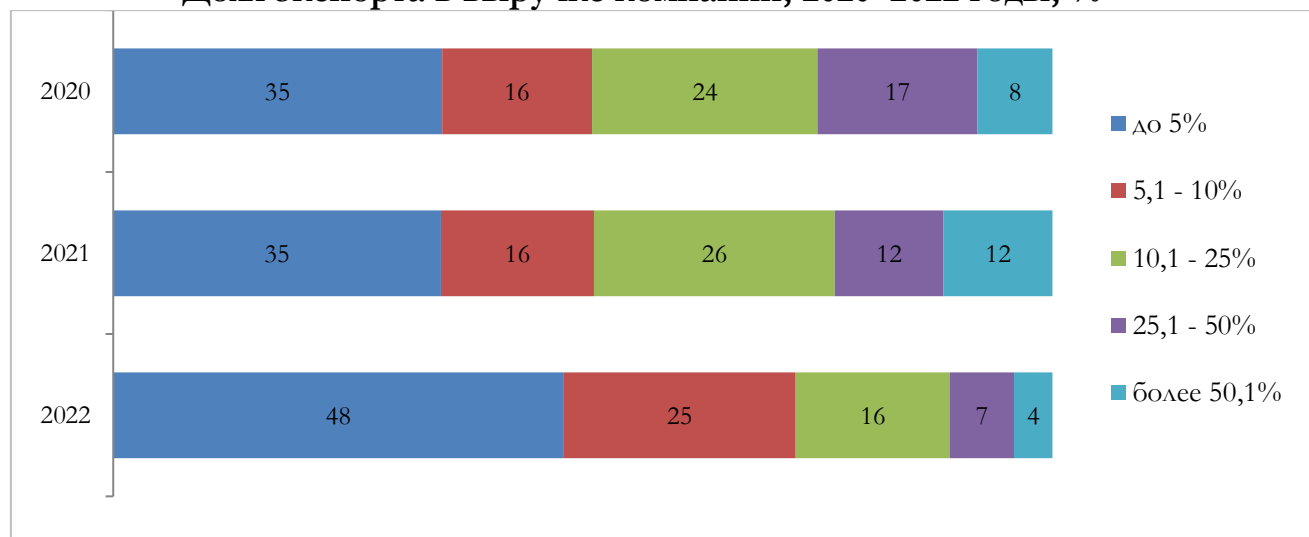
Менее 20% опрошенных субъектов МСП занимались экспортной деятельностью; среди крупных предприятий доля экспортёров составила 49,1% (правда, по сравнению с данными 2021 года она снизилась примерно на 10 п.п.).

В основном, организации, принявшие участие в опросе, осуществляли поставки несырьевой продукции – более 80% из множества экспортёров ответили именно так.

Среднее значение доли экспорта в выручке компаний, поставляющих за рубеж несырьевую продукцию, снизилось за отчётный год с 19 п.п. до 14 п.п. В 2020 году оно было ещё выше – 21,4 п.п.

Медианное значение в 2022 году равно 7,5%. В 2020-2021 годах оно находилось на уровне 10%.

Доля экспорта в выручке компаний, 2020–2022 годы, %

Приведены данные по экспорту несырьевой продукции. Значения округлены до целого числа.

У 48% компаний, поставляющих за рубеж несырьевую продукцию, экспорт составлял в 2022 году до 5% выручки. Четверть организаций ответила, что их экспортные доходы были от 5,1% до 10% выручки.

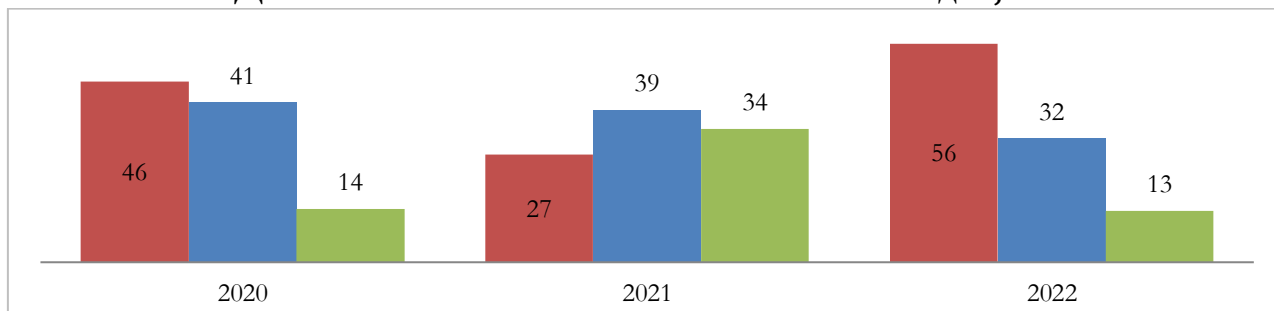
В 2020-2021 годах оценки были смещены в сторону более высоких значений – у половины компаний доля экспорта превышала 10,1% в выручке, причём около десятой части организаций получали от экспорта более 50,1% всей выручки. В отчётный год только 4% респондентов отметили этот интервал.

Кризис 2020 года сильно повлиял на экспортные показатели компаний: тогда 46% экспортёров пришлось сократить объёмы поставок; нарастить поставки удалось только 13,5% организаций.

В 2021 году произошло значимое улучшение ситуации, и треть участников опроса сообщила, что объём поставок за рубеж у них вырос.

Изменение геополитических и экономических условий, произошедшее в 2022 году, ударило по экспорту ещё в большей степени, чем это случилось в начало пандемии: объёмы экспорта сократились в отчётный период у 56% компаний.

Динамика объёма поставок в 2020–2022 годах, %

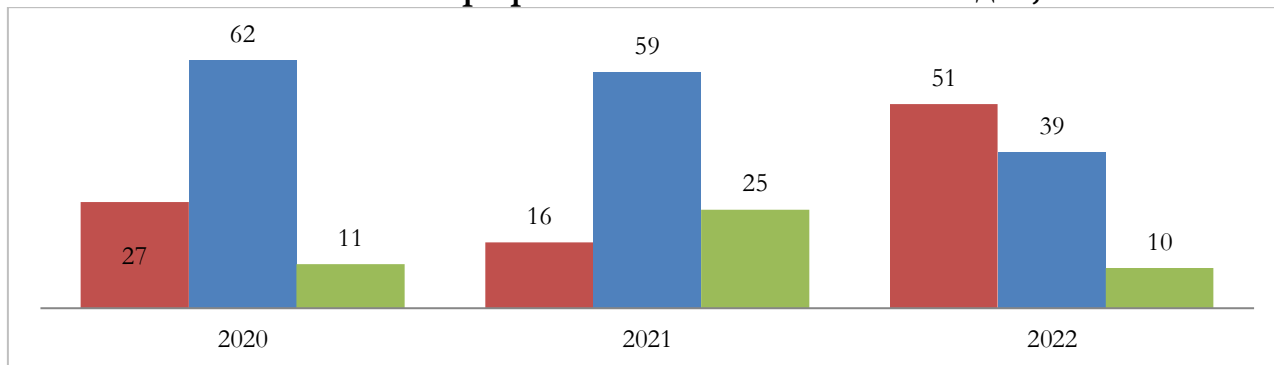

В 2020–2021 годах список стран, куда компании поставляли свою продукцию, оставался в большинстве случаев без изменений. Около 60% в оба года указали именно этот вариант.

В 2020 году о сокращении географии поставок заявили чуть более четверти организаций-экспортёров, а год спустя – наоборот, именно столько же компаний отметили, что они смогли расширить список стран для поставок.

Последний – 2022 год – оказался и с этой точки зрения очень сложным для компаний: география поставок сократилась у половины экспортёров, и примерно у 40% компаний список стран остался прежним. Десятая часть компаний сумела расширить свои каналы поставки.

Изменение географии поставок в 2020–2022 годах, %

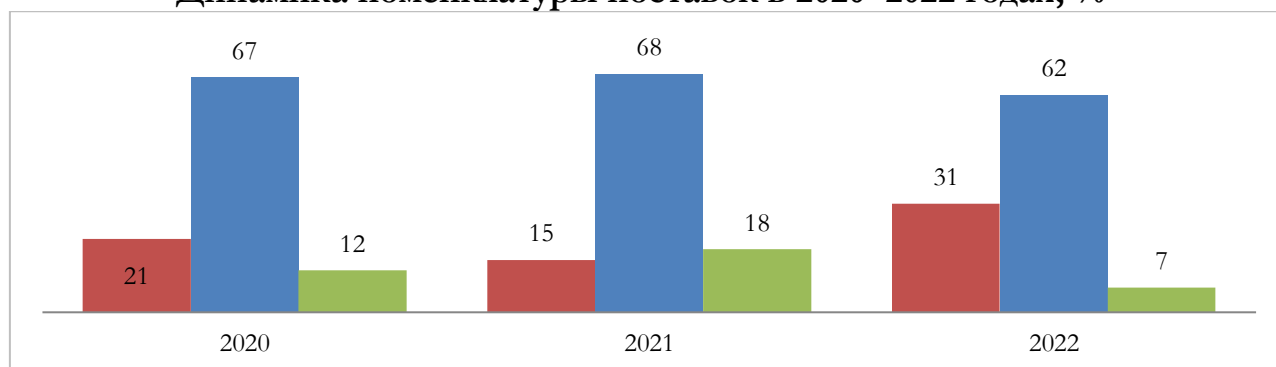

Значения округлены до целого числа.

Наиболее устойчивым экспортным показателем оказался «перечень поставляемой продукции». Две трети опрошенных компаний-экспортёров отвечали в течение последних лет, что номенклатура продукции на экспорт оставалась без изменений.

Правда, в 2022 году уже трети компаний пришлось сократить перечень поставляемой продукции, раньше – в кризис 2020 года об этом сообщила пятая часть организаций, а в 2021 году только 15% экспортёров.

Динамика номенклатуры поставок в 2020–2022 годах, %

Значения округлены до целого числа.

Если говорить о последствиях ограничений на импорт, введенных в 2022 году, то самым острым для компаний стал вопрос доступности и импортозамещения нового оборудования. Критически необходимо замещение продукции в этой категории у 38% предприятий; выше среднего потребность в поставках импортозамещающего оборудования – у 16%. Вариант «потребность средняя» указала четверть респондентов.

В области закупки комплектующих и материалов вопрос критически стоит для трети опрошенных компаний. По вариантам «потребность выше среднего» и «потребность средняя» доли совпадают со значениями, полученными при оценке необходимости в импортозамещении оборудования.

Пятой части предприятий критически необходимо импортозамещение в области материалов; 10% компаний указали ответ «потребность в импортозамещении материалов выше среднего». Треть участников опроса остановилась на том, что потребность в замещении существует, но её можно назвать средней. Для 27% компаний вопрос о замещении материалов не актуален.

Сырьё остаётся относительно доступным, с импортозамещением по этой категории не возникает вопросов почти в половине опрошенных предприятий.

Следующим по популярности ответом стал «потребность в замещении сырья средняя», набравший 25%.

Импортозамещение: актуальность для компаний в 2022 году, %

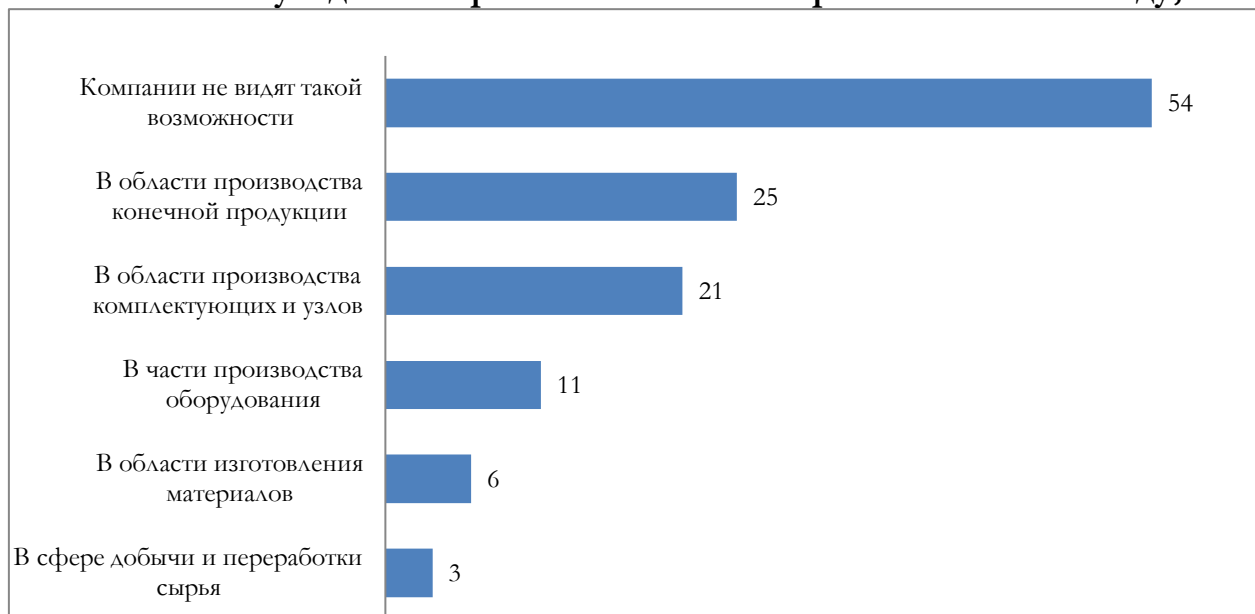

Значения округлены до целого числа.

Крупные компании чаще субъектов МСП отвечали, что им критически необходимо импортозамещение при поставке материалов, а также комплектующих и узлов.

При этом большинство компаний – 53,6% – не видит для себя возможностей занять освободившиеся конкурентные ниши после ухода иностранных компаний с рынка РФ. Четверть организаций ответила, что их интересует возможность заместить производство конечной продукции, а 20,8% опрошенных компаний хотели бы претендовать на освободившиеся доли рынка в области производства комплектующих, узлов. Десятая часть респондентов указала вариант «интересует возможности производства оборудования». Расширить свою долю рынка в области изготовления материалов хотели бы 6% компаний, а в области добычи и замещения сырья – только 3,3% организаций.

Импортозамещение: готовность занять освободившиеся конкурентные ниши после ухода иностранных компаний с рынка РФ в 2022 году, %

Значения округлены до целого числа.

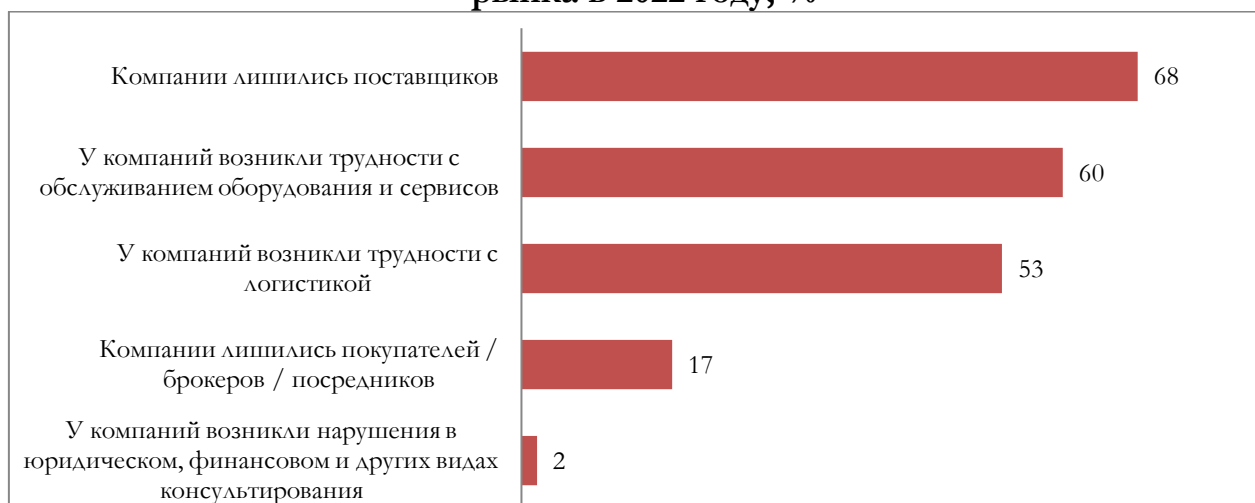
По мнению 30,6% компаний, уход иностранных компаний из РФ никак не повлиял на их деятельность. Десятая часть респондентов уверена в положительных последствиях для рынка и для них самих. 9,1% организаций видят и положительные, и негативные изменения, произошедшие после ухода иностранных компаний с российского рынка. Половина опрошенных предприятий считает, что все последствия носят негативный характер.

Участники опроса также могли уточнить, какие именно негативные и какие позитивные последствия были от ухода иностранных производителей.

Среди негативных последствий респонденты особенно выделили, что компании лишились поставщиков (доля варианта 68,3%), что у них возникли трудности с обслуживанием оборудования и сервисов (доля 60%) и что в 2022 году возникли трудности с логистикой (доля 53,3%).

17% организаций лишились покупателей, брокеров и посредников, и только у 2% предприятий возникли нарушения в юридическом, финансовом и других видах консультирования.

Негативные последствия ухода иностранных компаний с российского рынка в 2022 году, %

Значения округлены до целого числа.

Главным положительным последствием ухода иностранных производителей порядка 60% отечественных компаний назвали факт снижения конкуренции.

По словам трети предприятий, им удалось организовать замещающее производство, и именно это сказалось положительно на их работу. Примерно в два раза реже участники опроса компании указывали, что благодаря уходу иностранных компаний на рынке труда появились квалифицированные кадры и освободились производственные площади.

5% организаций удалось приобрести бизнес ушедших иностранных производителей.

Позитивные последствия ухода иностранных компаний с российского рынка в 2022 году, %

Значения округлены до целого числа.

Две трети опрошенных организаций столкнулись во время реализации стратегии импортозамещения в области оборудования с тем, что либо российские аналоги отсутствуют на рынке в принципе, либо они уступают по качественным характеристикам.

В случае оценки проблем, связанных с поиском импортозамещающего сырья и комплектующих, на первое место вышла проблема именно качества аналогов. На отсутствие аналогов в области сырья и комплектующих в принципе пожаловалась меньшая доля компаний – 48,1%.

Порядка 28% респондентов указали на то, что нет единого каталога товаров российского производства; отсутствует система сопоставимости по качественным характеристикам.

По словам примерно четверти опрошенных, в случае закупки оборудования информация о российских аналогах разрознена, её приходится искать в различных источниках – на большом числе различных сайтов, нескоординированных между собой. И это касается и поиска нужного оборудования, и сырья, и комплектующих.

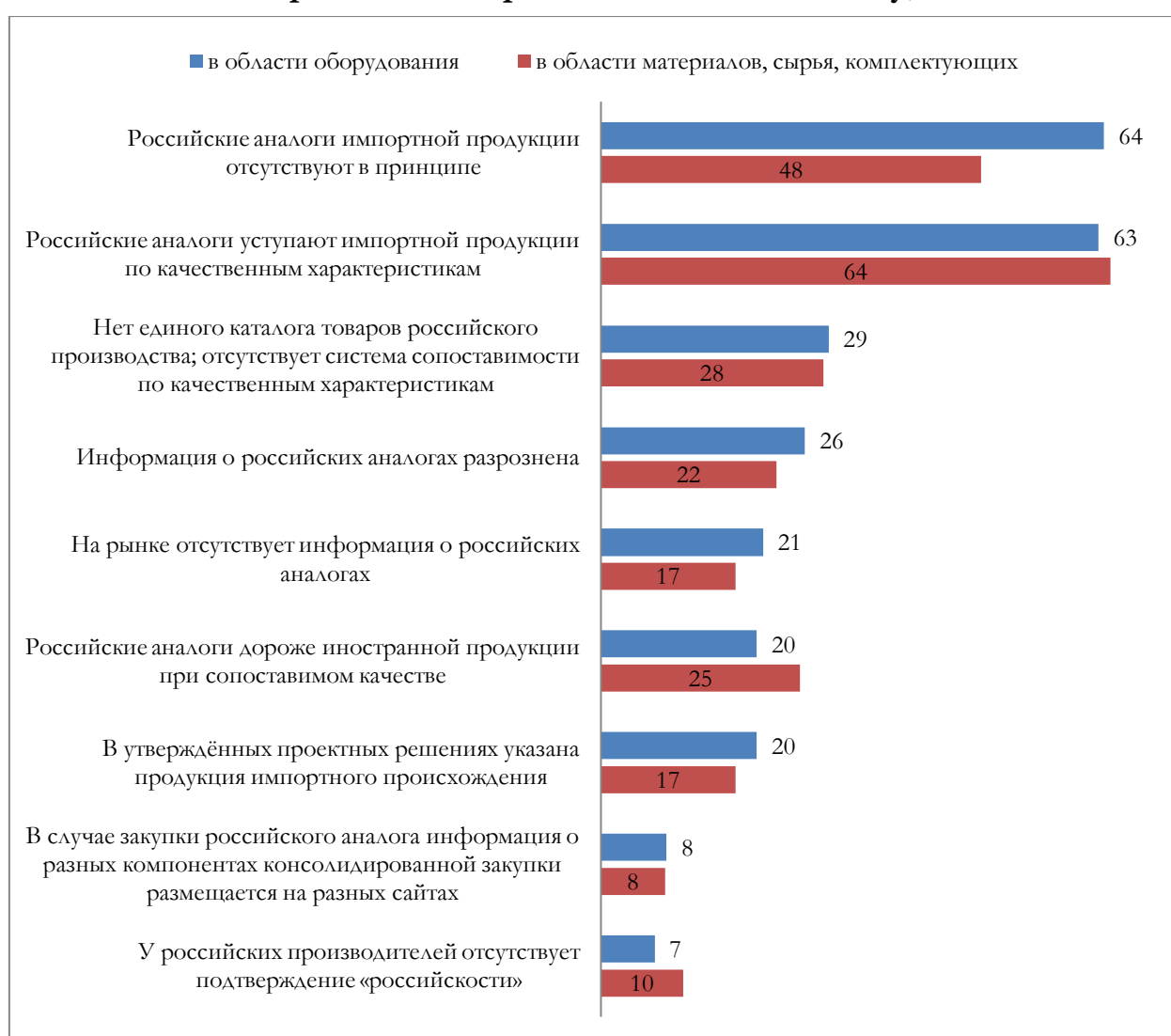
Чуть меньше компаний – около 20% – столкнулись с тем, что информации о российских аналогах на рынке нет вовсе.

Столько же организаций ограничены в поиске и закупке российских аналогов тем, что в утверждённых проектных решениях непосредственно указаны импортное оборудование/сырьё/комплектующие, либо имеются ссылки и требования на зарубежные стандарты.

Ценовой фактор мешал в поиске импортозамещающего оборудования пятой части компаний; а в случае попытки закупить российские аналоги сырья и комплектующих уже четверть компаний была недовольна ценовым предложением при сопоставимом качестве продукции.

Менее десятой части опрошенных отметили две проблемы: «информация о разных компонентах консолидированной закупки зачастую размещается на разных сайтах» и «что у отечественных производителей зачастую отсутствует подтверждение «российского происхождения продукции».

Проблемы, с которыми столкнулись компании при реализации стратегии импортозамещения в 2022 году, %

Значения округлены до целого числа

Инновационная деятельность и цифровизация

Четверть представителей бизнеса, принявших участие в опросе, уверена, в их компаниях нет особых препятствий для инноваций. Такую же долю составил этот ответ в 2021 году, а в кризисный, 2020 год, с этим согласилась ровно пятая часть опрошенных.

Главная помеха при внедрении инноваций – недостаток собственных финансовых средств, по словам 51,9% респондентов.

Треть организаций видит основное ограничение в нехватке квалифицированных работников и специалистов: получается, дефицит кадров, который остаётся ключевой проблемой для российских компаний в целом, не может не сказываться и на инновационном развитии предприятий.

Усиление санкционного давления (в том числе новые ограничения на поставку технологий), произошедшее в 2022 году, помешало во внедрении и разработке инноваций сразу 24,5% опрошенных организаций.

Пятая часть компаний назвала среди основных препятствий низкую предсказуемость хозяйственной деятельности. Примерно столько же предприятий считает, что на рынке отсутствуют нужные технологические решения.

17,8% компаний не хватило в 2022 году государственной поддержки инноваций на федеральном уровне (и 14% участников сообщили, что им было необходимо для внедрения инноваций больше поддержки на региональном уровне или местном уровне).

С трудностями в привлечении кредитных средств столкнулись во время инновационной деятельности 16,8% предприятий. О недостаточности применяемых мер налогового стимулирования инноваций сообщили почти столько респондентов – 16,3%.

На низкое качество и/или высокую стоимость услуг российских научных и конструкторских организаций пожаловались 14,9% опрошенных организаций.

Около десятой части компаний отметили другие возможные ограничения: недостаток информации о научных организациях и передовых российских разработках; трудности в получении качественных инжиниринговых услуг; трудности с обеспечением необходимого качества поставок; административные барьеры при согласовании проектной документации; неразвитую инновационную инфраструктуру.

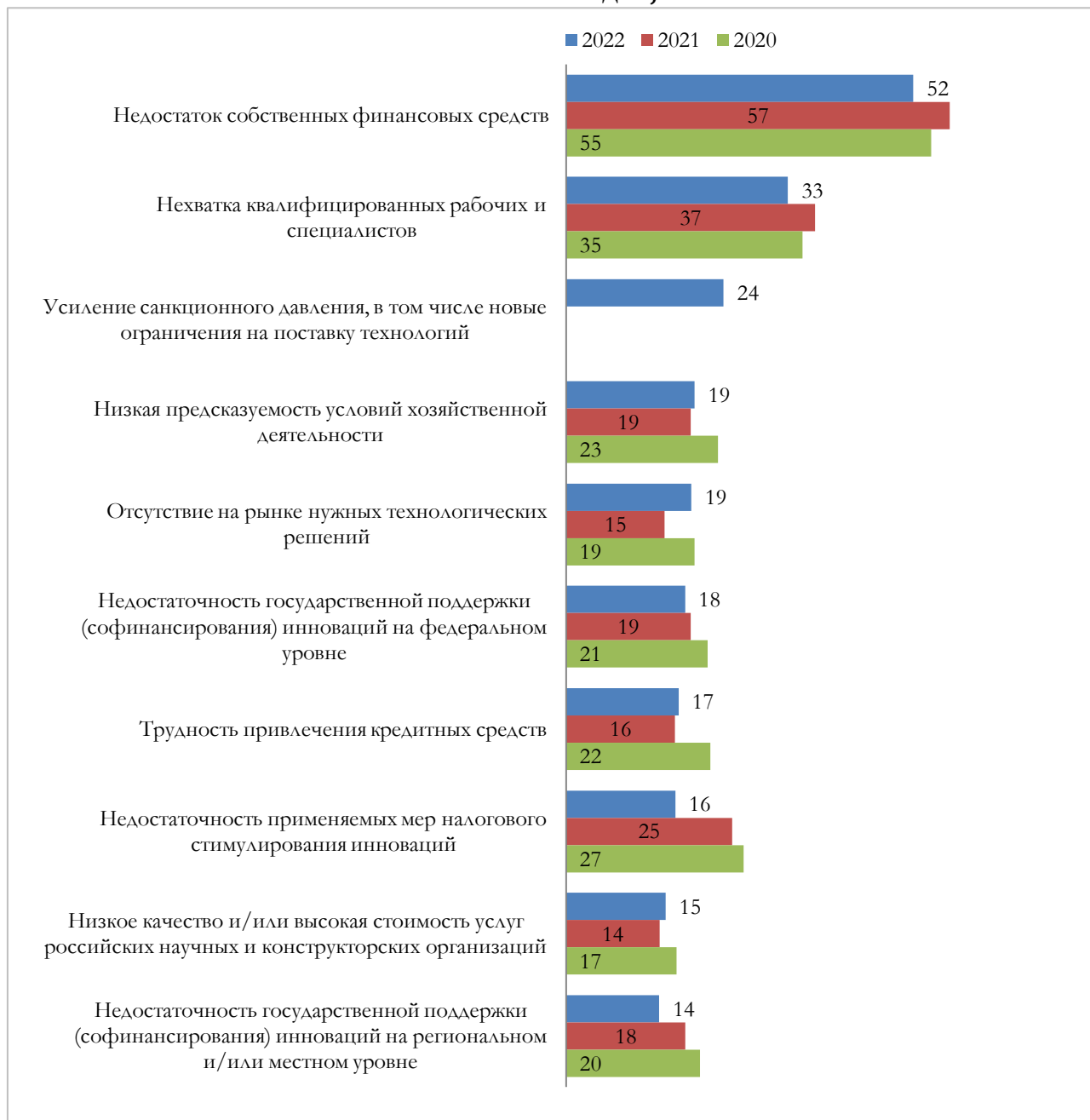
Только один участник опроса заявил, что собственники компании сами по себе не заинтересованы в инновациях.

В целом, данные сохраняют преемственность из года в год. В 2022 году компании стали существенно реже отвечать, что существующие налоговые меры стимулирования инноваций недостаточны, – доля варианта снизилась по сравнению с данными за 2020-2021 годы примерно на 10 п.п. Также за год сократилась доля ответа «инновационной деятельности мешает недостаток поддержки со стороны региональных или местных властей».

Между ответами респондентов о том, что именно мешает вести компаниям инновационную деятельность, зафиксировано большое пересечение. Участники не были ограничены в выборе числа вариантов из списка, насчитывающего 17 ограничений (помимо ответа «у нас нет особых препятствий для инноваций» и свободного поля «другое» для желающих сформулировать собственный ответ). Около четверти опрошенных отметили более пяти различных вариантов.

Выбор многих ответов из списка вместе говорит о том, что накопленные проблемы и ограничения во многом для бизнеса равнозначны. Подход к ним требуется комплексный и единовременный.

Основные препятствия для инновационной деятельности компании в 2020–2022 годах, %

Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа. Порог отсеечения >10%

Крупные компании ощутили на себе в большей степени, чем субъекты МСП, усиление санкционного давления, в том числе новые ограничения на поставку технологий. Об этом заявили 27,2% представителей крупного бизнеса, организации-субъекты МСП отвечали так в два раза реже.

Обратное соотношение зафиксировано в случае выбора варианта «инновациям мешает низкая предсказуемость хозяйственной деятельности» — если среди малых и средних компаний этот вариант предпочли порядка 30%

опрошенных, то среди крупных предприятий на низкую предсказуемость пожаловались только 15% участников опроса.

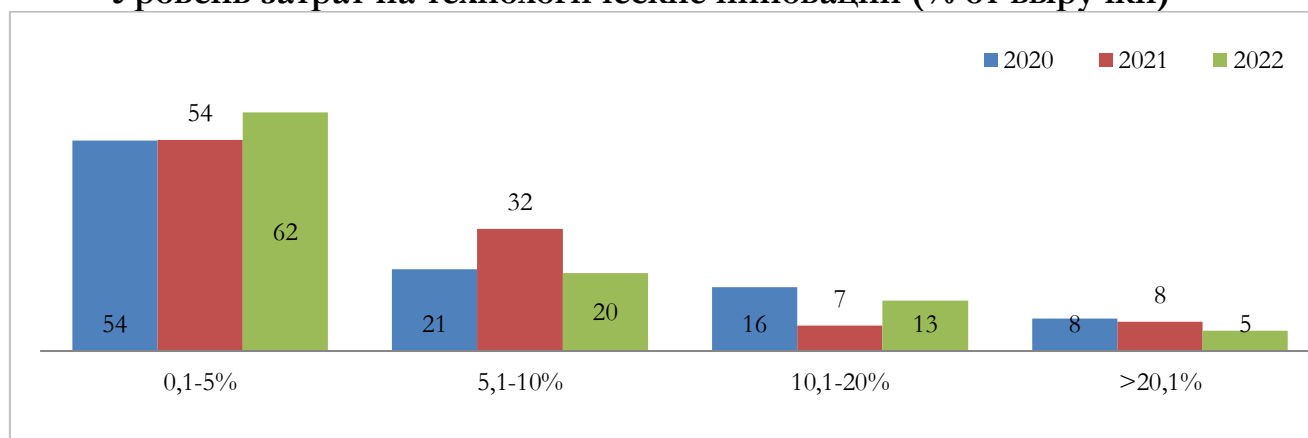
Три четверти компаний предоставили в 2022 году данные о затратах на инновации – на инвестиции в новые машины и оборудование, затраты на НИОКР, технологическую подготовку производства, приобретение патентов и лицензий, цифровизацию производства.

В среднем, уровень затрат на инновационную деятельность составил в отчётный период 7,2%. Год назад значение было равно 8,1%, а в 2020 году – 9,2%.

Однако пока сравнение данных показывает, что отличие в 1-2 п.п. укладывается в статистическую погрешность.

Медианное значение уровня затрат компаний на инновации и НИОКР во все три года одинаковое – оно составило 5%.

Уровень затрат на технологические инновации (% от выручки)

Значения округлены до целого числа.

По сравнению с 2020-2022 годом, компании стали чаще выбирать интервал «уровень затрат на технологические инновации составил до 5% выручки». В 2021 году оценки были смещены к ответам внутри интервала «от 5,1% до 10%».

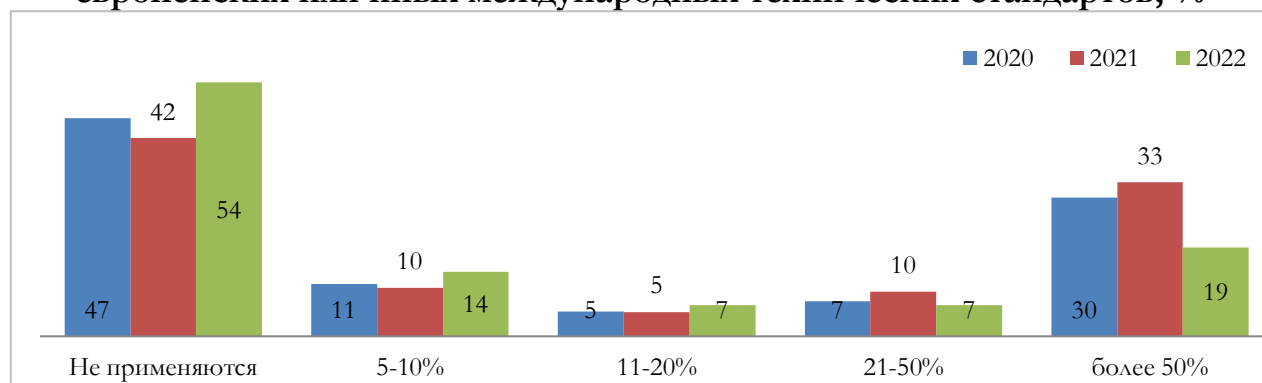
В 2020 году респонденты в два раза чаще, чем в 2021 году, указывали, что их затраты на инновации были от 10,1% до 20% выручки». Доля этого интервала снова подросла в отчётный период.

Более половины опрошенных компаний не применяли в отчётный год европейские или иные международные стандарты при изготовлении продукции.

Доля отрицательных ответов выросла по сравнению с данными за 2021 год на 12 п.п. и на 7 п.п., если сравнивать с результатами 2020 года.

В то же время респонденты стали значимо реже выбирать вариант «доля продукции, которая производится с применением международных техстандартов превышает 50%». В 2020-2021 годах об этом заявляли около трети предприятий, а в 2022 году только у пятой части опрошенных компаний международные технические стандарты использовались при изготовлении более 50% выпущенной продукции.

Часть продукции компании, которая производится с применением европейских или иных международных технических стандартов, %

Анкеты респондентов, пропустивших этот вопрос, исключены из анализа. Значения округлены до целого числа.

71,7% организаций, относящихся к малому и среднему бизнесу, дали отрицательный ответ на вопрос, применяют ли они в своей деятельности европейские или другие международные технические стандарты. Среди крупных предприятий их поддержали 47,6% опрошенных.

В то же время 22,4% крупных компаний сообщили, что доля продукции, которую они изготавливали с применением международных техстандартов, составляет более 50% от выпуска. Только десятая часть организаций-субъектов МСП выбрала такой же вариант ответа.

Для оценки, насколько широко затронула российские предприятия автоматизация, в этом году мы решили использовать показатель, обобщающий опыт внедрения различных систем автоматизации в производство или оказание услуг.

В целом, 69,4% компаний применяли в отчётный год в своей работе автоматизированные системы. Причём автоматизация более характерна для крупных предприятий – из них 76,9% использовали в деятельности различные системы. Среди организаций-субъектов МСП доля компаний,

автоматизировавших какие-либо технологические процессы, составила чуть менее 50%.

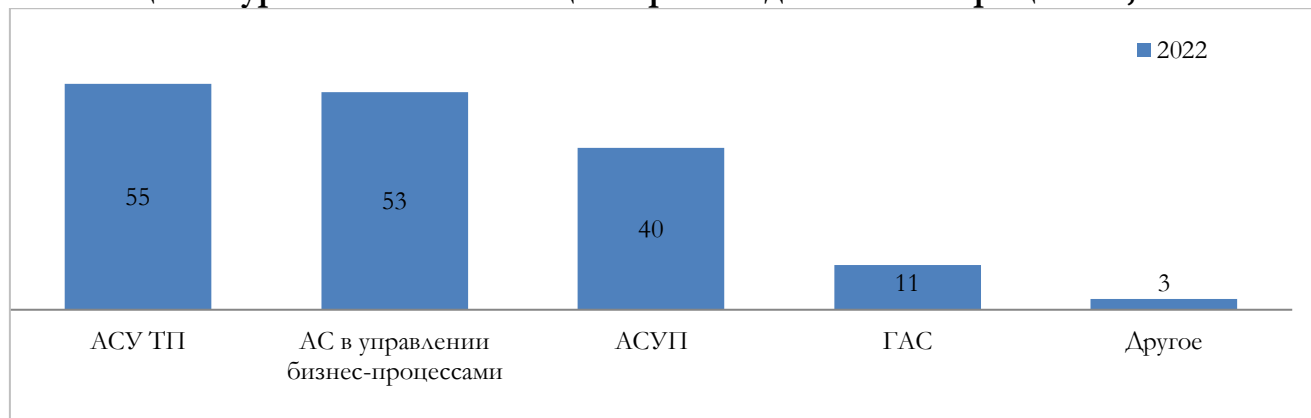
Если принять за 100% общее множество компаний, которые используют системы автоматизации, то чаще всего они используют в работе автоматизированные системы управления технологическими процессами (АСУ ТП) и автоматизированные системы в управлении бизнес-процессами. Эти варианты отметили около 55% предприятий.

В 39,6% организаций действуют автоматизированные системы управления предприятием (АСУП).

Десятая часть компаний установила гибкие автоматизированные системы (ГАС).

Некоторые респонденты дали собственные варианты ответа: «локальные системы управления», «частичная роботизация процессов сепарации отходов, на базе ИИ и отечественной техники», «автоматизированная информационно-измерительная система учёта энергоресурсов».

Оценка уровня автоматизации производственных процессов, %

Анкеты респондентов, пропустивших этот вопрос, исключены из анализа. Значения округлены до целого числа.

Только 8% компаний в 2022 году пропустили вопрос, используют ли они в своей деятельности специальные программные средства¹.

Треть компаний из множества опрошенных ответила, что использовали набор, состоящий из более 8 различных программных средств – с разным функционалом. Четверть компаний (25,7%) указала из списка 5-7 видов

¹ НЕ учитываются программы общего назначения, такие как операционные системы, компиляторы, стандартные программные средства, используемые для решения определенного класса задач (например, текстовые или графические редакторы, электронные таблицы, системы управления БД), если на их основе не разработано специальное приложение; антивирусные программы, программы электронной почты и т.п.

программного обеспечения. 20% организаций использовали в работе набор из 3-4 различных программ. В 2020-2021 годах распространённость ПО была примерно такой же.

Системы электронного документооборота использовали 72,2% компаний. Электронные справочно-правовые системы, программы для решения организационных, управленческих и экономических задач и программы для осуществления финансовых расчётов в электронном виде применяли порядка двух третей опрошенных организаций. Программные средства для проектирования, а также для управления автоматизированным производством и/или отдельными техническими средствами и технологическими процессами установлены примерно на 55% предприятий.

Чуть меньше половины – 48,3% организаций – использовали в своей деятельности специализированные программы для управления закупками и продажами товаров (работ, услуг).

Следующую группу программных средств – CRM, ERP, SCM системы; программы для предоставления доступа к базам данных через глобальные информационные сети, включая Интернет; программы для управления продажами товаров – применяли около 40% опрошенных компаний.

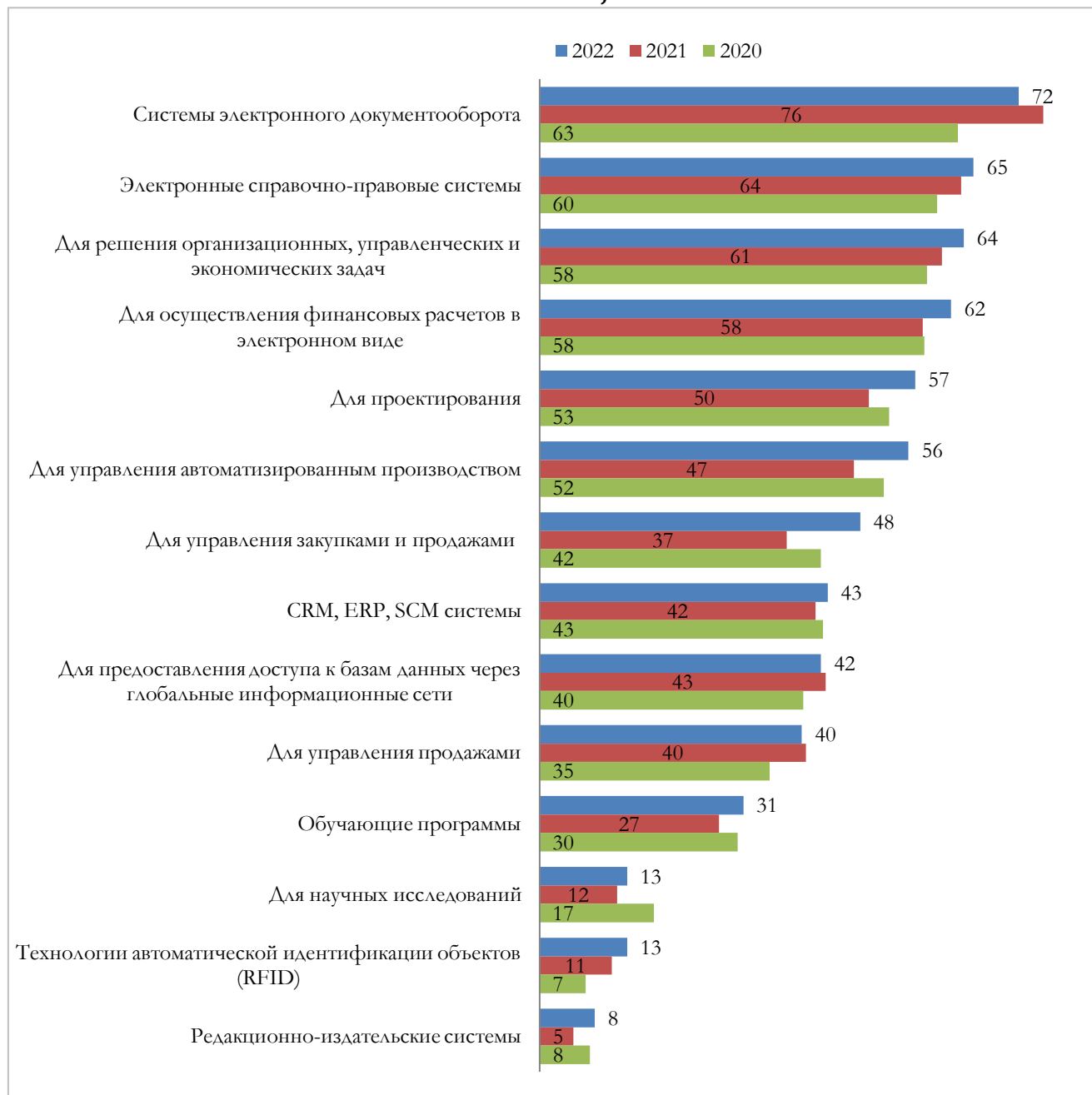
Обучающие программы установлены на 30,7% предприятий.

Наименее распространены в компаниях-участниках опроса, во-первых, программные средства для проектирования и технологии автоматической идентификации объектов (RFID), позволяющие посредством радиосигналов считывать или записывать данные, хранящиеся в RFID-метках; во-вторых, редакционно-издательские системы. Эти категории отметили уже около десятой части респондентов.

По сравнению с 2020 годом, выросла частота использования систем электронного оборота, однако, этот рост произошёл уже в прошлый отчётный период. А значение доли, полученное в 2022 году, очень близко к значению 2021 года.

Несколько чаще, чем в 2021 году, компании стали использовать в работе ПО для проектирования, для управления автоматизированным производством, для управления закупками и продажами.

Использование специальных программных средств российскими компаниями, %

Данные приведены без учёта доли «нет ответа». Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Во все годы крупный бизнес опережает малые и средние компании по числу различных программных средств, внедрённых в производство.

К примеру, в 2022 году 40% представителей крупных компаний сообщили, что используют в деятельности набор, насчитывающий более 8 видов различных видов ПО, тогда как в группе субъектов МСП в этот интервал попали ответы только 16,7% респондентов.

30% малых и средних организаций применяли в работе 1-2 видов ПО. Крупные компании дали такой ответ в 6,8% случаев.

Крупные предприятия значимо чаще субъектов МСП использовали и программы для проектирования, и программы для управления автоматизированным производством, и программы для управления закупками и продажами. Также они лидируют по доле компаний, применявших в деятельности обучающие программы; CRM, ERP, SCM системы; редакционно-издательские системы; технологии автоматической идентификации объектов (RFID).

Взгляд в будущее

После кардинальных изменений в геополитической картине мира, произошедших в 2022 году, многие прогнозы и планы оказались недействительны. В ходе опроса РСПП представители бизнеса получили возможность уточнить, какие негативные и позитивные тренды, проявившиеся в новой экономической и политической реальности, могут, по их мнению, приобрести устойчивый характер в будущем.

Три четверти опрошенных компаний ожидают продолжения частичной технологической изоляции России. 59,8% респондентов считают, что в перспективе произойдёт рост рисков и транзакционных издержек в экономике. Половина организаций ставит на дальнейшее вытеснение России с международных рынков.

Согласно оценкам 23,4% участников опроса, возможно дальнейшее снижение доступности информации, предсказуемости и правовой определённости нормативной базы ведения предпринимательской деятельности.

Реже всего – в 9,3% случаев – компании посчитали, что устойчивым трендом будет снижение уровня конкуренции. И только 3,3% респондентов решили остановиться на ответе «ни один из перечисленных вариантов».

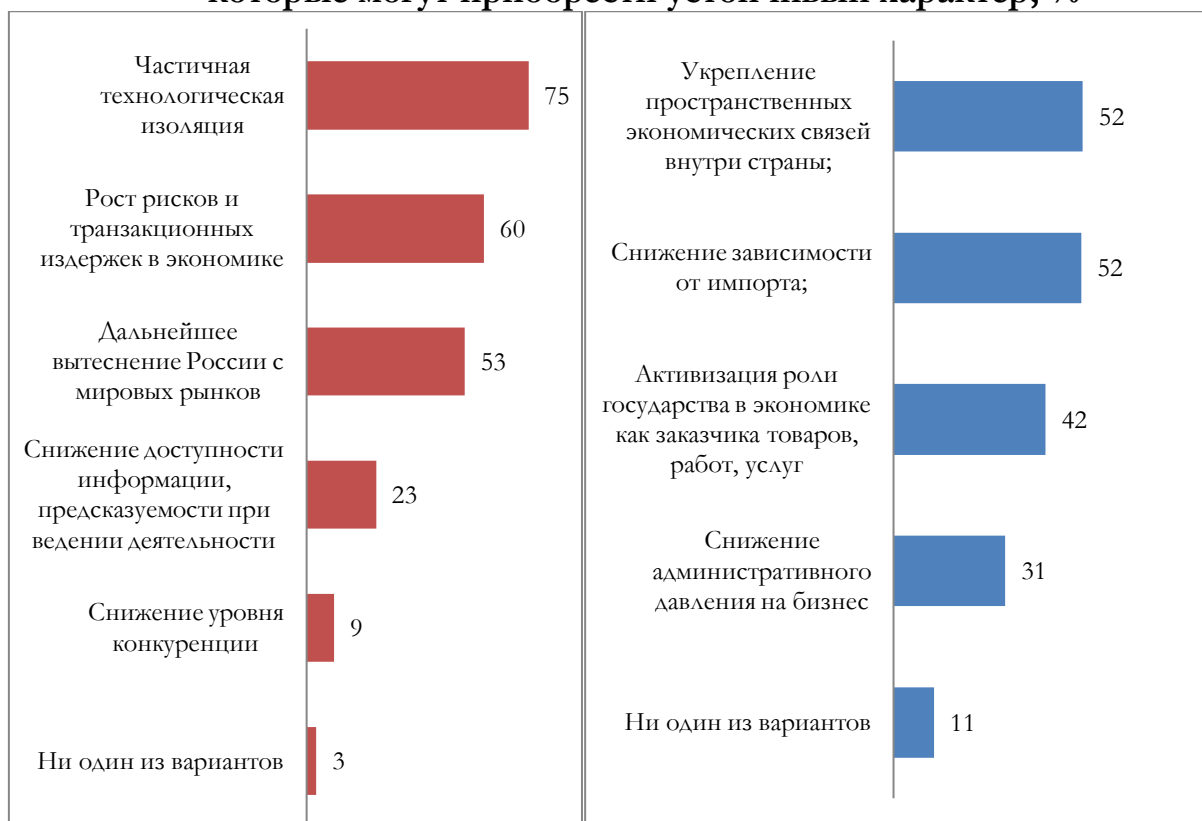
Из позитивных трендов примерно равное число предприятий – около 52% – указало, что Россию ожидает укрепление пространственных экономических связей внутри страны; рост внимания к развитию регионального инвестиционного климата, а также снижение зависимости от импорта, повышение продовольственной безопасности, технологической независимости.

Активизация роли государства в экономике не только как проводника политики, но и как заказчика товаров, работ, услуг для государственных нужд станет устойчивым трендом, по словам 41,7% респондентов.

Дальнейшее снижение административного давления на бизнес были готовы назвать реалистичным прогнозом на будущее 30,6% компаний.

И более десятой части опрошенных не подошёл ни один из перечисленных ответов.

Негативные и позитивные тренды в состоянии делового климата в России, которые могут приобрести устойчивый характер, %

Значения округлены до целого числа.

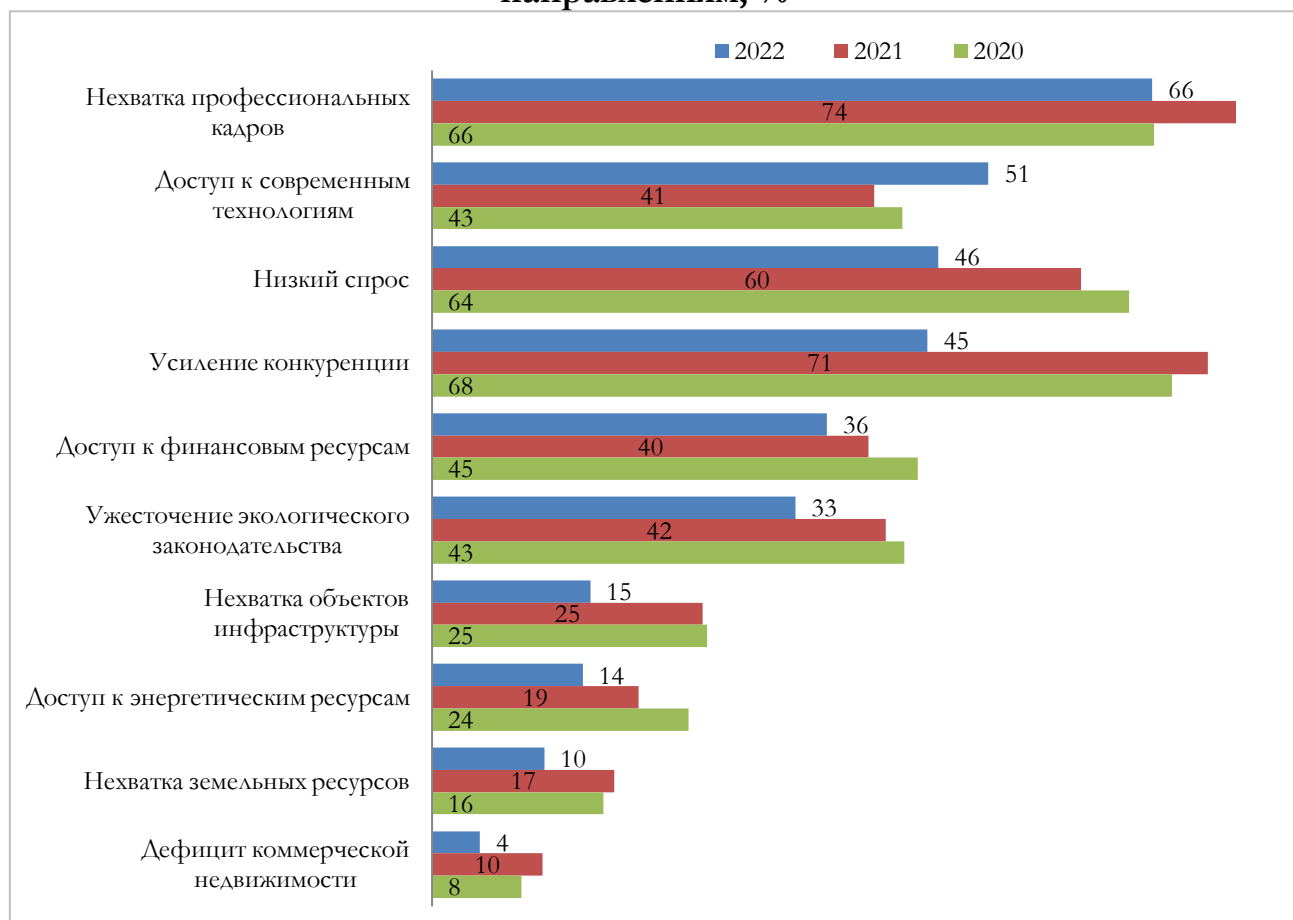
Если говорить об относительно краткосрочных прогнозах – в срок до трёх лет, главным вызовом и проблемой для российских компаний по-прежнему остаётся дефицит профессиональных кадров. С этим согласились две трети респондентов в 2022 году.

Чуть более половины участников опроса (51%) ожидают нарастания трудностей с доступом к современным технологиям. Примерно 45% компаний дали утвердительные ответы, оценивая, станут ли низкий спрос и усиление конкуренции – проблемами в перспективе до 2-3 лет.

36,2% компаний считают, что возможны проблемы из-за ограничения доступа к финансам. Чуть меньше – треть участников опроса уверена, что будет происходить ужесточение экологического законодательства, и это скажется отрицательным образом на деятельности их компаний.

Большинство предприятий – более 85% – не включило в список возможных проблем нехватку объектов инфраструктуры, ограничение в доступе к энергетическим и земельным ресурсам, а также дефицит коммерческой недвижимости.

Доля компаний, ожидающих проблем в перспективе 2-3 лет по направлениям, %

Значения округлены до целого числа.

За год однозначно изменились ожидания компаний в части возможных ограничений доступа к современным технологиям – доля респондентов, которые видят высокую вероятность возникновения проблем с технологиями, выросла на 10 п.п. по сравнению с данными за 2021 год.

Одновременно с этим снизилась значимость проблем, связанных с возможным низким спросом и высоким уровнем конкуренции. Ужесточение экологического законодательства, вероятная нехватка объектов инфраструктуры и

ограничение доступа к энергетическим ресурсам также стали в меньшей степени беспокоить представителей бизнеса.

Самый большой разрыв между результатами зафиксирован в случае возможности проблем из-за усиления конкуренции: если в 2020-2021 годах роста конкурентного давления ожидали в перспективе 2-3 лет около 70% опрошенных предприятий, то в отчётный год об этом беспокоились только 45% участников опроса.

Российский бизнес готов прогнозировать и планировать развитие своих компаний в основном на краткосрочную перспективу – планы работы на год приняты в 69,8% организаций, а стратегии на срок от года до трёх лет – в 60,9%.

Стратегии развития на срок от трёх до пяти лет распространены в меньшем числе компаний – в 39,1% из множества опрошенных, а стратегии долгосрочного развития только в четверти предприятий (причём их доля снизилась по сравнению с данными за 2020 год, когда 30,3% респондентов отметили этот вариант).

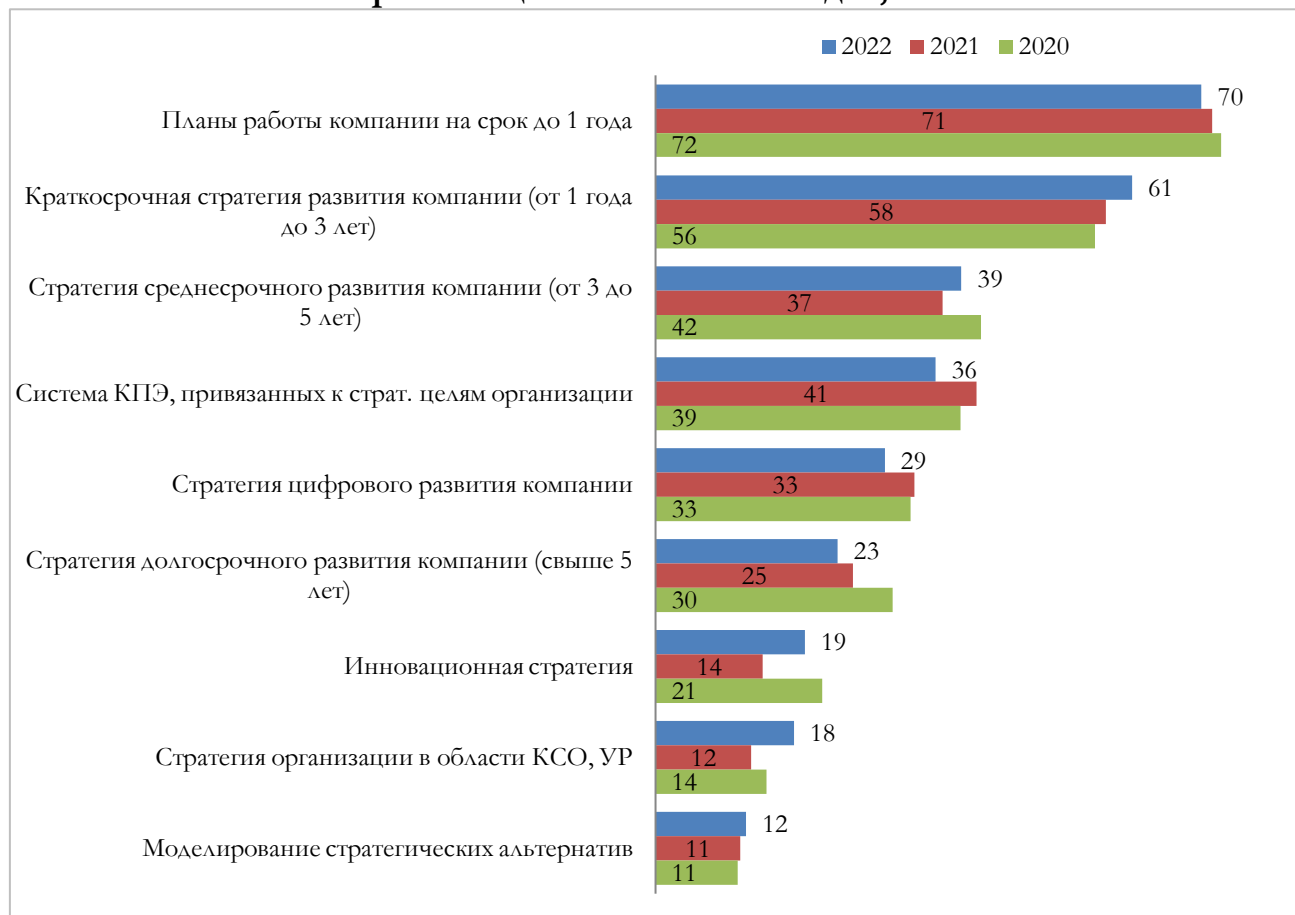
Ключевые показатели эффективности, привязанные к стратегическим целям организации, применяли в отчётный период 35,8% компаний.

В 29,3% компаний приняты стратегии цифрового развития (или проекты в сфере цифровизации). Инновационные стратегии или другие документы, направленные на инновационное развитие, разработаны в 19,1% организаций.

Стратегии в области корпоративной социальной ответственности или отдельных её ключевых направлений приняты в 17,7% компаний. В 2020-2021 годах этот вариант участники опроса отмечали реже – примерно в 12-14% случаев.

Моделирование стратегических инициатив распространено примерно в десятой части организаций.

Элементы в области стратегического планирования, существующие в организациях в 2020–2022 годах, %

Данные приведены без учёта доли «нет ответа». Вопрос предполагал возможность множественного выбора ответов, поэтому общее число ответов не сводится к 100%. Значения округлены до целого числа.

Среди крупных компаний в большей степени распространены среднесрочное и долгосрочное планирование – почти половина представителей крупного бизнеса сообщила, что в их компаниях действуют стратегии на срок от трёх до пяти лет, а в 30,8% разработаны стратегии, охватывающие периоды более пяти лет.

Малые и средние компании применяют в своей деятельности среднесрочные стратегии в 18,6% случаев, а долгосрочные стратегии почти не используют – этот вариант отметили в группе субъектов МСП только 3,4% респондентов.

Также значимо отличаются подходы крупных компаний и организаций-субъектов МСП при планировании инноваций, при реализации проектов цифровизации. Менее 10% малых и средних компаний сообщили, что у них действовали стратегии, направленные на решение инновационных задач и проектов по цифровизации. Среди крупных компаний доля этих вариантов была выше в три раза.

В два раза чаще, чем субъекты МСП, крупные организации использовали в своей деятельности систему КПЭ, привязанных к стратегических целям.